

К1234931

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

ec

К. Ф. ЖАКОВ

ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

СЫКТЫВКАР 1993

Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр

К.Ф.ЖАКОВ. ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

Труды Института языка, литературы и истории
Выпуск 55

Сыктывкар 1993

К.Ф. ЖАКОВ. ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА.- Сыктывкар, 1993.-
164с. (Труды Института языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО Российской академии наук;
Вып.55).

Основу настоящего сборника составляют материалы ре-
гиональной научной конференции "Наследие К.Ф.Жакова и
развитие культуры финно-угорских народов", посвящен-
ной 125-летию со дня рождения выдающегося коми писате-
ля и философа К.Ф.Жакова (Сыктывкар, 16-18 октября
1993).

Авторы статей рассматривают биографию К.Ф.Жакова,
его философские и педагогические взгляды, анализируют
его прозу, поэзию, эстетику. Большое внимание в сбор-
нике уделено исследованию эпохи К.Ф.Жакова, его связей
с русской и финно-угорскими культурами, осмыслинию фе-
нomena К.Ф.Жакова как явления финно-угорской культуры.

Сборник предназначается для научных работников, пре-
подавателей и студентов, учителей школ, всем, кто ин-
тересуется коми и финно-угорской культурой.

Редакционная коллегия

В.Н.Демин, А.К.Микушев (отв.редакторы), И.Л.Жеребцов,
Г.К.Лисовская (отв.секретарь), А.Д.Напалков

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1991 году исполнилось 125 лет со дня рождения выдающегося коми писателя и философа Каллистрата Фалалеевича Жакова (1866-1926). Имя К.Ф.Жакова, как отмечали финно-угорские писатели на своем первом съезде в Йошкар-Оле (1990), стоит в одном ряду с такими корифеями культуры финно-угорских народов, как композиторы Ференц Лист и Ян Сибелиус, поэты Элиас Ленирот и Шандор Петэфи, скульптор Степан Эрьзя. Однако до самого последнего времени (начало 90-х годов XX века) имя К.Ф.Жакова мало что говорило не только широкой публике, но и специалистам: его книги не переиздавались, исследований о его творчестве не было, публикации в печати застращались. Феномен Жакова оставался загадкой. Этот пробел и должна была восполнить региональная научная конференция, которая состоялась в Сыктывкаре. В ходе подготовки к конференции Институтом языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН была проведена большая работа по пропаганде творчества К.Ф.Жакова. По заказу института Народный художник России Э.В.Козлов написал первый портрет К.Ф.Жакова. В газетах и журналах Республики Коми о жизни и творчестве Жакова появились статьи сотрудников института В.Н.Демина, И.Л.Жеребцова, Г.К.Лисовской, профессора СГУ А.К.Микушева и др., вышла брошюра С.Н.Канева "К.Ф.Жаков: Жизнь и судьба", был опубликован препринт коллектива авторов (В.Демин, А.Микушев, Г.Лисовская, Т.Кузнецова) "Творчество К.Ф.Жакова". Большой вклад в пропаганду творчества К.Ф.Жакова внес известный коми журналист Л.А.Лыткин в выступлениях на радио, телевидении и в газетах республики. Цикл публикаций о Жакове завершился выставкой в Куратовском музее, редкие экспонаты для которой были получены из Латвии при содействии сотрудников Института языка, литературы и истории.

Главным событием юбилейного года стало проведение региональной научной конференции "Наследие К.Ф.Жакова и развитие культуры финно-угорских народов" (16-18 октября 1991 г.), в которой приняло участие более сорока ученых из четырех стран - России, Финляндии, Германии и Эстонии. Участники конференции возложили цветы на могилу К.Ф.Жакова, присутствовали на его поминовении в Воскресенской церкви села Ыб, познакомились с родиной К.Ф.Жакова - селом Давпон.

Конференцию, работа которой шла в трех секциях, открыл фольклорно-этнографический ансамбль "Парма"; на открытии научной конференции, где присутствовали внучка К.Ф.Жакова - Л.В.Жакова (Ярославль) и правнук писателя и философа - гитарист А.Л.Жаков (Санкт-Петербург), был оглашен приветственный адрес Президиума Верховного Совета и правительства Республики Коми, в котором, в частности, отмечалось, что проведение региональной научной конференции, посвященной изучению наследия К.Ф.Жакова, является свидетельством того, что литературоведческая наука в Республике Коми выходит на новый, более высокий уровень исследований. В адрес оргкомитета конференции поступили ряд телеграмм, в том числе от дочери К.Ф.Жакова Райды Каллистратовны Жаковой, проживающей в Латвии, и академика Яна Стадыня (Латвийская Республика), который, приветствуя Жаковскую конференцию, закончил свою телеграмму следующими словами: "Наследие К.Ф.Жакова бессмертно и должно сегодня дать новые импульсы национальному развитию народа коми".

Материалы конференции, ставшей не только значительным научным событием в финно-угорском литературоведении, но и заметным общественным явлением в жизни финно-угорских народов, мы и предлагаем в настоящем сборнике. Наряду с коми исследователями, в конференции участвовали ученые из Ижевска, Самары, Таллинна, Хельсинки, Гамбурга, Кудымкара, Ярославля. В докладах обсуждались разные вопросы жизни и творчества К.Ф.Жакова, его философские воззрения, его взаимоотношения с эпохой, особенности жизни и творчества за границей, педагогические взгляды ученого, страницы биографии, лингвистические взгляды, проблемы этики и эстетики... Некоторые положения в докладах носят дискуссионный характер.

Редколлегия выражает надежду, что публикация материалов конференции, являясь данью уважения к выдающемуся деятелю финно-угорской культуры и первым итогом в его изучении, будет способствовать расширению научного и общественного интереса к наследию и личности К.Ф.Жакова.

ТВОРЧЕСТВО К.Ф.ЖАКОВА
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ И ФИННО-УГОРСКИХ
КУЛЬТУР

К.Ф.ЖАКОВ
КАК ЯВЛЕНИЕ ФИННО-УГОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА

В.Н.Демин

(Ин-т языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН)

Перед теми, кто знакомится с жизнью и творчеством К.Ф.Жакова, открывается титаническая личность искателя истины, человека поистине фантастического таланта, заложившая знания, творчества, эксперимента...

Без преувеличения можно сказать, что творческий поэзия К.Ф.Жакова, как и его жизнь – одно из самых интересных созданий коми национального гения. Право так говорить К.Ф.Жакове дают его книги "На Север в поисках за Намом Бур-Мортом" (1905), "Из жизни и фантазии" (1907), "В хвойных лесах" (1908), "Эволюционная теория познания "Лимитизм" (1911), "Под шум северного ветра" (1913), лирико-философский роман "Сквозь строй жизни" (1914), "Гипотеза, ее роль в истории и философии" (1915), поэма "Биармия" (1916), его литературно-философские работы "Леонид Андреев и его произведения" (1909), "Поэзия Аполлона и Диониса" (1911), "Женские типы Чехова" (1912), "Иван Карамазов: Попытка философского истолкования романа Достоевского "Братья Карамазовы" (1909) и изданная его учениками уже после смерти писателя и философа книга "Лимитизм. Единство наук, философий и религий" (Рига, 1929 год).

К.Ф.Жаков писал на русском языке и принес в российскую культуру коми национальное миропонимание и мировосприятие. Но своеобразие феномена К.Жакова в том, что это его национальное мировосприятие было обогащено опытом мировой философской и художественной культуры. Сплыв философии и фольклора, поэзии и астрономии, математики и художественного творчества явили читателям самобытный тип творчества. Философия И.Канта и Ф.Ницше,

открытия Ф.Достоевского, Л.Андреева и К.Гамсона у К.Ф.Жакова корректировались коми национальным опытом и коми национальной философией, нашедшей отражение в устном творчестве народа, в первую очередь, в сказках и преданиях. Эта корректировка явилась основой его философии, которую К.Ф.Жаков называл философией лимитизма и которую с известной долей осторожности можно назвать одним из ответвлений философского течения конца XIX - начала XX вв., ставшего основой "русского духовного ренессанса", представленного именами философов В.С.Соловьева, С.Н.Булгакова, П.Л.Флоренского.¹

Сам К.Ф. Жаков, будучи еще и математиком, полагал, что философия должна быть основой всякого художественного творчества, что философские идеи должны оплодотворять поэтическое мышление. Что касается художественного мышления самого К.Ф.Жакова, то во многом оно определялось философией и поэтикой сказки. Сам писатель называл себя "сказочником", писателем, который воспринял дух и сказочно-фантастический характер сказки, найдя для себя форму, которая наиболее естественно позволяла раскрыть особенности дарования.

К.Ф.Жаков так определял свое мироощущение: "Душа моя была разбита на две части: на сказку и на звездное небо", имея в виду, что он всегда чувствовал тягу к сказке и философии, и добавлял: "Дар сказочника всегда спасал меня".²

В своем творчестве К.Ф.Жаков стремился показать особенности восприятия жизни коми крестьянским интеллигентом, который приобщился к высотам мировой культуры ("Из книг,- писал К.Ф.Жаков,- самые лучшие - Гомер и арабские сказки, Библия и Махабхарата, Сервантес и Свифт, Лесаж и Дефо...") и в то же время сохранил связи с народными истоками, с народными представлениями о жизни - сказками и легендами, мифами и верованиями. И если для других народные представления о роке, судьбе, тайне, избранничестве, предопределении были проявлением ограниченности народного сознания, то для Жакова это народное мироощущение, связь с таинственным, непостижимым - проявление связи с высоким, связь с небом, с прошлым, с пралогикой. Об этом своеобразно сказал сам К.Ф.Жаков: "Я волью в сказочную форму глубокое содержание действительности, действительность подниму

я до волшебной сказки и дам, таким образом, миру нечто совершенно новое".³

Чтобы понять феномен К.Ф.Жакова, следует отметить, что в начале XX века коми литература по существу не осознавала еще себя выражением народного духа. Наследие И.А.Куратова только еще начинало прорисовываться сквозь толщу забвения и молчания (в 1903 г. финским ученым Юрье Вихманом в Финляндии были опубликованы два стихотворения И.А.Куратова, позже о нем заговорили К.Жаков и П.Сорокин, но перед читателями во всем объеме творчество И.А.Куратова раскрылось лишь в 30-е годы XX века). Именно тогда и родилось понимание, что коми литература – это создание XIX века. В начале века было известно имя Г.С.Лыткина, но его знаменитая книга "Коми край при епископах Пермских и зырянский язык" (1889), которая явилась своеобразной философией коми жизни и коми языка XУ-ХІХ века, все же обращена прежде всего к истории. Это историко-философский взгляд на коми культуру сквозь призму развития коми языка. Она впитала в себя философию языка и нравственно-философские представления народа, связанные с христианскими ценностями. Многими коми писателями начала XX века именно Г.С.Лыткин воспринимался как основоположник коми литературы, создатель "чисто коми языка". Однако Г.С.Лыткин исследование жизни Коми края, особенности коми крестьянского характера по существу ограничивал пятилетним христианским опытом. В то же время надо отметить, что Г.С.Лыткин в начале века воспринимался прежде всего как исследователь языка, внесший значительный вклад в формирование философии коми культуры. В отличие от Лыткина Жаков предстал прежде всего художником, поэтом, писателем, который не только во всем многообразии представил коми народную жизнь конца XІХ – начала XX века, но воспринимал ее сквозь призму истории не столько христианской (этот слой коми народной жизни тоже, несомненно, имел отражение в творчестве К.Ф.Жакова – достаточно вспомнить его рассказ "Жизнь Фалалея"), но прежде всего языческой, первобытной, связанной с именами Пама Бур-Морта, Шыпичи, Тунныръяка, Яг-Морта, Дарук-Паша, эпохой легендарной Биармии. Жаков открывал дохристианский мир

коми, исследовал в мироощущении современного коми-крестьянина черты этого мира, его психологию и философию.

К.Ф.Жаков дебютировал как писатель в 1905 г. песнями Пама Бур-Морта. "Песни" К.Ф.Жакова – это особый жанр, содержание их связано с философскими проблемами бытия, с вопросами назначения человека. В них К.Ф.Жаков рисует древнее мироозерцание коми, по-своему реставрируя облик древнего коми человека, увиденного им в момент диалога со Вселенной. Его Пам Бур-Морт – это поэт-философ, который видит Вселенную и видит себя – и Человека вообще – в контексте Вселенной. "Песни Пама Бур-Морта" поражают величием и мощью запечатленного в них мира, силой фантазии автора, сумевшего проникнуть в глубины человеческого сознания, потрясенного величием Природы. Жаков рисует своего Пама Бур-Морта поэтом, который выражает свой восторг перед чудом земной красоты, перед многоцветием открывшегося перед ним мироздания.

Своеобразие стихотворных откровений К.Ф.Жакова в том, что его герои раскрывают свою душу перед Вселенной. Они несут ярко выраженный философский подтекст. В них отчетливо прослеживаются традиции философской лирики, тютчевская линия развития поэзии.

Сравнивая "Песни Пама Бур-Морта" с "Гимном огню" Константина Бальмонта, Валерий Брюсов считал, что такие произведения К.Бальмонта, как "Гимн Огню" – он их называет "песнями к стихиям" – роднят поэзию этого поэта "с Шелли и индийским пантеизмом".⁴ Таким образом, известный русский поэт вводит "Песни Пама Бур-Морта" в своеобразную традицию (индийская поэзия, поэзия Шелли, К.Бальмонт) и видит в ней ту ветвь поэзии, которая связана с пантеистическим восприятием природы, когда человек видит в природе воплощение бессмертия, вечности. О пантеистичности поэзии К.Жакова говорил в своей рецензии на "Зеленый сборник", где опубликованы "Песни" К.Ф.Жакова, и А.Блок. Действительно, "Песни Пама Бур-Морта" К.Жакова поражают необычностью мироощущения автора:

Ты, Корона неба, Ты – Вега,
Меж цветами неземными красивейший цветок,
Вы все – летящие искры от вечного горнила,
Где солнце и Млечные пути в огне возникают...
Осветите вы путь
Мне, идущему в мировом пространстве
От неведомого к непознанному.

Песни "Пама Бур-Морта" К.Жакова – это своеобразный апофеоз Природе, Человеку, Вселенной.

И все же главное в творчестве Жакова – проза: рассказы и лирико-философский роман "Сквозь строй жизни".

Рассказы К.Ф.Жакова воскрешают мир коми крестьянских представлений и обычаяев, национальных верований и социальных конфликтов, создают запоминающуюся картину жизни Коми края в начале XX века. Именно так, оценивал их П.Сорокин, в 1910 г. опубликовавший в "Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера" статью о ранних произведениях Жакова под названием "Грезы севера".⁵ Сорокин относил прозу Жакова к северной ветви европейской литературы, связанный с именами Оскара Уайльда, Генрика Ибсена, Генри Лонг-фелло, Кнута Гамсунна. "В творчестве К.Жакова, – отмечает П.Сорокин, – раскрывается своеобразный мир, мир, богатый образами, таинственными звуками, окутанный дымкой мистицизма. Все живет здесь: леса шепчут о каких-то тайнах мира, звезды тихо глядят на волнения людей, река прислушивается к горю и радости их... Мистицизм, близкий к пантеизму, брызжет в каждом рассказе и вводит нас в какой-то иной мир, отличный от мира трех измерений..."

Кто ищет в искусстве новые миры, отличные от действительности (а эту роль и выполняет по нашему мнению искусство), тот получит известное эстетическое наслаждение от пропитанного запахом смолистых сосен мира, рисуемого Жаковым".

По мнению П.Сорокина, характерная особенность творчества К.Жакова – пантеизм: ощущение природы как живого существа, способного жить особой чуткой жизнью. Оттого П.Сорокин видит в рассказах К.Жакова что-то тайное, скрытое от поверхностного взгляда, что-то мистическое, недоступное простому пониманию, какую-то загад-

ку бытия, которую и разгадывает автор. Эта традиция, по мнению Сорокина, уходит в древность и восходит к поэзии Гомера.

П.Сорокин не просто подчеркивает своеобразие мира прозы К.Жакова, но и отмечает, что писатель в своем творчестве глубоко уловил особенности коми народного характера, два его типа. Первый - это характер простого наивного человека (Пам Бур-Морт, Майбыр, Вену-литто, Мили-Кили). Они, - замечает критик, - путеводные огоньки среди темной ночи". Второй тип коми народного характера, отмеченный К.Жаковым, - великие колдуны Шыпича, Тунныр-Як, Дарук-Паш, Пам. Это сильные личности, индивидуалисты. "Они проводят свою жизнь в буйных скватках...", "все дозволено для них...", "великие страсти терзают их нутро и часто благодаря этой страсти они гибнут, как погиб Шыпича и погиб Тунныр-Як".

П.Сорокин считает, что, хотя перечисленные герои - создания фантазий писателя или герои фольклора, К.Жаков верно угадал особенности коми национального характера, и более того - был одним из тех писателей, кто участвовал в формировании его. "Всякий, хотя немного знакомый с зырянами, читая произведения К.Ф.Жакова, сразу заметит что-то зырянское, свойственное этому народу. Поэтому, - заключает критик, - в деле изучения какой-нибудь народности никоим образом не приходится игнорировать его литературные произведения".

Анализируя творчество К.Ф.Жакова, П.Сорокин делает чрезвычайно интересное замечание: главная особенность творчества К.Жакова - стремление к сказочности, мечте, фантазии - проистекает из особенностей коми народного характера, которые восходят к особенностям творчества финских народов в целом.

Статья П.А.Сорокина, в которой социологический подход к творчеству писателя сочетается с эстетическим, - одно из наиболее глубоких прочтений ранних произведений К.Ф.Жакова. По существу, она продолжает ту линию в интерпретации произведений выдающегося коми писателя, которая уже намечена в рецензиях В.Брюсова и А.Блока. Два больших русских поэта заметили своеобразие эстетического мира Жакова и, отталкиваясь от первых его произведений, дали ключ к прочтению его оригинального творчества, а П.Сорокин углубил эту трактов-

ку, связав творчество К.Ф.Жакова не только с традициями русской, но и мировой литературы (Гомер, Г.Лонгфелло, Ж.Руссо).

Высокую оценку самобытному творчеству Жакова дал и Горький. В 1911 г. после выхода первых, ранних произведений К.Ф.Жакова "На Север в поисках за Памом Бур-Мортом" (1905), "Из жизни и фантазии" (1907), "В хвойных лесах" (1908) Горький пишет их автору: "Сейчас прочитал Вашу книгу, очень взволнован ею и весьма усердно прошу Вас: познакомьте меня со всеми вашими трудами. Чувствую, что это должно быть очень интересно и может быть важно". А чуть позже, в 1912 году, также характеризуя ранние произведения К.Ф.Жакова, он пишет Л.Н.Андрееву из Италии (2-5 июля 1912 г.): "Знаешь: в России есть интересный писатель Жаков, зыряин. Любопытнейшая фигура". Жаков заинтересовал Горького, во-первых, тем, что открывает новые пласты жизни (это Горькому интересно и, может быть, важно), во-вторых, потому, что самобытно пишет (интересный писатель) а, в-третьих, необычностью своей судьбы и своей личностью ("любопытнейшая фигура"). В это же время А.М.Горький пишет и другое письмо Амфитеатрову, где вновь подчеркивает свое удивление перед самобытным талантом К.Ф.Жакова:

"Нашел интересного писателя - зыряина! Ах, хорош! А.Пешков."

А.М.Горький воспринимает К.Ф.Жакова на фоне российской литературы того времени и выделяет его из числа многих писателей, во-первых, как самобытный талант, а во-вторых, как зырянина, человека редкой одаренности, сумевшего проявить свой талант на российской литературной ниве.

Высшие достижения К.Ф.Жакова-писателя - это философский роман "Сквозь строй жизни" (1914) и "поэма севера" "Биармия" (1916). Они как бы обобщают два направления в его творчестве - реалистическое и сказочно-мифологическое. Оба произведения принесли широкую славу писателю. В первом из них потрясала правда исследования жизни. Рассказывая о своем жизненном пути, К.Ф.Жаков в своем романе с большой силой запечатлел характер неординарной личности, стремящейся к знанию, к поиску истины. Герой этого романа Феофилакт Панюков,

или, как его еще называет автор, — Гараморт, встречая сопротивление на своем пути, упорно идет к цели через равнодушие, безразличие, насмешки и противодействие окружающих его людей. Что ведет этого героя к цели — самореализации личности — провидение, воля, предназначение? Думается, на этот вопрос можно ответить словами А.М.Горького, сказанными им о Ф.И.Шаляпине: "Такие люди появляются... чтобы показать, как талантлив народ".

Многие исследователи подходят к роману как к автобиографии Жакова. Так, один из первых рецензентов писал: "Автобиография К.Ф.Жакова, вышедшая в 3-х томах под заглавием "Сквозь строй жизни", представляет интерес не только со стороны художественной, сколько по оригинальному психологическому материалу, — для северян же она, кроме того, имеет свое значение, как произведение человека, вышедшего из недр северного крестьянства".⁶ В то же время отмечалась особенность повествовательной манеры Жакова, в которой поражало "чрезмерное изобилие лирических отступлений", "бесконечные вариации одних и тех же мыслей и чувств, излишний пафос, переизбыток слез". "Но стоит глубже вдуматься и взглянуться в содержание автобиографии, — писал один из первых рецензентов, — и из-под изобилия хаотически нагроможденного лиризма выступает ценный психологический материал".

Сам К.Ф.Жаков по-иному смотрел на свое создание. "Скажут, — отмечал он, — эта же книга — твоя биография. А, может быть, и нет. А если даже и биография, то не все ли равно... — вам подражать ему не надо, а надо очиститься... читая невымышленную повесть его скитаний".⁷ Действительно, роман К.Ф.Жакова — это не просто автобиография, а исследование личности, постигающей мир и Мироздание, которое осознается ею как высшая ценность. "Сквозь строй жизни" — это не бытовой, но философский роман, хотя бытовая, социальная, этнографическая и географическая стороны занимают значительное место в структуре произведения. В самом деле, в романе К.Ф.Жакова возникает жизнь Коми края конца XIX — начала XX века, мы узнаем о нравах того времени и о людях, живших в нашем краю, — старосте Паникове из Ыджывидзя, столяре Нялае, учительнице Феоктист-

те Ивановне Забоевой, смотрителе училиш Кичине, о селе Лымском, Спаспорубе, об учебе и драках в Тотьме, об ученом мире Петербурга и особенностях преподавания, о Сибири и Японии.

Эта сторона романа интересна для читателя, стремящегося узнать, как жили наши предки - зыряне, каков был нравственный мир коми деревни.

Но рядом с этим миром возникает в романе и мир личности, стремящейся служить своему народу и сталкивающейся с обычательскими, ложными представлениями о счастье, о назначении человека. И здесь в повествовании слышится сильная критико-аналитическая нота, связанная с неприятием схоластических догм и омертвевших представлений. Живой человек и мертвое машинизированное общество. Эта антагония становится стержнем повествовательной структуры романа. Машинизированные структуры общества душат всякое проявление самобытности и непохожести, выжить, сохранить живую душу - вот назначение человека в этом машинизированном мире. "Жизнь, - пишет К.Ф.Жаков, - священна и дороже всех теорий и всех временных целей".

В романе с большой силой раскрывалась личность героя - человека, потрясенного красотой и величием мироздания, высотой созданий человеческого ума и полным равнодушием людей к этим ценностям. Герой романа хочет изменить мир, вернуть его в лоно сострадания и участия хотя не в силах преодолеть людскую инерцию. Эту инерцию не могут преодолеть даже такие титаны, как Достоевский, Гомер, Толстой, Сервантес, а просто талантливый человек, такой как Феофилакт Панюков - Гараморт - гибнет под напором обстоятельств. Однако Жаков считает, что талант изменяет жизнь, он вносит свой вклад в прогресс человечества, в нем тоже оживает вечность. Таков философский смысл романа "Сквозь строй жизни".

Несколько иначе рассматривали его философский смысл современники К.Ф.Жакова, полагая, что в основе романа лежит идея добра и сострадания. "Оптимистическое... учение Жакова с его идеей, что все объединено в Боге, - писал один из них, - немножко напоминает Спинозу с его грандиозным сознанием Божества, а душ - как мыслей Бога; только лишено той механичности, которой проникну-

та философия Спинозы. Учение Жакова отчасти также приближается к современной теософии с ее верою в постоянное совершенствование мира, в вечность духовного начала".⁶

Своебразным ореолом загадочности окутано одно из главных созданий писателя – его поэма "Биармия" (1916).

В поэме, созданной в годы величайшего кризиса XX века – мировой войны, в канун революционных катаклизмов, кризиса прежних ценностей – отразились мечты и коми крестьянства о справедливом государственном устройстве, о жизни в согласии и добрососедстве, о гармонии взаимоотношения человека и природы. Духовно-философские, национальные и нравственные проблемы коми крестьянства начала XX века нашли преломление в этом вершинном произведении коми писателя.

Сюжет поэмы "Биармия" раскрывается в сказочно-фантастической реальности. Для автора поэмы события в поэме "Биармия" происходят не в конкретно-историческом, но мифологическом времени, в том времени, тайну которого хранят древние коми леса и легендарные певцы, такие как житель леса, тун-волшебник и чернокнижник Комиморт. В разработке сюжета и историко-философской концепции поэмы К.Ф.Жаков опирался не на историко-археологические, а историко-географические, фольклорно-этнографические и национально-психологические источники – на коми мифологию, эпические песни и предания, баллады и легенды.

В поэме "Биармия" К.Ф.Жаков создает художественный мир, живущий по законам мифологии. Но в нем есть своя историческая и художественная правда. В чем она? Прежде всего в общей концепции древнего мира, достоверности сюжетных мотивов, связанных с жизнью коми в древние времена. Князь Яур, красавица Райда, богатырь Ошпи, певец Ворморт – это люди, живущие в коми парме, на просторах коми земли. Они олицетворяют коми национальный характер. Быт Коми края, его географические особенности автор воспроизводит с национальной и социально-географической точностью.

В "Биармии" К.Ф.Жаков сумел раскрыть не только национальный, но и поэтический мир древних коми. Фейербах отмечал, что "религия – это поэзия" – так можно

сказать, ибо вера – фантазия".⁸ Это поэтическое постижение мира и характеризует мировосприятие героев поэмы К.Ф.Жакова. Именно воссоздание поэтического мировоззрения коми человека – одно из значительных открытий поэмы. В ней как бы "построены" три уровня жизни, воспринимаемых древним человеком. Первый уровень – уровень Мироздания, в котором господствует Великий Ен, второй – это мир природы, и третий – мир человеческий. Мир природы, мир человека и мир Мироздания живут в добром согласии, в гармоничном, хотя и противоречивом единстве.

Поэма "Биармия", бесспорно, – одна из вершин творчества К.Ф.Жакова, произведение, в котором соединились знания К.Ф.Жакова-ученого о коми фольклоре, истории, быте и мировоззрении древних народов Севера с мировоззрением Жакова-философа, с его верой в самобытность и самоценность древнего мира коми. Она осталась в восприятии современников коми "Калевалой".

Не случайно Горький, ознакомившись с поэмой, спросил ее автора, не народное ли это произведение. На что К.Ф.Жаков ответил вопросом: "А "Слово о полку Игореве" – народное или не народное произведение?". "Горький, – вспоминал К.Ф.Жаков, – не знал, что ответить".

К.Ф.Жаков был самобытным писателем, искавшим свои пути в литературе и философии, человеком, стремившимся выразить в своем творчестве самосознание и миропонимание коми народа, но в то же время он был писателем, создававшим свои произведения на русском языке и поэтому вносявшим свои неповторимые краски в мелодику русской речи. Он и на русском языке оставался зырянином, сыном пармы, своеобразным коми исполином в стихии русской литературы. И он гордился этим, как гордился неповторимостью своих открытий, независимостью своих эстетических пристрастий и самобытностью своей манеры, в центре которой была личность бунтующего, бросающего вызов обществу человека. Это вызывало у оппонентов неприятие его писательской манеры. Но К.Ф.Жаков сохранял свою самобытность от посягательств благодетелей и спокойно им отвечал: "Эпическим не могу быть. Я не могу слушаться современников, ибо не знаю, что будет ценить потомство: литературу или правду. Не

лучше ли слушаться бессознательных стремлений. Может быть, как раз прекрасно то, что не нравится друзьям..."⁹

Сегодня мы убеждаемся, что К.Ф.Жаков был прав в стремлении сохранить свою самобытность. Именно благодаря своей зырянской "упрямке" он встает перед нами сегодня в неповторимой своеобычности, и мы понимаем, что К.Ф.Жаков - выдающееся явление финно-угорской культуры XX века, что его творчество - явление глубоко национальное.

В его самобытной новеллистике, автобиографической прозе, философской поэзии отразилось самосознание коми народа и собственные поиски писателя, его социально-историческое понимание времени. Творчество Жакова явилось поиском путей выхода из глубоких социальных и духовных катаклизмов, обрушившихся на коми крестьянство в начале XX века, поиском социальной и нравственной опоры в период наступления новых форм жизни, под воздействием которых разрушился прежний уклад коми деревни. В то же время творчество К.Ф.Жакова - это и своеобразный бунт личности против жестокости "железного века", протест против бездушной бюрократической машины, подавляющей личность. К.Ф.Жаков отразил, с одной стороны, стихийную мощь коми крестьянства, его стремление жить по законам мира, согласия, а с другой - сложность поиска истины, стремление человека к духовным высотам и понимание им трагической невозможности достигнуть нравственного согласия с современным миром. Не случайно творчество К.Ф.Жакова стало одной из вершин финно-угорской культуры XX века.

-
1. Акулиниин В.Н. Философия всеединства. От В.С.Соловьева к П.А.Флоренскому.- Новосибирск: Наука, 1990.- 160 с.
 2. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Ч.1.- СПб.: Тип. тов. "Грамотность", 1912.- С.49-50.
 3. Там же.- С.73.
 4. История коми литературы в 3-х т. Т.2.- Сыктывкар: Коми кн.изд-во, 1980.
 5. Сорокин П.А. Грэзы Севера // Известия Арх.

общества изучения Русского Севера. Журнал жизни Северного края.- 1910.- № 17.- С.33-37.

6. Поведская А. Рецензия // Изв. Арх. общества изучения Русского Севера, 1914.- № 18.- С.579-583.

7. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Т.III. Вып.1.- СПб., 1914.- С.40.

8. Цит. по кн.: Ленин В.И. Философские тетради. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969.

9. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Т.III. Вып.1.- СПб., 1914.- С.33.

К.Ф.ЖАКОВ
В ОЦЕНКАХ СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

И.Л.Жеребцов
(Ин-т языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН)

Трудно найти в истории Коми края человека, личность и творчество которого вызывали бы более противоречивые оценки, чем те, которые выпали на долю коми писателя, ученого, просветителя К.Ф.Жакова.

В первые годы после захвата власти в России большевиками К.Ф.Жаков, уехавший в 1919 г. в Эстонию, пользовался на родине значительным вниманием и уважением. Среди национальной интеллигенции и общественных деятелей Коми края имя его было весьма популярно, хотя и вызывало определенные споры. Так, противоречивые отзывы о К.Ф.Жакове, его творчестве содержались в публикациях коми журналиста и краеведа А.А.Чеусова.¹ Но общее отношение к Жакову высказал, как представляется, В.А.Савин, писавший в начале двадцатых годов: "Возможно, что профессор К.Жаков... теперь служит буржуазии, но в то время, когда он жил в России и писал, то писал о коми народе, искал пути к выходу на свет коми народу. Чтобы быть более знакомым с трудами Жакова, нужно его труды изучить. Укажите, от каких его произведений веет контрреволюционностью? Наоборот, везде и всюду он ищет пути освобождения коми народа из-под власти тьмы, гнета..."²

Заметки о К.Ф.Жакове публиковались в "Коми календаре на 1922 г.", "Коми календаре на 1924 г.", издававшихся в Усть-Сысольске. В 1924 г. местное издательство выпустило отдельной книжкой сказку Жакова "Майбыр". Доброжелательные отзывы о творчестве писателя появлялись в литературном журнале "Парма ель" (1922, № 1; 1923, № 2).

Смерть К.Ф.Жакова в Риге в 1926 г. не осталась без внимания. Коми отдел Совнархоза Наркомпроса РСФСР и представительство Коми АО при ВЦИК опубликовали траурное сообщение в газете "Известия". Некролог появился в журнале "Коми му", посвященные Жакову материалы печатались в газете "Югыд туй", архангельской "Волне", ленинградском "Вестнике знания". В Коми облисполкоме состоялся вечер памяти ученого и писателя.³

Краевед и литературный критик А.С.Забоев обратился с письмом в облисполком, предложив увековечить память К.Ф.Жакова, воздвигнув ему памятник. Облбюро краеведения и правление Общества изучения Коми края 11 марта 1926 г. приняли решение об издании неопубликованных трудов К.Ф.Жакова и о переиздании ранее вышедших его работ "на зырянском и русском языках с иллюстрированной подробной его биографией". План издания включал: 1) поэтические произведения, 2) прозу, 3) этнографические статьи, 4) философские произведения, 5) сочинения по математике, 6) автобиографию и 7) воспоминания о К.Ф.Жакове, литературу о нем и критику".⁴

Изданию трудов К.Ф.Жакова изъявили желание помочь академик В.М.Бехтерев, профессор С.О.Грузенберг, этнограф Д.Т.Янович и другие. Положительно откликнулся и Коми облисполком. Общество изучения Коми края предложило всем, знающим Жакова, присыпать воспоминания о нем, планировало выпустить специальный номер журнала, посвященный его памяти. Много сил приложили для собирания рукописей К.Ф.Жакова коми ученые А.С.Сидоров и В.И.Лыткин.

Внимание к личности и наследию Жакова со стороны коми интеллигенции 1920-х гг. вполне объяснимо. Перемены в стране, подлинный смысл которых многим остался еще неясен, появившаяся возможность самостоятельно строить жизнь своего народа в соответствии с его потребностями и национальными традициями (оставшаяся, в конечном итоге, реализованной лишь отчасти), способствовали пробуждению национального самосознания коми. На переломном этапе истории, тем более во время создания собственной национальной государственности вполне понятен интерес людей к своему прошлому, поиск в нем знаменательных вех, ориентиров - будь то приме-

чательные события или выдающиеся личности, на которые можно было бы оглядываться при движении вперед. Ибо любая культура, в том числе коми, создается и развивается не на пустом месте, а на фундаменте наследия прошлого. Не случайным поэтому было обращение к легендарной Биармии, к К.Ф.Жакову, Г.С.Лыткину...

В конце 1920-х гг. ситуация стала меняться. Набиравшее обороты искоренение инакомыслия в политике оказывалось и на культуре, формируя осторожное и даже боязливое отношение ко всему, что не укладывалось в определенные рамки, год от года становившиеся все жестче. Общее охлаждение властей всех уровней, особенно в национальных районах, к изучению национальной культуры, краеведению, к деятелям культуры, особенно дореволюционным, привело к тому, что планы по увековечиванию памяти Жакова так и не были реализованы. Было слишком очевидно, что покойный К.Ф.Жаков с его лимитизмом, антиурбанистическими настроениями, дореволюционным "стажем работы" и жизнью за рубежом никак не укладывался в рамки "пролетарской", "социалистической" литературы и науки.

Прошедшее в 1928 г. совещание при ЦК ВКП(б) по вопросам агитации, пропаганды и культурного строительства, где критиковались, в частности, "попытки направить развитие национальной культуры по буржуазно-демократическому пути (ориентация на "культурный" Запад, отрицание руководящей роли пролетариата в развитии национальной культуры, идеализация национальной "старины" и т.д.)",⁵ вызвало соответствующую реакцию на местах. В печати Коми области в 1928-1930 гг. появилась серия статей И.И.Оботурова под весьма характерными названиями "За социалистическую культуру", "Через художественную литературу усилим борьбу с национал-шовинизмом", "Вытащим коми художественную литературу из болота национал-шовинизма" ...⁶ Оботуров призывал: "Надо развенчать всех буржуазных и мелкобуржуазных героев коми торговой буржуазии и кулачества и выбросить их в мусорный ящик истории. Под клинком марксистско-ленинского анализа сызнова пересмотреть все литературное наследство коми интеллигенции" ...⁷

Первым "под клинок марксистско-ленинского анализа" попал К.Ф.Жаков - автор "ряда произведений идеалистического толка", который "все свое дарование приложил

к распространению идеалистических воззрений..., оказался выброшенным за борт революции" и вообще "мало интересен теперь".⁸ Положительные отзывы о творчестве Жакова были объявлены "национал-шовинистическими переоценками", а те, кто давал их, характеризовались как "объективно проводящие политику охвостьев коми торговой буржуазии и коми кулачества". И.И.Оботурова поддержал М.П.Доронин и некоторые другие.⁹

Но и в начале 1930-х гг. высказывались иные точки зрения. В.И.Лыткин писал, что деятельность Жакова принесла громадную пользу развитию коми культуры, необходимо объективно оценивать его творчество.¹⁰ Коми этнограф Г.А.Старцев подготовил книгу о коми фольклоре (1933), в которой впервые привел благожелательные отзывы Горького о произведениях Жакова. В 24-м томе БСЭ (1932) была помещена обстоятельная положительная статья о К.Ф.Жакове философа А.Кубицкого.

Такие отзывы были редкими и, пожалуй, последними. В первых обобщающих трудах по истории коми народа, изданных в 1932-1933 гг., их авторы Н.И.Ульянов и В.М.Подоров характеризовали Жакова отрицательно. Особенно критично был настроен последний, посвятивший К.Ф.Жакову целую главу и провозгласивший его "идеологом коми буржуазии и кулачества", "беломигрантом", "попом без рясы и креста".¹¹ С 1933 г. право на жизнь имела именно такая точка зрения, и в дальнейшем ее высказывали с различными вариациями И.И.Оботуров, К.Коничев, Г.А.Старцев (изменивший свое мнение), К.А.Блузман и другие.¹² В диссертации "Лимитизм как разновидность философской поповщины" Блузман критиковал "реакционный буржуазный, значит, антипартийный характер философской системы Жакова, враждебность этой системы мировоззрению пролетариата - марксизму-ленинизму", писал, что Жаков "оказался врагом рабочего класса и крестьянства, коми народа".¹³ В вышедшем в 1938 г. пятом томе Литературной энциклопедии статья "Коми литература" содержала уже резко отрицательную оценку творчества К.Ф.Жакова.

Эта точка зрения безраздельно господствовала до 1968 г. Даже в вышедших уже в послесталинское время исследованиях - "Очерки по истории Коми АССР" (т.1, 1955), "Очерки истории коми литературы" (1958), в работах А.К.Микушева "Коми литература и народная поэзия

зия" (1961), П.Г.Доронина "Письменность и литература коми до Великой Октябрьской социалистической революции" (1965, рукопись), Я.Н.Безносикова "Культурная революция в Коми АССР (1968), давались однозначно критические оценки творчества К.Ф.Жакова, в одних трудах сдержаннее, в других - жестче. Для широких кругов читателей творчество К.Ф.Жакова, по сути, перестало существовать.

С 1968 г. ситуация стала меняться. В статье "Литература коми народа" ("Север", № 6, 1968) Иван Изьюров называл К.Ф.Жакова "заметным представителем дореволюционной коми интеллигенции", творчество которого "до сих пор не получило должной объективной оценки, а имя его принято игнорировать... Между тем ряд произведений писателя имеет определенную историческую и познавательную ценность". А.К.Микушев, побывавший в Риге, 6 августа 1968 г. опубликовал в газете "Югыд туй" статью о жизни К.Ф.Жакова в Прибалтике ("Дружба йылысь висыт"), написанную с искренней симпатией к коми писателю и ученому.

Эти публикации пробили брешь в стене, возведенной вокруг Жакова. А.К.Микушева и И.В.Изьюрова поддержал В.И.Лыткин. В письме П.Г.Доронину 21 октября 1968 г. он писал: "Не мешало бы выпустить избранные произведения Жакова. У него имеется немало таких произведений, которые не потеряли ценности до сих пор..."¹⁴ В.А.Латышева в 1969-1970-х гг. опубликовала несколько работ о литературном творчестве К.Ф.Жакова, о его связях с фольклором, с германо-скандинавской литературой.¹⁵ В 1972-1974 гг. появились журнальные публикации А.В.Шабунина, Л.В.Жаковой и Н.М.Трифонова о жизни и деятельности К.Ф.Жакова, опровергавшие прежние, однозначно отрицательные оценки.¹⁶

Однако появление этих работ не означало реабилитации К.Ф.Жакова. Были и сторонники прежнего подхода к его творчеству и его деятельности в целом (краевед А.А.Попов, историк С.Н.Канев, фольклорист Ф.В.Плесовский, литературовед Г.В.Беляев).¹⁷ При Коми ОК КПСС была создана специальная комиссия по литературному и научному наследию К.Ф.Жакова под руководством директора Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР Н.Н.Рочева. От имени комиссии подготовили два варианта Заключения,¹⁸ выработанных келейно, без

обсуждения с большинством членов комиссии. На основе более жесткого, резко критического по отношению к К.Ф.Жакову варианта в газете "Красное знамя" 15 сентября 1977 г. публикуется статья "Соблюдать партийность в освещении вопросов истории" (естественно, без подписи). Так определилось официальное отношение к Жакову на последующее десятилетие. В "Истории Коми АССР" (1978, 1981 гг.) о нем есть лишь краткое негативное упоминание. Его имя хотели вычеркнуть и из "Истории коми литературы" (1980). Авторам одной из глав удалось отстоять возможность написать о Жакове, но прошедший в печать вариант также оказался однозначно отрицательным (за исключением благожелательных отзывов А.М.Горького, процитированных в этом издании). Иные мнения высказывались в печати крайне редко – можно указать лишь на публикации В.Н.Демина, Г.В.Беляева, пересмотревшего свои взгляды, и украинского исследователя С.И.Белоконя.¹⁹ И только в 1988–1989 гг., с появлением в местной печати и в других изданиях статей Л.В.Жаковой, В.А.Латышевой и других,²⁰ начался новый этап в изучении жизни и творчества К.Ф.Жакова, ознаменовавшийся изданием в 1991 г. его книги "Под шум северного ветра".

Таким образом, в изучении советскими исследователями творчества К.Ф.Жакова можно выделить следующие этапы. Первый включал в себя 1920-е и начало 1930-х гг., когда относительно свободно высказывались различные мнения, причем превалировали положительные оценки, сменившиеся на рубеже 20-30-х гг. отрицательными. Второй этап продолжался с середины 30-х до второй половины 60-х гг. – допускались только отрицательные оценки творчества и личности К.Ф.Жакова. Третий этап начался в 1968 г. и продолжался до конца 80-х гг., для него были характерны острые споры вокруг наследия Жакова при сохранении официальной, однозначно отрицательной оценки последнего. И наконец, на рубеже 80-90-х гг. началось объективное осмысление наследия К.Ф.Жакова.

¹ Югыд туй.– 1924.– 1 апреля; 1926.– 9 марта.

² Цит. по: "Молодежь Севера".– 1988.– № 139.

³ Известия.– 1926.– 27 февраля; Коми му.– 1926.– № 1–2,5; Югыд туй.– 1926.– 10 марта, 16 марта; Вест-

- ник знания.- 1926.- № 7; Волна.- 1926.- 18 июля.
4 ЦГА Респ. Коми. Ф.3, оп.2, д.26, л.33, 47-49.
Ф.710, оп.1, д.65, л.60.
- 5 Справочник партработника.- М., 1930.- Вып.УП,
ч.1.- С.412.
- 6 Ордым.- 1928.- № 11-12; 1930.- № 9; Ленин туйд.
- 1930, № 9.
- 7 Ленин туйд.- 1930.- № 9.- С.46.
- 8 Там же.
- 9 Ордым.- 1930.- № 23-24.- С.20-21.
- 10 Там же.- С.22-24.
- 11 Подоров В.М. Очерки по истории коми зырян
и пермяков .- Сыктывкар, 1933. Т.2.- С.54-69.
- 12 За новый Север.- 1934.- № 27, 62, 113, 147.
- 13 Архив КИЦ УрО РАН. Ф.1, оп.12, д.9, л.38,119.
- 14 ЦГА Респ. Коми. Ф.1346, оп.1, д.296, л.5.
- 15 См.: Всесоюзная конференция по финно-угро-
ведению.- Йошкар-Ола, 1969.- С.113-116; Вопросы со-
ветского финно-угроведения.- Саранск, 1972.- С.44-45;
Исследование финно-угорских языков и литературы.-
Ужгород, 1977.
- 16 Войвыв кодзув.- 1972.- № 1; Север.- 1974.-
№ 8.
- 17 ЦГА Респ.Коми. Ф.945, оп.1, д.16,17,22,23.
Ф.1715, оп.1, д.119; Войвыв кодзув.- 1972.- № 8.-
л.58-59.
- 18 ЦГА Респ. Коми. Ф.945, оп.1, д.20,21.
- 19 См.: Красное знамя.- 1979.-9 февраля; Беля-
ев Г. От вечно живого корня.- Сыктывкар, 1983; Ук-
раинская советская энциклопедия. Т.3.- Киев, 1980.-
С.537.
- 20 См.: Югыд туй.- 1988.- 27 февраля; Молодежь
Севера.- 1988.-27 марта; Литературная Россия.-
1988.- 1 июля; Даугава.- 1988.- № 5; Красное знамя.-
1988.- 20 августа, и др.

СТИХИ И ПРОЗА К.Ф.ЖАКОВА
В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПОИСКОВ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ НАЧАЛА ХХ ВЕКА

Ю.Б.Орлицкий

(Международный центр культуры "Волга", г.Самара)

Творчество Каллистрата Жакова в равной мере принадлежит коми и русской культуре начала ХХ в. Особен-но это касается его литературных произведений, по- скольку они создавались на русском языке и несут на себе отчетливый отпечаток литературных влияний того времени. Именно поэтому представляется вполне законо- мерным рассматривать поэтические творения крупнейше- го коми писателя ХХ в. в контексте русской стихотвор- ной культуры этой эпохи.

Как известно, русский читатель обратил внимание на новое литературное имя после появления стихов К.Жако-ва в "Зеленом сборнике стихов и прозы", отмеченных со-чувственной рецензией А.Блока. Показательно, что вели-кий русский поэт-новатор заметил именно это стихотво- рение К.Жакова - одну из "Песен Пама Бур-Морта": не- привычность свободного стиха для русской традиции в 1904 году была еще очень ощутима, основные опыты са-мого А.Блока в этом направлении были пока впереди.

Именно "Песни Пама" представляют особый интерес и для нас, поскольку их место в русской поэзии начала ХХ в. действительно уникально. Дело в том, что осталь-ные стихотворные произведения К.Жакова (лирические "Стихи неизвестного поэта" из книги, в которую вошли "Песни", и даже "Биармия") с точки зрения стиховой культуры своего времени явления вполне привычные. Дей-ствительно, лирические стихи выполнены традиционными ямбами и амфибрахием, "Песня молодого северянина" то- же в соответствии с русской традицией - "песенным" хореем; наконец, самое значительное произведение Жа-кова-поэта - четырехстопным белым хореем, стихом рус-

ских переводов "Калевалы" и "Гайаваты". Традицию же "Песен Пама" в русской поэзии обнаружить значительно сложнее.

Этот цикл эпических стихотворений выполнен, как уже говорилось, свободным стихом – типом версификации, достаточно поздно (по сравнению с европейскими литературами) возникшим на русской почве. Все ранние опыты верлибра носили подчеркнуто экзотический, заимствованный характер: А.Сумароков давал своим переложениям псалмов, вышедшим без рифмы и метра, подзаголовок "точно как на еврейском". А.Фет, а позднее М.Кузмин "маскировали" свои верлибры под античные метры и т.д. На рубеже XIX-XX веков большую группу свободных стихов создает А.Добролюбов, но и они достаточно экзотичны, поскольку являются как бы стилизацией народного духовного стиха. Позднее Жакова верлибр активнее входит в русло русской поэзии, но в 1904 г. его опыты оказались в числе первых действительно оригинальных русский верлибров.

Интересно, что в эти же годы – "в осень 1903 и в основном в 1905"¹ Константин Бальмонт переводит целую книгу верлибров Уолта Уитмена, отмечая: "При передаче строк Уитмена на русский язык я соблюдал наивозможно большую точность... Величайшая заслуга Уитмена – что он создал свой собственный поэтический язык, добро –вольно отказавшись от доступных всем нам созвонностей рифм. Без рифм, без обычных прикрас стиха, без обычной, свойственной стиху, правильной размерности, он достигает особого внутреннего ритма, создает дикие циклические напевы и втягивает в свой стих нежнейшие наивности, что таятся в движении воли и в шелестении ветерков".²

Я позволил себе такую большую цитату лишь потому, что данная Бальмомтом характеристика Уитмена, датированная тем же годом, что и выход в свет книги Жакова "На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом", вполне приложима к циклу "Песен", завершающих эту книгу. Действительно, Уитмена и Жакова роднит эпическая ориентация (прежде всего – на Гомера),³ пантеистическое мировоззрение, преклонение перед наукой и стремление воспеть ее новейшие открытия в поэзии; стремление объять стихом весь мир, все разнообразие его конкретных проявлений.

Разумеется, наряду с явным сходством творческой манеры двух поэтов, разделенных большим интервалом во времени и пространстве, есть и не менее существенные различия, касающиеся, в первую очередь, их отношения к изображаемой действительности. Американец Уитмен, "певец грядущей демократии", известен своим оптимизмом, которого не может поколебать даже созерцание человеческих страданий и смертей. Жаков, напротив, — и это тоже вполне вписывается в традицию русской литературы — склонен сострадать не только человеку, но и любому другому живому существу, даже самой материи; его герой созерцает многообразие жизни не с философским равнодушием Уитмена, а с плачем и молитвой. "Я славлю себя и воспеваю себя, — начинает американский поэт самую известную свою поэму и заканчивает ее утверждением, что "никто, даже Бог, не выше, чем каждый из нас для себя"; для Жакова же поиск и обретение бога, растворенного в природе, — главная цель человеческого скитания по бесконечности мира — "ибо я странник не одной Земли. А всей Вселенной"....⁴

К.Бальмонт, переводя верлибры Уитмена и отмечая их свободу от рифмы и метра, тем не менее не решается окончательно отказаться от традиционных примет стиха и частично метризует свои переводы, то есть делает их значительно менее "свободными", чем оригинал.

Верлибр Жакова свободен в полном смысле слова: в нем нет ни рифмы, ни метра, ни уравнивания строк по числу слогов и ударений, ни строфической урегулированности. Правда, метр содергится почти во всех первых строчках отдельных стихотворений и их главок, однако он исчезает тут же, во вторых строчках, не успев породить метрической установки на восприятие.

Характерно и то, что в самом объемном из верлибров цикла Жаков монтирует в свободный стих большой фрагмент строфической прозы — версэ, тем самым подчеркивая, что отчетливо понимает структурную разницу между этими двумя "переходными" формами организации художественно-речевого материала. Это подтверждается еще и тем, что в свободном стихе Жаков достаточно использует перенос — неотъемлемый компонент именно стиховой структуры, всегда заметно активизирующийся в свободном стихе. Изобретательно использует поэт также возможности

графики верлибра, присущей ему смысловой свободной строфики, разбивая текст на фрагменты в соответствии с логическим дроблением целого.

В своих "Песнях" Жаков не столько лирик, сколько оратор: его текст пестрит восклицательными и вопросительными знаками, многоточиями, другими приметами ораторского стиля. Это тоже сближает его с Уитменом и устанавливает определенную дистанцию с горячо любимыми поэтом эпическими авторами прошлого.

Безусловная ораторская установка в сочетании с освобожденностью стиха от всех традиционных ограничений формы позволяет говорить о верлибре Жакова как о явлении, возникающем в процессе прозаизации стиха. Напротив, его проза - не только сказочно-художественная, но и автобиографичная, и даже научная - несет на себе отпечаток несомненного влияния поэтической, стихотворной традиции. Сам Жаков не раз писал об этом, справедливо видя слияние поэзии и философии в своем творчестве, отражая в нем синкретическое единство культуры, не прошедшей всех ступеней европейской цивилизации.⁵

В другой книге, чисто философской по названию, Жаков доказывает близость художника (опять-таки на примере поэзии) и философа тем, что оба они неизбежно субъективны в восприятии и изображении мира:

"Что мир поэзии не оказывается равным реальному миру, это видно уже из того, что в области вымысла чувствуется отсутствие давящей реальности. Во все времена мифологические народы, окруженные богами, не испытывали поэзии в своем мировоззрении, потому что для них все это было очень реально. Для нас же, не верующих в богов, мифология древних сладчайшая поэзия, перлы ее. То же самое жизнь человека для философа, знающего, что понимание мира не адекватно ему, что оно зависит от нашей организации и скоропреходяще, жизнь для него сказка, поэзия высшего рода.

Таким образом, сущность поэтического творчества заключается в психическом синтезе отрывочных наблюдений действительности... Вот почему гениальная повесть, поэма или драма иногда представляется глубочайшим постижением смысла жизни, уразумением тайных пружин человеческих поступков: жизнь в перспективе поэта мо-

жет быть выше и стройнее, осмысленное и целесообразнее, чем сама пестрая действительность".⁶

Понятно поэтому, что в полном соответствии со своим пониманием природы и задач философии Жаков без сомнений включает в самые, казалось бы, далекие от художественной стилистики книги фрагменты глубоко поэтичные.

Если в научных трудах Жакова влияние поэзии сказывается в основном в лирических отступлениях, в нарочитой субъективности повествования, то в прозе художественной наблюдается еще более сильная экспансия поэтического начала, в том числе и на уровне структуры текста.

Так, небольшие рассказы и легенды из ранних книг Жакова можно рассматривать в русле традиционных "стихотворений в прозе". Особенno это относится к его миниатюре "Звуки природы" из сборника 1907 г. "Из жизни и фантазии", вполне соответствующей канонам этого жанра в его варианте начала XX в. Влиянием стихотворной лирики можно объяснить и деление объемного прозаического целого на небольшие соразмерные главы, сопровожденные эпиграфами (как в книге "Сквозь строй жизни"), и использование в ряде произведений коротких строф, часто равных одному предложению ("версэ"); можно обнаружить в лирической прозе Жакова и отдельные метрические фрагменты. Наконец, в "Жизни Пама Бур-Морта" встречаем отрывок так называемой "графической прозы", отмечающий наиболее эмоциональное место текста:

- "Молитесь! Пусть ваша душа сольется с миром. Обнимите все. Целуйте землю и слезами облейте ее.

Плачьте, плачьте бесконечно...

Плачьте!

Вы - вечное страдание...

Плачьте...

Вы - сущность...

И душа волхвов слилась с душою Бур-Морта, и с душою Вселенной...

И плакали они бесконечно...

И светлело, и светлело в их душе...

Плачьте!

Вы - боги... Еще шаг..."

Волхвы и Пам-отец стали учениками Бур-Морта и народы Сибири не тронули страны предков его".

Очень часто Жаков монтирует стих и прозу в пределах одного текста, что также является типичным проявлением сближения прозаической и стихотворной речи, характерного для русской литературы начала XX в. Мы уже отмечали, что Жаков использует и обратный вариант монтажа: прозы в стих в последней из "Песен". Но ведь она в свою очередь включена в контекст объемного прозаического текста — полиструктурной по своей природе книги "На Север в поисках за Памом Бур-Мортом", являющейся образцом сложного стихотворно-прозаического единства.⁸

Кстати сказать, монтаж стиха и прозы в рамках одного текста встречается и в коми эпической поэзии — например, в песнях "Сын Оленевода", "Младший Тынчос", "Старик хозяин Красных оленей и Навучка сын", "Педор Кирон" и других.⁹ То есть вполне правомерно говорить в данном случае о синтезе двух структурных традиций — русской и коми — в этой уникальной по своей природе книге.¹⁰

Таким образом, в творчестве Каллистрата Жакова мы находим практически весь спектр "пограничных" явлений, характерных для "поисковой" литературы его времени: от верлибра до стихотворения в прозе, лирической, графической, строфической, метрической прозы. Вместе с тем, "перебирая" варианты, типичные для современной ему русской словесности, Жаков находит и свои, во многом неповторимые: например, "научный" верлибр "Песен Пама" или полиструктурное монтажное целое книги, в которую он вошел. Таким образом, можно сказать, что поиски коми писателя не только вполне вписываются в общую картину эволюции русской литературы начала XX в., но вносят в нее собственные, в значительной мере уникальные новации. И только "закрытость" творчества Жакова до самого последнего времени не позволила русским ученым до сих пор обратиться к исследованию места русских произведений поэта и философа в контексте литературы начала века.

¹ Бальмонт К. Полярность // Уитмен У. Побеги тра-
вы.— СПб.: Скорпион, 1911.— С.7.

² Там же.— С.7-8.

³ О прямой связи "открытия" Гомера и собственного

обращения к стихам Жаков писал: "Когда я в Вологде" после реального училища впервые открыл Гомера, я долго рыдал, потрясенный красотой.. Вот где жизнь ощутил я душой и стал писать стихи "О Паме" // Жаков К. Сквозь строй жизни. Т.1.-СПб., 1912.- С.106.

4 Более подробная характеристика натурфилософских взглядов, выраженных в "Песнях Пама", дана в статьях В.Демина "Поэзия Жакова" // Творчество К.Ф.Жакова.- Сыктывкар, 1991.- С.32-35 и "Мир поэтических откровений"// Вестник культуры Коми ССР.- 1991.- № 2.- С.23-25.

5 Жаков К. Сквозь строй жизни. Т.1.- СПб., 1912.- С.107.

6 Жаков К. Теория переменного и предела в гносеологии и в истории познания.- СПб.: Издание М.В.Пирожкова, 1904.- С.156-157.

7. Жаков К. На Север в поисках за Памом Бур-Мор.- том.- СПб., 1905.- С.147.

8 Ценные наблюдения над структурой этой книги в связи с ее проблематикой: Г.Лисовская, "Новеллистика К.Жакова" // Творчество К.Ф.Жакова.- Сыктывкар, 1991.- С.13-14.

9 См. сб.: Коми народный эпос.- М., 1987.

10 Современный исследователь творчества Жакова упоминает эту книгу именно в связи с фольклорными основами творчества писателя: Туркин А. К.Ф.Жаков // Жаков К. Под шум северного ветра.- Сыктывкар, 1990.- С.28.

К.Ф.ЖАКОВ И ЭСТОНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НАЧАЛА XX ВЕКА

К проблеме общего "культурного пространства"

Н.М.Бассель

(Эстонская академия наук, г.Таллинн)

К.Ф.Жаков относится к числу представителей национальной литературы, чье творчество не может быть в полной мере объяснено и понято исходя из одного лишь национально-культурного контекста. К его рассмотрению вполне приложима методологическая формула венгерского ученого Л.Нирё: "Сравнительное литературоведение занимается изучением литературных явлений, вытекающих из связей национальных литератур, если эти явления не могут быть в полной мере включены в историю национальной литературы".¹ В самом деле, будучи не только в силу своей национальной принадлежности, но и по национально-фольклорным истокам и тематике своего творчества писателем коми народа, Каллистрат Жаков в то же время органически входит и в более широкие контексты – общероссийский и европейский, если иметь в виду как литературную, так и философскую и научно-филологическую стороны его деятельности и творческого наследия. Отсюда необходимость, с одной стороны, рассмотрения его творчества на разных уровнях, иначе говоря – в постепенно расширяющихся контекстах межнациональной культурной общности, с другой стороны – методами сравнительного литературоведения.

Оставляя более подробное изучение творческого наследия Жакова и его несомненно значительного вклада в коми национальную литературу в компетенции коми литературоведов, хотелось бы высказать некоторые соображения в плане более широкого контекстуального и сравнительного его рассмотрения. Здесь могут быть выделены

по крайней мере три основных аспекта наблюдения, а именно: 1) собственно литературно-художественный, 2) философско-эстетический, 3) научно-филологический. Поскольку К.Ф.Жаков создавал свои литературные и научные сочинения в первые десятилетия XX века - в эпоху и, добавим, непосредственно в контексте "серебряного века" русской культуры, когда в той или иной мере сходные явления и тенденции художественного развития имели место в культуре и других "окраинных" народов Российской империи, в том числе и прибалтийских, представляется уместным в интересах сравнительного классификации привлечь материал эстонской литературы и художественной жизни того же периода.

Считаем сразу необходимым сделать пару существенных оговорок. Конечно, по стадиально-типологическому уровню своего развития эстонская литература начала XX века и коми литература того же времени в целом явления почти несравнимые. Биографические связи К.Жакова с Эстонией не дают оснований говорить о каких-либо контактах писателя с эстонской литературой. И тем не менее сам художественный и, добавим, философский и научно-филологический феномен К.Жакова дает, на наш взгляд, основания для тех или иных типологических наблюдений и сопоставлений с тенденциями, проявившимися в рассматриваемый период и в литературе и художественной жизни эстонского народа. Особенно если учесть общероссийский и европейский культурный контекст первых десятилетий XX века.

Самым значительным явлением эстонской литературной и художественной жизни начала XX столетия следует, безусловно, считать течение "Ноор-Ээсти", возглавляемое одноименной литературной группой (1905-1915), издававшей сборники под тем же названием. Если попытаться вкратце резюмировать суть совершенной "младоэстонцами" "эстетической революции", то она сводилась к коренному обновлению существовавшей до начала XX века национальной эстетической системы, к стремлению приобщиться к новейшим европейским художественным течениям (через Финляндию и Скандинавию - в "общеевропейский культурный дом" того времени), к известному отталкиванию от традиционных ориентиров культурного влияния - немецких и русских, к предпочтению и подчеркиванию эст-

тетической ценности художественного творчества - не -
редко в противовес его социальной значимости (отсюда
известная недооценка реализма) и к поднятию на новый
уровень национального литературного языка, стихосложе-
ния и поэтики, литературного мастерства в целом, что
сопровождалось расширением палитры художественных форм,
жанров и стилей эстонской литературы. "Оставаясь эс -
тонцами, будем и европейцами!" - таков был концепту -
альный лозунг "Ноор-Ээсти". Неоромантизм в поэзии, сим-
волизм и импрессионизм в прозе - эти течения были при-
внесены в палитру тогдашней эстонской литературы имен-
но младоэстонцами, в первую очередь Густавом Суйтсом и
Фридебертом Тугласом. Новые черты и подходы привнесли
младоэстонцы и в отношение к национальному фольклорно-
му наследию. Расширяющиеся горизонты миропонимания бы-
ли бы невозможны и без пробуждения интереса к новейшим
европейским философским течениям (нишшанству и др.),
к восточным религиозно-философским учениям, "Эстети -
ческая революция", совершенная младоэстонцами, наряду
с достижениями эстонского критического реализма, спо-
собствовала тому, что спустя немногим более полувека
со времени появления национального эпоса "Калевипоэг"
Ф.Р.Крейцвальда эстонская национальная литература под-
нялась до уровня развитой европейской литературы.

Хотя, конечно, зарождавшейся коми национальной ли-
тературе было в те времена по понятным социально-исто-
рическим причинам еще весьма далеко до уровня худо -
жественной зрелости, согласимся с тем, что К.Жаков,
формирование которого происходило в русской петербург-
ской культурной среде, представлял собою явление в не-
котором роде исключительное, намного опередившее свое
время, если его рассматривать в национальном контексте
коми литературы предреволюционных десятилетий. Иnte -
ресно то, что по литературным истокам и ориентирам
своего творчества он обнаруживает немало общего с мла-
доэстонцами. "На формирование его литературных взгля-
дов и приемов, эстетических вкусов, - отмечает А.И.
Туркин, - оказали непосредственное влияние Л.Толстой,
Ф.Достоевский, Л.Андреев, скандинавские писатели Кнут
Гамсун, Оскар Уайльд, Генрик Ибсен. Творчество послед-
них оказало большое влияние на декадентскую литературу
всех стран, в том числе и на русскую"². Если же мы по-

смотрим на перечень модных в то время иноязычных писателей, активно переводимых на эстонский язык и формировавших духовную атмосферу, в которой сложились литературно-эстетические взгляды и симпатии младоэстонцев, то обнаружим следующее: "С русского переводили более всего произведения Льва Толстого, Антона Чехова и Максима Горького... Примечательным было также увеличение интереса к писателям Скандинавии и Финляндии (Юхани Ахо, Генрик Ибсен, Минна Кант, Сельма Лагерлёф, Кнут Гамсун и др.)".³ Говоря об иностранных писателях, послуживших образцами литературного мастерства для наиболее выдающегося прозаика "Ноор-Ээсти" Ф. Тугласа, Ю. Нирк называет в первую очередь Оскара Уайльда, Жоржа Роденбаха и Йенса Петера Якобсена.⁴ Такие совпадения, думается, далеко не случайны. Можно полагать, что литературно-эстетические вкусы, симпатии и пристрастия как К. Жакова, так и младоэстонцев формировались в едином "культурном пространстве".

В прозаическом творчестве Жакова явственно просматриваются два направления: реалистическое и сказочно-мифологическое. Если под этим углом зрения проводить типологические сопоставления с прозой младоэстонцев, в первую очередь – Ф. Тугласа, то обнаружим следующее. Реалистическое рассказы коми писателя ("Жизнь Фалалея", "Охотник Максим", "Старик Матвей", "Удалец и музыкант Степан Васильевич" и др.) носят более бытовой характер, в них силен этнографический элемент, многие рассказы и очерки К. Жакова подчеркнуто автобиографичны. Начав свой путь в литературе также с реалистических картин сельской жизни ("Волк" и др.), Ф. Туглас развивается в направлении усиления социально-критического начала (особенно в рассказе "Душевой надел", изображающем беспросветную жизнь нищего и эксплуатируемого эстонского крестьянина в начале века), углубления психологизма и совершенствования новеллистического мастерства ("Царский повар" и др.).

Обращение к фольклорному и мифологическому наследию своего и других народов, будучи одним из родовых признаков романтического метода в литературе, в начале XX века, во время появления так называемого неоромантизма, приобретает существенно новые черты. У К. Жакова значительную часть его творческого наследия составляют записи коми фольклорных сказок и преданий, их ли-

тературные обработки. Можно полагать, что помимо чисто научных целей фиксации и изучения устнopoэтического наследия родного народа К.Жаков стремился этими произведениями способствовать пробуждению национального самосознания своих земляков, показать культурному миру, что и коми народ обладает значительным фольклорно-мифологическим богатством, что и у него есть "аэро-паг" своих легендарных героев, богатырей и богов. Влияние же эпохи неоромантизма ощущается, на наш взгляд, в том, что национальные мифы и предания порою интерпретируются К.Жаковым в духе его собственных религиозно-философских представлений ("Жизнь Пама Бур-Морта", "Царь Кор" и др.). С другой стороны, сама поэтка сказок и преданий в записи и изложении К.Жакова несет в себе явственные черты символизма - художественную гиперболизацию, противопоставление надмирного и земного, вечного и прходящего, большую свободу пространственно-временных сдвигов и перемещений, богатую игру фантазии и т.п. Как яркий пример такого художественного синтеза, в котором народно-фольклорное сливается с символически-философским и характерным для Жакова пантеистически-религиозным мироощущением, можно привести следующий фрагмент из "Жизни Пама Бур-Морта":

— Взгляни, отец, на гладь мировой реки, ей имя — Дед. Она течет с далеких южных гор, тысячи рек других слились с ней, не удержав своих имен и не сохранив вида своего. Так малые народы соединяются с большими, забывая свои имена, оставляя старые нравы и обычай.

Много заливов у бурного моря, но всех оно в себя включает. Так всемирная религия торжествует над религиями малых народов. От несовершенного человек перешедший к совершенному, по ступеням жизни стремится к небесам, туда, туда...

... Существующее ускользает от наших чувств, но мыслится лишь отчасти. Оно — душа, части которой — мы. Мы — существующее. Мы вечны, сознающие "я"... Вот я кое-что постигаю, но многое ускользает...

В уме остаются — закономерность, вечность, бесконечность и "я".

Чуть-чуть не постигаю я всего! Всё же не все!
Встаньте на колени!

Молитесь! Пусть ваша душа сольется с миром.
Обнимите все. Целуйте землю и слезами облейте ее.

... И душа волхвов слилась с душою Бурморта и
с душою Вселенной... ⁵.

Художественные и философские тенденции, о которых идет речь, ярко и своеобразно проявились и в новеллистическом творчестве Ф.Тугласа, а именно - в той его части, что может быть охарактеризована как символическая. Эстонский классик стремится к созданию новых, подобных мифам, вплетая в ткань своих произведений фантастические события и образы людей, обретающие черты персонажей-символов. Особенно это проявилось в символических новеллах, вошедших в сборники "Судьба" (1917), "Дух гнета" (1920) и "Странствие душ" (1925). В них он стремится к философски-обобщенной трактовке вечных общечеловеческих проблем - таких, как жажда свободы, страх, человеческие страсти и инстинкты, рассматривая их на художественно-мифологическом уровне.

Если применительно к Жакову можно говорить о тех или иных элементах символистической интерпретации фольклорных преданий и мифов коми народа, да и сама символическая поэтика органически вырастает из приемов устно-поэтического народного творчества (гиперболизированные мифологические герои и божества коми-зырян, элементы анимизма в изображении животных и явлений природы), то у Тугласа мы видим скорее целенаправленную "символизацию" обыденного, переплетение реального и ирреального, психологизма и богатой игры воображения. В отношении к фольклору эти писатели представляют как бы разные этапы: эстонская литература к тому времени уже прошла этап "первоначального накопления" (Я.Хурт, М.Эйзен и др.), и писатели "Ноор-Ээсти" уже могли себе позволить большую свободу и критичность при обращении к устно-поэтическому народному творчеству. Известно, например, что Ф.Туглас даже весьма критично относился к "Калевипоргу" Ф.Р.Крейцвальда, считая более "подлинным" фольклором его наиболее архаичные пласти, не "испорченные" создателями "искусственных эпосов" и позднейшими интерпретаторами.⁶ И даже если он сам обращался к фольклорным образам и мотивам, то это для него было лишь отправной точкой - для свободного полета

творческого воображения в соответствии со своим художественным замыслом.

Как можно было видеть по цитированному выше фрагменту из "Жизни Пама Бур-Морта", К.Жаков использует фольклорные предания коми народа и для выражения через них посредство своих религиозно-философских концепций (идеи пантеизма, "переселения" и инобытия душ, приведшие из древнеиндийской философии, теория "лимитизма" в области познания). Можно полагать, что и в этом отношении Жаков и некоторые представители "Ноор-Ээсти" черпали из одних источников и существовали как бы в одном "культурном пространстве" - религиозном и философском. Выше мы уже говорили о Ницше и ницшеанстве, влияние идей которого испытали и младоэстонцы (Г.Суйтс, Ф.Туглас и др.), и К.Жаков; в плане же интереса к древней восточной философии и идеям пантеизма из числа младоэстонцев особенно выделяется поэт Эрнст Энно: обстоятельства личной биографии создали предпосылки для его мировоззренческой связи с "тем теософским учением конца XIX и начала XX века, которое (особенно в Германии) искало выход из трудных жизненных проблем в восточном, особенно поддержанном влиянием древней индийской и китайской философии, мистико-пантеистическом жизнепонимании. Не приходится сомневаться, что религиозно-философские искания К.Жакова и Э.Энно в этом направлении - явления одного порядка.

Третий аспект, в котором Жаков может быть сопоставлен с эстонской культурой конца XIX и первых десятилетий XX века, - научно-филологический. Здесь нет необходимости перечислять многочисленные научные труды К.Жакова в области языкоznания, фольклористики, этнографии и литературоведения - этому посвящены специальные доклады на настоящей конференции. Скажем лишь, что эта сторона деятельности характеризует необычайную универсальность коми ученого. Точки, а точнее - зоны соприкосновения с деятелями эстонской культуры обнаруживаются здесь прежде всего в области финноугристики: с поэтом и ученым последних десятилетий XIX в. Михкелем Веске, на которого К.Жаков даже ссылается в своем "Этнологическом очерке зырян",⁷ с младоэстонцем Виллемом Грюнталем-Ридала, поэтом и ученым-филологом, который оставил немало трудов по истории эстонской литературы, диалектологии эстонского языка и фольклористике. Что же

касается лидеров "Ноор-Ээсти" Г.Суйтса и Ф.Тугласа, то в интересующем нас плане они соединяли в себе писательскую деятельность с литературоведческой.

Сказанное позволяет сделать некоторые существенные выводы. Во-первых, как К.Жаков, так и младозэстонцы - это явления сходного типологического порядка в литературно-эстетическом, философском и в научно-филологическом плане. Опередив в контексте коми национальной культуры свое время, по крайней мере, на целый порядок, К.Жаков в то же время органично вписывается в более широкий культурологический контекст - обще-российский, оказываясь в зоне пересечения его с европейским. Там, в зоне этого пересечения и формировалось то общее "культурное пространство", в сфере воздействия которого оказались, с одной стороны, К.Жаков и с другой - младозэстонцы. Другой важный вывод, который мы можем сделать, касается полифункциональности К.Жакова в контексте коми национальной культуры: ведь он соединил в своем лице целый "букет" функций, которые в более развитых национальных культурах распределены между разными творческими индивидуальностями и даже разными периодами.

¹ Nyirő L. Problèmes de littérature comparée et théorie littérature//Littérature hongroise, littérature européenne.- Budapest, 1964.- P.505.

² Туркин А.И. Каллистрат Фалалеевич Жаков // Жаков К. Под шум северного ветра: Рассказы, очерки, сказки и предания.- Сыктывкар, 1990.- С.22.

³ Nirk E. Viron kirjallisuus.-Helsinki, 1986.- S.112.

⁴ Там же.- С.127.

⁵ Жаков К.Ф. Под шум северного ветра: Рассказы, очерки, сказки и предания.- Сыктывкар, 1990.- С.437-438.

⁶ Undusk J. Realismi mõiste ümer: F.Tuglase "realism" ja sajandivahetuse kultuur.- Tallinn, 1986.- Lk.45-46.

⁷ Жаков К.Ф. Под шум северного ветра...- С.332.

К.Ф.ЖАКОВ И ПЕРВЫЕ УДМУРТСКИЕ ПИСАТЕЛИ: ТИПОЛОГИЯ ТВОРЧЕСКИХ ПОИСКОВ

А.Г.Шкляев

(Удмуртский госуниверситет, Ижевск)

Открытие творческого наследия К.Жакова, которое для коми литературоведения и в целом для финно-угроведения требовало "вещью в себе", заставляет вносить корректировки и в понимание истории удмуртской литературы. В признании творчества К.Жакова как выдающегося явления коми национальной культуры видится новый, более широкий взгляд на историю зарождения и развития финно-угорских, в частности, пермских литератур. Дело не только в том, что литературоведение снимает с себя идеологические шоры и восстанавливает целостность литературного процесса, но шире, глубже и историчнее понимается сама категория национального. Под национальным имеется в виду не только то, что составляет гордость с точки зрения той или иной партии или идеологии, но весь спектр явлений, имеющих отношение к нации. Долгое время по причинам идеологического и чисто методологического характера история молодых национальных литератур искусственно сужалась: из нее фактически изымались (как антисоветские) произведения, написанные священниками; как ненациональные - произведения, написанные на русском языке; как нехудожественные - произведения, которые не укладывались в рамки традиционных, исторических позднее сложившихся жанров. Финно-угорское литературоведение в общем и целом успешно избавляется от такого догматического отношения к национальному наследству. К.Васин уже давно реабилитировал всю дореволюционную марийскую литературу, справедливо считая, что, во-первых, в XIX в. марийские писатели, не имея возможности публиковать свое оригинальное творчество на родном языке, писали по-русски; что, во-вторых, работая над переводом священных писаний, они совершенствовали

литературный язык подобно М.Лютеру, который перево-
дом "Библии" "вычистил авгиевы конюшни немецкого язы-
ка" и тем самым "создал современную немецкую прозу"
(Ф.Энгельс); что, в-третьих, "были целые эпохи, когда
литература, притом художественная, слагалась из совер-
шенно других элементов" (Н.Конрад), чем поэзия, по-
вествовательная проза и драма.¹ Венгерский ученый Пе-
тер Домокош в 1975 г. писал, что "написанные на рус-
ском языке произведения – такая же органическая сост-
авная часть молодых финно-угорских литератур, как и
латинские стихотворения Януса Паннониуса в венгерской
литературе, шведские стихи Л.Рунеберга в шведской"².
Такая точка зрения на истоки и первые шаги националь-
ной литературы еще не возобладала в удмуртской науке,
и многие памятники письменности, имеющие несомненные
художественные достоинства, а также произведения син-
кретического характера отлучаются от удмуртской лите-
ратуры. С одобрения ученых в 1989 г. было широко и
торжественно отмечено, как потом выразился Петер До-
мокош в докладе на VII Международном конгрессе финно-
угроведов, "так называемое столетие удмуртской лите-
ратуры".³ Венгерский ученый дедикатно намекнул, что
"столетие удмуртской литературы" имеет довольно услов-
ный характер. Если за точку отсчета литературы берет-
ся 1889-й – год выхода стихотворения Г.Верещагина "Си-
зый, сизый голубочек...", написанного на основе уд-
муртской народной песни, то за ее пределами остаются
не только панегирическая поэзия ХУШ в. на удмуртском
языке и вся переводная религиозно-житийная литература
XIX в., но и "этнографическая проза" Г.Верещагина,
прежде всего "Очерки вотяков Сосновского края", издан-
ные в С.-Петербурге в 1884 и 1886 гг. "Двухсотлетняя
удмуртская литература разделена на пять основных перио-
дов. Ее первый период, в основном, – с семидесятых годов
ХУШ века до 1889 г.",⁴ – писал Домокош еще в 1975 г.
При таком широком взгляде на первые периоды удмуртской
литературы приобретают свои национальные и литературно-
художественные права и "русская" "этнографическая про-
за" Г.Верещагина, и написанная по евангельским мотивам
"русская" повесть И.Михеева "Три года диявола возил",
и др.

Пытаясь обозначить мир "этнографической прозы" Г.Ве-
рещагина, ученые-историки дали ей филологическое опре-

деление: "этнографическая повесть".⁵ В самом деле, чисто научные фрагменты, собственно фольклорные тексты, циклы рассказов о мифологических существах, об удмуртских батырах, кладах, верованиях, зарисовки быта скомпонованы так, что "очерки" оставляют ощущение художественно целого произведения. "Необходимо также отметить, — считают те же авторы, — высокохудожественный стиль изложения материала (небезынтересно указать, что автор — прекрасный литератор ...)"⁶. Достаточно вчитаться в какой-нибудь абзац, чтобы понять: перед нами художник. "Везде царствовала мертвая тишина, как будто вся деревня была заколдована, заключенная в крепкие узы сна. Огней в избах не было нигде. На небе горели мирады ярких звезд, напоминающих собой люстру со множеством зажженных в церкви во время всенощной свечей".⁷ Многие отрывки "очерков" являются не только "жанровыми сценами", "живыми картинами повседневной жизни крестьян",⁸ но уже почти сформировавшимися рассказами. Один из фрагментов прозы Г. Верещагина, который может считаться первым удмуртским рассказом, условно назван "Гуждор". "На другой день Гырины-потона собираются в поле и составляют пирушку Гуждор — "край, начало лета". На этом празднике я сам имел случай присутствовать. 27 апреля 1882 года я случайно получаю от знакомого мне крестьянина-вотяка деревни Кайсыгурта, Назара Васильевича, записку, в которой, между прочим, читаю следующее: "приезжайте на наш вотский праздник Гуждор!" Прочитавши записку, я начал собираться в ту же минуту; подвода была послана за мной готовая и к тому же ямщик, привезший записку, торопил меня, уверяя, что на Гуждор уже собираются. Медлить я не стал, — сел и поехал с женой. В дороге от нечего делать я вошел в разговор с ямщиком-вотяком.

- Весело должно быть у вас на Гуждоре? — спросил я его.
- Как не весело: девки одеты хорошо, потчуют кумышкой, а кумышка все с медом, — ответил он.
- А меня будут потчевать?
- Как же, для того и праздник, чтобы девки потчевали; только дай немного денег".

Из диалога мы узнаем не только этнографические сведения, но видим характер молодого ямщика, мысли кото-

рого занимают девушки. Далее рассказчик подробно останавливается на том, как он вместе с сопровождающим его Назаром Васильевичем пьют у него дома чай.

— "А ведь так, Назар Васильевич, времени пролетит немало и мы не увидим Гуждор.

— Ничего, — ответил он, — на Гуждор собираются только сейчас.

— А зачем ямщик нам сказал, что Гуждор начался еще тогда, когда он отправлялся за нами?

— Врет, — ответил он, улыбаясь, — он думал, что отстанет от девок, поэтому и торопил вас".

Возвращаясь к разговору с ямщиком, автор как бы скрепляет части рассказа между собой, создает "цепление". Следующие предложения как бы подтверждают предыдущее. "В самом деле, взглянувши в окно, я увидел группы разряженных ватячек, идущих, вероятно, на Гуждор. Напившись чаю, мы всей компанией отправились на праздник".

Уже этот отрывок "очерков" является самостоятельным, завершенным, сосредоточенным в самом себе повествованием, и ему можно даже дать название: "Поездка на Гуждор". Но далее следует еще подробное описание Гуждора. Конечно, для этнографического очерка достаточно было бы простого описание праздника, совершаемых на нем обрядов, но для автора этого мало, у него есть своя сверхзадача. В начале повествования рассказчик спросил у ямщика, будут ли и его, рассказчика, потчевать? Теперь этот разговор тоже срабатывает, автор опять возвращается к нему. "... Во все время пред попами стоят женщины или девушки по очереди с кумышкой. Чтобы понять несколько слов попа, я подошел к костру и стал у него. Вдруг подходит ко мне низенький ватячок с трубкой в рту и, не вынимая трубку, говорит: клади деньги! да-ром не пей кумышку! Но денег я при себе не имел, надо было занять у кого-нибудь; к счастью, тут же рядом со мною стоял знакомый ватяк: я занял у него десять копеек, и подошедши к елке, бросил на скатерть два пятака и отошел..."

Ямщик в рассказе не появился, но тема девушек еще напоминала о себе. Таким образом перед нами предстал не только праздник Гуждор, но на его фоне — пытливый рассказчик, узñaющий деревенские типы, готовый засту-

питься за достоинство вотяков, когда их называют мышами (удмуртов обзывали раньше "саврасой мышью").

От рассказов - "осколков зеркал" Г.Верещагин шел к рассказам - "оптическим фокусам"⁹ со сложной композицией. Исследователь даже видит в поздних рассказах этнографа форму "Декамерона" Боккаччо. Только "здесь в центре внимания не любовные истории, а рассказы, возникшие в результате столкновения человека с языческими богами, мифологическими персонажами, или повествования о разбойниках, кладах и др."¹⁰ Судя по хронологии творчества, К.Жаков повторял примерно тот же путь в жанре рассказа. Рассказ как жанр вызревал в его этнографических очерках, на основе наблюдений над национальными особенностями своих сородичей, в его романтизированном или, как пишут в "Истории коми литературы", "жаковизированном" фольклоре".¹¹

Но если на фоне творчества К.Жакова мы заново открываем русскоязычные произведения удмуртских авторов как часть национальной удмуртской литературы, то в контексте творчества первых удмуртских писателей видна органичность творческих поисков самого К.Жакова для пермских литератур. Он отразил в своем творчестве многие из тенденций, которые просматривались позже в удмуртской литературе.

Наиболее близко перекликаются с творчеством К.Жакова искания Кедра Митрея, который хотел воссоздать древнюю историю своего народа в "исторической трилогии" ("Идна-батыр", "Эш-Тэрек", "Юбер-батыр") и, как Жаков с его романом "Сквозь строй жизни", попытался в романтическом духе осмыслить свой путь в повести "Дитя больного века". Кедра Митрея отбирал яркие романтические фигуры, которые обычно гибнут или терпят фиаско в столкновении с жестокой действительностью, или фигуры, которые несут на себе печать тайны. Так же, как Кедра Митрея, Жаков в качестве повествователя выбирает тонко чувствующего мир, впадающего в глубокую печаль или в романтический восторг молодого человека, путешествующего по деревням. У Кедра Митрея это исключенный из духовной семинарии безбожник, у К.Жакова - сын резчика, путешествующий по следам своего дет-

ства. У обоих писателей, тяготеющих к романтическому методу воспроизведения действительности, повествователь сетует на то, что современные люди обмельчали и не понимают мечтательного героя. К.Жаков склонен к поиску людей необыкновенных и по поступкам, и по их внутреннему миру. Это Парма Степан, который вскормил диких гусей, и те каждое лето прилетали к нему во двор с южного моря Сариц ("Парма Степан"), и один из рассказчиков, с кем были "звери и птицы дружны", чью дорогу "серый волк часто перебегал,... искося глядя маленькими глазами" ("Придаш"), и Тимка-нищий, рожденный матерью от медведя ("Пильвань"). По аналогии можно здесь вспомнить. Дангира из "Тяжкого ига" Кедра Митрея, который почти богатырь и почти урод; девушку Мати из одноименного рассказа К.Герда - красавицу, превратившуюся в лесную русалку. Таким людям тесно в действительности, "в одну линию расположенной жизни" (К.Жаков, "Этнологический очерк зырян"). Условия жизни кажутся им "узким горлышком бутылки" ("Удалец и музыкант Степан Васильевич"). Вместе с тем герои Жакова достигают столь высокого душевного порыва, что их переживания, их видение жизни превращаются в поэзию высшей пробы. Увлеченный астрономией, устремленный к вершинам духа, писатель, вероятно, и своих героев наделял этим качеством.

Как бы изолировано, в отрыве друг от друга ни развивались на рубеже XIX-XX в. финно-угорские литературы Поволжья и Урала, в них параллельно шли сходные процессы - с опережением или отставанием.

¹ Васин К.К. Просветительство и реализм. К проблеме генезиса социалистического реализма в марийской литературе.- Йошкар-Ола, 1975.- С.11,16,19.

² Domokos P. Az udmut irodalom tortenete.- Budapest, 1975.- С.213.

³ Sessiones Plenares Dissertationes. Congressus Septimius Internationalis Finno-Ugristarum.- Debrecen 27.VII.1 - 2.IX.1990.- С.292.

⁴ Domokos P. Az udmut irodalom tortenete.- Budapest, 1975.- С.544.

- 5 Цит. по кн.: "История удмуртской советской литературы в 2-х т. Т.1.- Устинов: Удмуртия, 1987.- С.27.
- 6 Владыкин В., Христолюбова Л. Пятьдесят лет своей жизни я посвятил науке... // Молот, 1981.- № 10.- С.53.
- 7 Верещагин Г. Вотяки Сосновского края.- Сиб., 1886.- С.109.
- 8 История удмуртской советской литературы в 2-х т. Т.1.- Устинов: Удмуртия, 1987.- С.27.
- 9 Русский советский рассказ. Очерки истории жанра. - Л.: Наука, 1970.- С.6.
- 10 Зуева А.С. Поэтика удмуртского романа.- Ижевск: Удмуртия, 1984.- С.6.
- 11 История коми литературы в 3-х т. Т.2.- Сыктывкар, 1980.- С.86.

К.Ф.ЖАКОВ И ФОЛЬКЛОР

Ю.Г.Рочев

(Ин-т языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН)

Коми фольклористы никогда не отрекались от творческого наследия К.Ф.Жакова, поскольку явления народного творчества не подвержены каким-либо переоценкам по композитурным соображениям, а вклад Жакова в научное осмысление коми фольклора не подлежал и не подлежит сомнению — он первый предложил научную систематизацию коми сказки. Пусть эта классификация далека от реального состояния народной традиции, в ней не учтены, например, формальные признаки жанра, но это было первой попыткой, причем она явно носила печать жаковской индивидуальности. Несомнен также его вклад в деле собирания произведений устной словесности и их публикаций. Так, в двух номерах журнала "Живая старина" за 1908 г. были изданы коми народные сказки в переводе на русский язык. Среди них такие известные и поэтические сюжеты в коми сказочной традиции как "Настасья Адовна", "Рак-молодец", "Простак" и др. "Настасья Адовна" (по СУСГ 313 А "Чудесное бегство") обращает на себя внимание тем, что в ней в мельчайших деталях, с привлечением мотивов из несказочной прозы разработаны начальные эпизоды сказки: приобретение крестьянином денег на отхожих промыслах; поимка его длинным седобородым стариком; обещание отдать старику то, чего сам не знает дома, скрепленное кровью; троекратная попытка старика выманить сына крестьянина из дома; долгое путешествие сына к старику по нижнему миру; встреча с братом старика, "идущим к святости" и помогающим Герою советами; свидание и словор с дочерью старика

Настасьей Адовной о взаимопомощи; встреча со стариком и знакомство с его "житьем-бытьем". Но основной сюжетный стержень сказки - чудесное богатство - отсутствует. Очевидно, Жакову по какой-либо причине не удалось записать весь текст сказки, однако сюжет ему был известен. Так, в рассказ "Локчим" как прием характеристики героя включено схематичное описание этого сюжета, и он завершается вполне благополучно: "Крестьянский сын сделал все так, как научила его Настасья Адовна, и сделался богатым человеком, и взял замуж Настасью Адовну".²

"Рак-молодец" (СУС 440 "Муж-рак") и "Простак" (СУС 1415 "Мена") - сюжеты также известные в коми сказочной традиции, последний, например, был записан в 1850-х годах.³

Отдельным изданием выходили у него и некоторые народные легенды, например, сказка "Рос", которая представляет собой обработку былички о девице, унесенной демонами (или, как в свое время говорил сам Жаков, "князьями тьмы") и живущей теперь в бане. Быличка весьма распространенная в несказочной прозе коми, этот сюжет, например, записан в 1916 г. венгерским ученым Фокошем-Фуксом, опубликован в 1951 г. в его сборнике "Народная поэзия коми (зырян)".

К сожалению, нам сегодня неизвестно, насколько обширной была фольклорная коллекция его собственных записей. Известно, что собиранием произведений устного народного творчества Жаков начал заниматься еще с киевского периода учебы в университете (1896-1898). В рассказе "Усть-Вымь" в беседе с информаторами он сам отмечает: "Я люблю, очень люблю зырян, приехал к ним издалека, из дальнего Киева-города",⁴ а о цели своих неоднократных выездов в Коми край и поездок по самым глухим коми деревням он настойчиво повторяет во многих очерках и рассказах ("Придаш", "Ипатьдор", "Коквицы", "Серегово" и др.). Его диалоги с деревенскими жителями, как правило, начинались однотипно: "По каким же делам здесь изволите быть в такое торговое время?" - спрашивают его. И он в ответ: "Сказки собираю да песни народные". - "И для каких же это надобностей? - "Для истории, для истории нужно!"⁵

Как записывал народные произведения Жаков - с голоса, со слов исполнителя или запоминал и восстанавливал уже по памяти? Вопрос этот принципиально важный, однако скучный его личный архив, доставшийся нам в наследство, не позволяет ответить на него однозначно. В архиве РГО сохранились записи от руки двух преданий "Тювö" и "Йиркап". Записи сделаны на коми языке. Текстологический анализ рукописи позволяет заключить, что произведение записано слово в слово непосредственно во время его исполнения. На первый взгляд, рассказ начинается без вступительных пояснений: "Йиркап было его ини. Он оказывается занимался охотничьим промыслом. И вот оказывается она (собака охотника) сосну облавливает как будто белку. А белки, дескать, нет на дереве..."⁶ (перевод дословный). Сразу видно, что стиль повествования народный: во-первых, ясно, что перед записью имела место беседа собирателя с информатором, и, когда начался рассказ на запись, исполнитель пропустил вступительную часть предания, как уже известную для собеседника (с подобным стилем рассказывания произведений несказочной прозы современные собиратели фольклора встречаются сплошь и рядом, подобного вольного обращения не допускает, например, поэтика сказок); во-вторых, несмотря на явные пропуски рассказчика (например, не сказано, кто облавливает сосну, ибо и для исполнителя, и для слушателя ситуативно ясно, что белку облавливает охотничья собака, так как если у человека нет собаки, то у коми это уже не настоящий охотник), собиратель не делает и попытки восполнить этот пробел, т.е. он, в данном случае Жаков, бережно относится к тексту оригинала, как и надлежит поступать фольклористу согласно выработанным уже к тому времени принципам научной записи произведений народного творчества. Другое дело - издание этого же произведения в переводе на русский язык. Для сравнения приведу начало предания, помещенного в ткань рассказа "Ыджыдвидз", причем Жаков эти слова вкладывает в уста своего героя Панюкова, являющегося отнюдь не вымышленным персонажем.

"В лесу дремучем, у подошвы холма, между двумя истоками рек, в охотничьей хижине жил Йиркап. Он был

охотник и имел собаку. Эта собака что-то лает на дерево и глядит на его вершину. Лает день, лает другой. Выйшел Йиркап, взглянул на дерево, нет ничего там, а собака лает..."⁷ Совершенно другой стиль, авторский.. Здесь от оригинала остался только сюжетный каркас, который изобилует несвойственными для народной речи описаниями, детализацией, пояснениями. Для читателя, особенно российского, становится все ясно и понятно: и обстановка, и причинно-следственная обусловленность поступков героя предания, и художественная цельность произведения. Однако если в поэтическом плане предание выиграло в результате такой операции с текстом, то с научной, а именно с точки зрения фольклористики, оно обесценилось. Только точная фиксация народного произведения является непременным требованием науки о фольклоре. Поскольку пока у нас нет подлинных рукописей - документов полевой работы, мы можем говорить о творчестве Жакова как литератора, как близко ни стояли некоторые рассказы и очерки к народно-поэтическому источнику. Такие материалы были, не могли не быть, об этом говорят записи преданий "Тювö" и "Йиркап".

Жаков отлично знал фольклор - не только коми, коми-пермяцкий и удмуртский, собирая которого он занимался специально, но и русский, фольклор тюркских народов, малых народностей Севера и Сибири. Этим арсеналом он успешно владел и умело пользовался при создании художественных произведений и описании действующих лиц. Весьма разнообразны способы применения фольклорного материала - от легкого "хирургического" вмешательства в текст народного произведения при переводе его на русский язык (достаточно вспомнить такие его произведения как "Вишера. Рассказы охотника", "Сказка Йорем", "Рос", сказки "Доренька", "Рак-молодец", "Простак", предание "Тювö" и др.) до использования только отдельных выражений, восходящих к фольклорному источнику ("Золотая сказка" и др.). Причем описывая, скажем, жизнь древних коми, он может обратиться и к русскому фольклору: так, в поэме "Биармия" в уста Райды он вкладывает русское присловье: "Волос долюг у девицы, разум наш короток женский".⁸ Излюбленным приемом Жакова было включение отдельных фольклорных эпизодов в ткань повествования, особенно в расска-

зы очеркового характера. В некоторых случаях Жаков соединял в одно произведение несколько самостоятельных сюжетов, главный герой при этом играл роль объединяющего центра, сплачивая в одно целое казалось бы разнородные вещи. Так, в сказке "Простак" объединены сказка известного сюжета "Мена" (о неэквивалентном товарообмене героя со встречными) и две христианские легенды. В этом произведении даже и герои разные, их роднит то, что все они - простачки.

Вершиной творческого освоения фольклора Жаковым надо считать его поэму "Биармия". В ней в концентрированном виде нашли отражение как фольклорные сюжеты и мотивы, притом не только коми, но и многих других народов, так и мифология, верования, обычай и обряды. Ориентиром в сложении эпоса служила автору знаменитая "Калевала" Ленирота.

Требуется конкретный анализ, насколько обосновано и подкреплено традицией то или иное эпическое имя в поэме К.Жакова. Приведу только два имени, которые поначалу казались взятыми произвольно, это князь - бксы Яур и вешая птица Рык, гнездящаяся на Урале на вершине горы Тёлнозьяз. Сам Жаков записал народную песню "Яур ветлёт". В позднейших записях тоже встречается это имя: "Гиндзи, гиндзи, кбчё гиндзи, Яур ветлёт пий йыытї" (Яур ходит под облаками), т.е. какие-то следы эпического звучания еще и поныне сохранились в коми фольклоре. А птица Рык нам незнакома, хотя вешие птицы как таковые в фольклоре встречаются ("Катшатор воас ёшинь вылб..."),⁹ а в 1850 г. С.Мельниковым была написана статья "Птица Рык в окрестностях Усть-Сысольского уезда". Следовательно, и под этим названием есть какая-то национальная фольклорная почва. Труднее обстоит дело с другими, пока еще не расшифрованными эпическими именами, такими как Райда, Оксор и др. Но думается, и здесь найдутся какие-либо этнографические реалии, ибо фантазия автора опиралась исключительно на бытующие в народе факты. Так, в услужении биармян и жителей Джерджим пармы имеется домашний дух, божество Воршуд, защищающее их строения и мир в домах. Понятие заимствовано Жаковым у удмуртов, у которых поклонение воршуду прослеживается и поныне.

В поэму включены фрагменты и эпизоды многих фольклорных сюжетов предания "Корт айка", "Йиркап", этиологические рассказы о луне, Большой медведице, о сотворении земли Еном и Омёлем, причитание Райды, которое и начинается на коми языке: "Дона пией, събломшбй", сказочные мотивы о говорящей голове Ягморта, о котебаюне, рассказывающем древние сказки, описание волшебных деяний, сохранившихся в быличках о состязании колдунов, об ослеплении врагов; народные представления о духах природы, домашних построек и о двойнике человека Орте и т.п. В поэме много этнографических реалий: например, технология изготовления лодки, изготовление деревянных истуканов-идолов, пиктографические письмена на скалах, описание похорон язычников и т.п. Причем фольклорные данные, если в этом есть необходимость, корректируются автором в соответствии с развитием действия. Так, Яур находит, как в предании "Йиркап", свое дерево-двойник, но делает из него не лыжи, как герой предания, а чудесную лодку, которая может мигом доставить его в далекую Биармию, в Кардор (Архангельск). Включены также сведения, почерпнутые из письменных памятников: напр., кумирня Яура - это береза (ср. предание о Стефане Пермском); бог ветра Шуа, известный на Печоре и поныне под именем Шуб, помещен на вершину горы гнезда ветров (Тёв поз из) и т.д. Встречаются и более мелкие детали, почерпнутые из фольклорных источников. Так, фраза "Лишь мгновенье - жизнь земная" напоминает народную поговорку коми - "Морт олёмыд ёд кёч бёж кузя" (Жизнь человеческая - длиной с заячий хвост) и т.п.

Одним словом, художественные произведения К.Ф.Жакова насквозь проникнуты народным духом, представляют собой философское осмысление народной истории, и так же, как "Калевала", близки устному народному творчеству, прежде всего коми фольклору.

¹ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Отв.ред. К.В.Чистов.- Л., 1979.

² Каллистрат Жаков. Под шум северного ветра.- Сыктывкар, 1990.- С.234.

- 3 Кomi майдъяс / Сост. Ю.Г.Рочев.- Сыктывкар, 1991.- С.210-214.
- 4 Каллистрат Жаков. Под шум северного ветра. Сыктывкар, 1990.- С.201.
- 5 Там же.- С.207.
- 6 Архив РГО. Р.53, оп.1, № 118, л.8.
- 7 Каллистрат Жаков. Указ.соч.- С.220.
- 8 Жаков К.Ф. Биармия (рукопись).- С.38.
- 9 Кomi народные песни. Вымь и Удора. Вып.3 Сыктывкар, 1971.- С.21-24.

НОВЕЛИСТИКА К.Ф.ЖАКОВА

Г.К.Лисовская

(Ин-т языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН)

Новеллическое творчество К.Ф.Жакова совпало с периодом в культурной жизни России, который получил название русского культурного ренессанса начала XX века. Н.Бердяев писал об этом времени: "Это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвет поэзии и обострение эстетической чувствительности, религиозного беспокойства и искания, интереса к мистике и оккультизму".¹ Культурно-духовное движение того времени философ назвал "русским романтизмом".²

В литературе это проявилось в разрыве с некоторыми традициями XIX века, в том числе с традиционным реализмом, который Л.Толстой называл "провинциализмом в искусстве"³ и о котором В.Гаршин писал, что для него нет "ни правды (в смысле справедливости), ни добра, ни красоты".⁴ Было стремление преодолеть реализм, обогатив его общефилософской проблематикой, как писал Л.Толстой, - "в чем добро, в чем зло, и к чему должен стремиться человек".⁵

К.Ф.Жаков начинал литературное творчество с реалистических рассказов. Однако являясь реалистом во взгляде на современную ему действительность, в то же время он был мечтателем и романтиком, стремящимся преодолеть "тоску жизни", заключенную, как он считал, в его реалистических рассказах. Так появляются знаменитые сказки К.Ф.Жакова, своеобразные романтические новеллы, в которых писатель видит результат победы над "мировой тоской и скучой".⁶ Эстетическая устремленность К.Ф.Жакова совпала с философскими исканиями

представителей русского культурного ренессанса. Н.Бердяев выразил это так: "чтобы жить достойно и не быть приниженным и раздавленным мировой необходимостью, социальной обыденностью, необходимо в творческом подъеме выйти из "имманентного круга действительности", необходимо вызвать образ, вообразить иной мир, новый по сравнению с этой мировой действительностью (новое небо и новую землю)".⁷

Новая философия жанра рассказа развивалась у К.Жакова под сильным магическим влиянием эстетики Ф.Ницше. Хотя Жаков писал о немецком философе, что тот бежит от действительности во власть искусства и назвал это "эстетическим пессимизмом",⁸ сам он, как и Ницше, ставит искусство, в котором "можно почувствовать первичное горе и первичную радость царства ноуменов",⁹ выше действительности. Таковы философские истоки романтической новеллистики К.Жакова. Для постижения жанровых ее истоков необходимо отметить наличие в его новеллистике двух стихий - притчевой и сказочной. В притче Жаков прежде всего философ-метафизик и моралист. Он использует открытия Ницше для выражения философских идей через миф, притчу. Романтическая эстетика работы немецкого философа "Так говорил Заратустра" нашла творческое преломление в поэтике таких новелл как "Беженада-Вирси-Урго", "Золотая сказка", "Сказка серебряная" и др. своей обращенностью к проблемам личности, в том числе к избраннической миссии отдельной личности.

Несмотря на неприятие К.Ф.Жаковым многих положений его философии (писатель считал ницшеанство неорганичным для России),¹⁰ есть общее, что объединяет их, и это выражено в словах немецкого философа "человек есть нечто, что должно преодолеть". Стремлением к идеальному человеку, свободному от пороков цивилизации, объясняется мечта Ницше о сверхчеловеке, а Жакова - о Богочеловеке ("Каков идеал наш? Богочеловек").¹² Когда Ницше пишет о том, что "люди измельчали и мельчают еще больше" и "много лжи у маленьких людей",¹³ то этоозвучно сетованиям К.Ф.Жакова на слабость, лживость, никчемность цивилизованных народов (рассказы "Тогай" (1910), "Беженада-Вирси-Урго" (1911)). Этим людям противостоит сильная, яркая лич-

ность, не испорченная цивилизацией. Однако трактовка личности отличается от индивидуалистической, которую проповедует автор "Заратустры". Если для притчи главное - душевые переломы, связанные с этическим выбором, то герои Жакова делают выбор в пользу единства с другими людьми. В притче "Золотая сказка" (1911) одинокий человек, восходящий на гору, преодолевая трудности, обретает небесную мудрость и возвращается к людям, и "звезда на его башне освещала все тропинки, по которым ходят одинокие люди". Гордый и нелюдимый человек из притчи "Сказка серебряная" (1911), испытав множество соблазнов властью, славой, богатством, понял, что все это тяжести мира и что нет ничего прекраснее, чем жить рядом с простыми людьми, трудиться и любить.

Своеобразие взгляда К.Жакова на человека в том, что он оценивает личность с точки зрения человека нового времени и с точки зрения патриархальности. Так, герой новеллы "Беженада-Вирси-Урго" покинул родные места, его манят неизведанные земли. С точки зрения патриархальной, этим он обрек себя на несчастье. В притчевой форме писатель выразил это так: "Рано вылетел воробей из гнезда, к полудню ястреб поймал его и унес своим на пищу... Напрасно ты, Беженада, рано вышел из лесов". Однако с точки зрения человека нового времени, герой рассказан должен был уйти, чтобы, как пишет Жаков, "познать все человеческое - скорбь и мудрость". Тоска сердца влекла в дальние страны Пама Бур-Морта ("Жизнь Пама Бур-Морта", 1905), изверившегося в прежних языческих богах. Однако, когда обрел он мудрость земную и небесную, то вернулся в родные места и стал добрым пастырем для своего народа. Для Жакова избранная личность - это человек, который призван к великому труду во имя людей.

Если эстетика притч Жакова формировалась под влиянием Ницше, то их этический настрой близок взглядам Л.Толстого, который хотел строить литературу "на этических принципах мирового народного эпоса".¹⁴ Этическое у Жакова всегда преобладало над эстетическим, что отнюдь не характерно для многих писателей начала XX века. Жакова спасала от эстетства не только приверженность "вечным" началам нравственности, заложенным русской

литературой, но прежде всего то, что он опирался на веками выработанное историческое самосознание своего народа, нашедшее идеальное отражение в устном народном творчестве, в преданиях и сказках. И с этим связана вторая стихия его романтической новеллистики – сказочная. Рассказы-сказки Жакова наиболее национально самобытны и органичны. Они отражают духовный космос коми крестьянской культуры – философские, религиозные, нравственные воззрения в наивно-поэтической, пластической форме. Особый элегический оттенок сказкам придает то, что их писал человек, оторванный от родины и тоскующий по красоте естественных начал в жизни. Вот откуда ностальгическая поэтичность в его сказке о коми земле "Уриила" (1905), вот откуда его тоска по земле, "где белый ягель хрустел под ногами в прозрачном бору, где сосны – как колонны в Севильском Соборе...",¹⁵ поэтизация и героизация прошлого в его чердынском предании "Царь Кор" (1911), которое можно называть исторической поэмой о родине, в других национально-поэтических сказках – "Жизнь Пама Бур-Морта", "Джак и Качаморт" (1910), "Бегство северных богов" (1911), "Войморт" (1911).

В пантеистической картине мира, создаваемой Жаковым, где, как он пишет, "человек лишь часть прекрасного целого", природа является главным художественным элементом. Природа, хранящая память веков, для писателя обладает такой же эстетической значимостью, как и фольклор. А древние боги, которые появляются в сказках К.Жакова, – и страшный Войпель, и вещая Ёма, и древний Васа, и темный Куль, и сам великий Ен – это эстетически осмыслиенные символы природы и коми национального мира.

Если в притчах Жакова мы видим идею христианскую, ибо, как писал Н.Бердяев, "христианство основано на любви к божественной высоте и на любви к страждущим внизу",¹⁶ в сказках Жакова – стихия дохристианская, языческая, где человек живет в гармонии сам с собой и с космосом. Где Великий Ен, кроткий старец, зажигает звезду при рождении каждого человека и гасит ее после смерти ("Жизнь Пама Бур-Морта"). Где небесная жизнь поэтично представляется проекцией земной – патриархальной, трудовой (рассказ "Гулень на небе", 1911). А в космогоническом мифе "Ен и Омоль" (1910) философски

осмысливается стихийный материализм народных представлений о сотворении мира. К.Ф.Жаков, восславляя народную фантазию, органично воссоздает облик патриархального коми крестьянина - его Майбыр, Бур-Морт, Войморт - сильные, свободные, пытливые. И, наконец, писатель восславил знаменитых колдунов Севера - гордых и страстных. Рассказами "Атаман Шыпича" (1910), "Тунныръяк" (1908) Жаков не только восстанавливает древние коми предания о колдунах, но воссоздает один из психологических типов национального коми характера, который запечатлен в фольклоре. По утверждению Питирима Сорокина, это тип "хищника, буйного, исполненного отваги".¹⁷ Сила и непобедимость Шыпичи в том, что его оберегает и мать облаков Кымбр-мам, и отец северных гор, и седой бог моря. Однако суровые боги не смогли спасти разбойника от его судьбы. Тема рока - лейтмотив этого рассказа. Все знают о грядущей гибели атамана - и он сам, одинокий и уставший от жизни, и сладкоголосая Сизью-гётыр-йома, и прекрасные его дочери безропотно повинуются тому, что начертано в книге Великого Бога. Погиб Шыпича - и плачут "красные ольхи и белые березы над устьем темной Сысолы...".¹⁸

Романтическая трактовка К.Ф.Жаковым народного предания выявила в нем поэтическое богатство образов и в то же время сообщила преданию трагический пафос гибели титанической личности от неумолимого рока. Источник драматизма здесь не в нападении разбойников на Шыпичу, а в столкновении сильной натуры с неумолимой судьбой. Можно сказать, что атаман Шыпича - это эпический образ, взятый из фольклора и увиденный глазами философа, как и образ его подруги. Эротический образ Сизью-гётыр-йомы эпичен и является воплощением языческой силы, хоть и силы коварной. Вообще эротическая ситуация в этом рассказе дана как метафора. Она и пластическое воплощение естественных сил бытия, языческой моши, и романтическое воплощение торжествующего рока. Ситуация одиночества (и конфликта с окружающим миром) и Эроса, решенные в эпическом духе, делают эту новеллу современной,озвучной художественным открытиям мифологической прозы конца ХХ века. Глизок по сюжету рассказ "Тунныръяк" (1908), написанный ранее. Однако он

уступает рассказу "Атаман Шыпича" тем, что в нем отсутствует философское осмысление гибели колдуна, нет темы рока, он ближе к фольклорному источнику.

Совершенно особый тип романтической новеллы представляют собой такие рассказы как "Рос" (1908), "Дарук Паш" (1908), "Из жизни охотников на Вишере" (1911) и др. Самобытность им придают причудливое сочетание реалистического и фантастического, наличие фантастического, мистического сюжета при реалистическом изображении героев, деталей быта. Таинственное эстетическое доминирует в этих рассказах, в отличие от чудесного, волшебного в сказках. Они отражают народные верования, народную фантазию и особенности народного быта в ярких этнографических подробностях. Рассказы эти близки несказочной прозе коми (охотничьим быличкам, рассказам о колдунах). Они окрашены в мистическую и поэтическую тональность, а мистицизм К.Ф.Жаков считал национальной чертой психологии коми, усматривая ее проявление в таинственной связи между словом человека и природой: "От слова дерево сохнет, ручей изменяет свое течение".¹⁹ Или: От дурного слова матери ее дочь превращается в голик. И помогает ей обрести прежний облик крестьянский парень Степан (сюжет новеллы "Рос").

Характерным в этом плане является рассказ "Из жизни охотников на Вишере". Используя традиционное национально-психологическое понятие "порчи", часто используемое в быличках, К.Ф.Жаков создает оригинальное художественное произведение, в котором мистическая история дополняется приметами охотничьего быта. Оно отличается от сделанных им же фольклорных записей быличек (напр., "Вишера. Рассказы охотника", 1908 и др.) тем, что здесь главное - высветить состояние души главного героя. Это полная драматизма новелла о страданиях отца из-за болезни сыма.

Мистическое напряжение рассказа усиливает предзимнюю сумрачную поэтичность природы. Она не просто пейзаж, она воссоздает таинственную ткань рассказа, помогает приобщиться к тревожному настроению.

Такое же нагнетание мистического напряжения вплоть до счастливой развязки и в рассказе "Рос".

Новеллистика К.Ф.Жакова этого типа по своему колориту ближе всего к произведениям писателей-модернистов с их любовью "к таинственному и неизведанному", - как

20

определял их особенность сам писатель. В "мистицизме, близком пантеизму", П.Сорокин видел близость Жакова к таким писателям, как Ибсен, Гамсун, Уайльд, Лонгфелло, объясняя это качество общей родственностью северных художников.

Новеллистика К.Ф.Жакова - цельная эстетическая система. Она является итогом многолетних философских, социальных, этических и эстетических поисков писателя. Она отражает как экзистенциальный опыт личности с ее поисками Бога, смысла жизни, устремленностью к запредельному, так и исторический опыт народа с его чувством космической гармонии, чувственно-пластическим, поэтическим мироощущением. Художественное мышление, сформированное сочетанием этих начал, - это, по сути, художественное мышление конца ХХ века. Современным коми писателям, чтобы сделать новый шаг в своем росте и подняться до уровня культурно-духовных требований времени, необходимо освоить художественные достижения своего великого предшественника Каллистрата Жакова.

-
- 1 Бердяев Н. Самопознание. Опыт философской автобиографии. - М.: Мысль, 1911. - С.124.
 - 2 Там же. - С.93.
 - 3 Толстой Л.Н. Полн.собр.соч. - М., 1936. - Т.26. - С.309.
 - 4 Гаршин В.М. Полн.собр.соч. -М.-Л.: 1934. - Т.3.- С.357.
 - 5 Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. - М., 1936. - Т.26. - С.309.
 - 6 Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Ч.1. - СПб., 1912. - С.107-108.
 - 7 Бердяев Н. Самопознание... - С.197.
 - 8 Жаков К.Ф. Принципы грядущего оптимизма // Вестник знания, 1910. - №7. - С.766.
 - 9 Там же.
 - 10 Жаков К.Ф. Леонид Андреев и его произведения. Опыт философской критики // Андреев Л.Н. Рассказ о семи повышенных. - СПб., 1909. - С.ХХ.
 - 11 Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и для кого. - М.: Интербук, 1990. - С.41.

- 12 Жаков К.Ф. Лимитиэм. Единство наук, философий и религий. - Рига, 1929. - С.169.
- 13 Ницше Ф. Так говорил Заратустра... - С.145, 149.
- 14 Эйхенбаум Б. Лев Толстой. Семидесятые годы. - Л., 1977. - С.12.
- 15 Жаков К.Ф. На Север в поисках за Памом Бур-Мортом. - СПб.: Изд-во П.П.Осипова, 1905. - С.112.
- 16 Бердяев Н. Самопознание... - С.61.
- 17 Сорокин П.А. Грезы Севера // Изв. Арх. об-ва изучения Русского Севера. Журнал жизни Северного края.-1910. - № 17. - С.54.
- 18 Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. - СПб.: Грамотность, 1913. - С.79.
- 19 Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. - С.321.
- 20 Жаков К.Ф. Кнут Гамсун и основные мотивы его творчества // Гамсун К. У врат царства. - СПб., 1909. - С.5-18.
- 21 Сорокин П.А. Грезы Севера. - С.36.

МАЛАЯ ПРОЗА К.Ф.ЖАКОВА (ПРОБЛЕМЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ)

Л.В.Лыткина

(Сыктывкарский госуниверситет)

Среди писателей, оказавших существенное влияние на наши представления о коми-зырянском историко-литературном процессе, следует назвать имя К.Ф.Жакова. Подлинно научное исследование его философских построений, научных и художественных изысканий только начинается, но уже сегодня мы не можем не признать, что внутренней связующей идеей его личности, общим пафосом творчества были поиски гармонического единства мира и человека. Лимитизм К.Жакова призван был стать единством наук, философий и религий. А сама личность мыслителя оказалась "дисциплинирована чувством гармонии" (К.Леонтьев). Это нашло своеобразное отражение в художественных произведениях К.Жакова. С одной стороны, его проза явилась подтверждением одной из тенденций развития русского реализма конца XIX - нач. XX века. В его новеллистике "воссозданный мир говорил сам за себя" (В.Келдыш). Такой манере изложения более соответствовал объективированный тип повествования с рассказчиком, все заранее знающим о героях, а значит, и умеющим раскрыть "тайное тайных" их души. Поэтому и стремление к характерности еще не стало доминирующим в жаковской прозе, авторитарный стиль оставался господствующим. С другой же стороны, К.Жаков, органично впитавший реалистическую традицию классики, считал себя писателем, призванным служить "детям пармы". Знакомство с жизнью малых народов Российской империи подвело К.Жакова к заключению: разрушение органически возникшего типа жизни есть гибель нации, попытка же применить или принять чужой способ бытия может привести к вырождению национальной общности. И хотя известно высказывание К.Жакова о том, что "космополитизм

Выше национализма", здесь не следует усматривать противоречия, ибо жаковской картине мира близка мысль И.С.Тургенева: "...вне народности ни художества, ни истины, ни жизни - ничего нет". Таким образом, сам предмет изображения подразумевал дополнительные способы самовыражения. Одним из таких приемов стал достаточно часто заявляющий о себе в рассказах писателя прямой выход повествователя непосредственно на читателя, обращение к нему с дидактическими комментариями, обобщениями, гипотетическими декларациями.

Каким же выстится повествователь малой прозы К.Жакова? Каковы его возможности и роли в художественном контексте?

Рассказчик в объективированном жаковском повествовании берет на себя функцию сюжетоведения, тем самым осуществляя руководство развитием темы. Так, в рассказе "Жизнь Фалалея" повествователю важно, исходя из заголовка, последовательно очертить наиболее существенные этапы жизни своего героя, жизни, которая была подчинена труду. Рассказчик будет постоянно выделять и подчеркивать его жажду знаний: "И заметил он, что деревенские мальчики учатся", "он на поленицу полез и стал слушать", "так прошел Фалалей азбуку", "Осенью... отправился к старому ратнику с просьбой научить его часослову", "нужно учиться ремеслу", - думал он", "и ушел он от Коколя и поступил к плотнику", затем работал у резчика Осипова, брал подфиды в Шошке, Вишере, Ижме (с.63). Это один слой жизни героя (учеба, достижение ремесла, работа, накопление мастерства), это же составляет и одну из тем рассказа. Но в рассказе параллельно идет, не прерываясь, другая линия, высвечивая художественную натуру Фалалея. Если первая, связанная с работой, имеет характер информативный, повествователь скуч на слова, он лишь сообщает факты, не давая оценок, ведет нейтральное повествование ("хотел попасть в избу, но его не впустили", "когда учение кончалось, Фалалей слезал с поленицы и собирая милостыню" (с.49), "поступил к плотнику, стал делать рамы оконные" (с.51), "в будни работал он" (с.54), "стал исправлять должность сборщика" (с.57), "стал делать иконостас в большой каменной церкви" (с.59), "рано утром шел на работу Фалалей в церковь" (с.61),

то вторая линия открывает нам другого Фалалея - мечтателя и художника. И другого повествователя - эмоционального человека, ценителя красоты, стремящегося сберечь исконно народные начала и теперь уже открыто заявляющего о своих чувствах, мыслях, настроениях. Вторая тема - тема художника из народа - возникает в третьей главе. Повествователь подчеркнет сначала своеобразную манеру Фалалея одеваться ("Если по дороге идет человек в синем кафтане и белой шляпе - это верно плотник Фалалей"), а затем перебросит "мостик" к его душе. Ему важно донести до читателя: герой не просто хороший плотник, он обладает способностью видеть мир глазами творца. Но Фалалей сам себе не может объяснить свою тягу к прекрасному: "слезы текли у него из глаз", "изумлялся Фалалей и спрашивал себя: "Чьи пальцы сделали это? Чья голова построила это?" (с.51). Потому эту тему раскрывает повествователь в описании прекрасных фалалеевских иконостасов: "... иконостас был почти уже в церкви Св. Параскевы. Это был сплошной гимн Богу (реакция повествователя, его оценка - Л.Л.). Внизу стояли апостолы, над ними - пророки, наверху - ангелы и херувимы, а над всеми - Бог Саваоф" (с.54). "Резьбы блистали червонным золотом, капители над колоннами были как живые цветы, иконостас весь раскрашен в величественный пурпурный цвет. Херувимы на облаках, как живые, глядели на мягкое племя людское. Наверху иконостаса на облаках сидел Бог - Саваоф - и держал в руке шар земной, по правую руку его сидел Сын, по левую - Дух, голубь носился над водами... (повествователь описание не заканчивает и переходит к своему восприятию увиденного). Все это дышало величием и таинственностью. Вся мудрость древняя и новая вылилась под пальцами Фалалея в святоносные образы, врезывающиеся в душу образностью своей..." (с.59). Повествователь вводит в текст загадку искусства, разрешить которую не может до конца сам мастер, не берется за это и рассказчик. "Фалалей постиг тайны искусства", но он не в состоянии объяснить их людям. "И жизнь Фалалея протекала, хотя и не без горя, но озаренная каким-то сиянием" (с.59). Так повествователь раскрывает вторую тему рассказа. И, наконец, есть в нем и третья тема, раскрытие которой также поручено рассказчику. Он от-

мечает не только вехи жизни Фалалея, но и раскрывает бытие северной деревни прошлого века. Эта тематическая линия ожидаема, ибо в название "Жизнь Фалалея" добавлен подзаголовок "Рассказ из зырянского быта". Повествуя о судьбе Фалалея, рассказчик с неизбежностью должен был обратиться к этой теме. Герой живет жизнью деревенского человека. Она образует атмосферу его каждодневного бытия, диктуя свои законы. Поэтому и важен рассказ о судьбе семьи Фалалея, "который голотыми пальцами своими" (с.59) постиг тайны искусства, но разумом не мог понять и примириться с драмой семьи: "Плачет Фалалей, живя в деревеньке, окруженной сосновыми лесами. Не о том он плачет, что богатые резчики отнимают у него работу в больших городах, не о том, что он не знает строения небесного свода..., даже не о том плакал он, что обижают его попы-завистливые глаза, или что дом его и сокровища не прибывают... Резчик плакал..., и выпивал пиво из ендовы: его сына Арсения взяли в солдаты, а другой сын - Василий. отделился от него, нагрубив ему как только было можно... А мать Устинья все на стороне детей была" (с.64-65). Повествователь не случайно вводит семейный фон в рассказ о жизни Фалалея - фон одиночества мастера в окружении близких ему людей.

Весьма важной функцией повествователя является его деятельность по созданию поля напряжения. В новеллистике К.Жакова оно связано, как правило, с одним героем, но может быть единичным ("Старик Матвей", "Из Иньвенских былей", "Агафья", "Из жизни охотников на Вишере", "Дарья Родионовна") или ступенчатым ("Парма Степан", "Удалец и музыкант Степан Васильевич", "Василий Кудряш"). Повествователь может обращаться и к более оригинальным конструкциям, когда поле напряжения связано с разными персонажами ("Страницы из жизни северной деревни" - Иван и Егор, "Жизнь Фалалея" - Фалалей и Устинья), или одно из полей напряжения возникает в границах другого ("Дочь пармы"). В рассказе "Дарья Родионовна" поле напряжения возникает в первой его части и введено в текст с именем главной героини: "В цветущем возрасте была молодая Дарья, вторая дочь вдовы... Аграфена готовила ее к той же дороге жизни, по которой и Анна шла (по староверскому обычаяу - Л.Л.), но девушка иные мечты лелеяла в своей

"душа" (с. 179). Здесь внутреннее напряжение (какие мечты? как Дарье удастся избавиться от диктата матери? какие испытания ей предстоят?) возникает в речи всезнающего повествователя. А снимается оно в конце рассказа: "Александр завел своей невесте новое платье, и обвенчались они в селе Троицком" (с. 183). В рассказе "Старик Матвей" поле напряжения возникает в речи персонажа: "Дай слово, — наконец сказал он, — что никому не расскажешь о том, что услышал" (с. 83). В рассказе "Из Иньвенских былей" поле напряжения вводится первой фразой: "Странный был человек Нешатаев, сельский учитель в Тимине!" (с. 98), а снимается в четвертой главе, когда герой уходит из жизни. В рассказе "Дочь пармы" первое поле напряжения связано с событиями крестьянского бунта и возникает в самом начале словами повествователя в форме риторического вопроса: "Что за беда стряслась в природе и в жизни?" (с. 174). Второе поле напряжения рассказа возникает в границах первого и связано с судьбой "пророчицы Анны". Вводится оно посредством прямой речи: "Но вот: "Тише, тише!" — раздалось: "Пророчица Анна идет". И толпа умолкла" (с. 174). Поле напряжения снимается в конце рассказа одновременно со смертью героини: "Умерла она, и похоронили ее под елью высокой у подошвы горы близ звонкого ручья..." (с. 178). Значимость этого внутреннего поля напряжения подтверждается и названием рассказа. Таким образом, здесь два поля напряжения, расположенных ступенчато.

Существенная роль повествователя и в создании фрагментов-камертонов. Повествователь, кстати, в большинстве случаев не предлагает каких-то особых приемов их создания. Заголовки рассказов, как правило, эксплицитны и представляют собой имя собственное, которое постепенно наполняется содержанием ("Дарья Родионовна", "Василий Кудряш", "Старик Матвей", "Агафья"), или деревенское прозвище героя ("Дарук Паш", "Парма Степан"), или указание на место действия ("Из жизни северной деревни", "Из жизни охотников на Вишере"), или занятие героев ("Охотник Максим"). Они не требуют расшифровки. Но часть заглавий обнаруживает тенденцию к имплицитности ("Жизнь Фалалея", "Дочь пармы", "Из Иньвенских былей", "Удалец и музыкант Степан Васильевич").

Как особую функцию повествователя в рассказах К.Жакова следует назвать дидактическое комментирование, обобщение. Эта функция заявляет о себе практически во всех жаковских рассказах и выделяется насыщенностью книжной лексики, отказом от разговорного синтаксиса. При этом возможна следующая классификация. Это обобщения, сделанные повествователем в результате его наблюдений за действительностью.

В рассказах К.Жакова находим мы реплики повествователя, близкие авторским отступлениям и пронизанные костальгией по прошлому: "О божественное утро! Гляжу я с умилением в твои синие глаза и думаю о прошлых временах, об утре человечества" (с.58, "Жизнь Фалалея"), "Звери и птицы жили здесь, как в те времена, когда человека не было на земле, или как в древнем раю, утраченном нами навсегда" (с.80, "Парма Степан"), или же "О горе! Таланты бессильны перед капиталом, перед механикой жизни..." (с.64, "Жизнь Фалалея").

Повествователь реализует в текстах и собственно дидактический комментарий: "Не самая ли лучшая жизнь - жизнь крестьянина, да еще кустаря, умеющего наживать на подати. Я часто думаю об этом, видя незавидную жизнь мужиков, попавших в город" (с.59). Возможны в рассказах и рецептурные обобщения: "Кроме светлого мира, окружающего нас, который мы мало понимаем, в котором так плохо умеем жить, есть еще темные бездны, называемые душой. Там бури и ураганы бушуют, незримые для глаза. Там что-то таинственное совершается, часто ломающее всю нашу жизнь" (с.104).

Мы остановились на наиболее существенных, на наш взгляд, функциях повествователя в рассказах К.Жакова. Между тем, его малая проза дает нам множество примеров участия рассказчика в создании эмоциональной доминанты произведения, различных видов описаний (портрет, пейзаж, интерьер, виды художественных деталей). И все это органично участвует в формировании жаковского стиля.

¹ Жаков К. Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания. - Сыктывкар, 1990.-С.49 (далее указание страниц дается в тексте по этому изданию).

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА К.Ф.ЖАКОВА "СКВОЗЬ СТРОЙ ЖИЗНИ"

Т.Л.Кузнецова

(Ин-т языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН)

Роман Жакова "Сквозь строй жизни", написанный на автобиографическом материале, имеет своеобразную художественную структуру. Не замыкаясь на мемуарной основе, он ориентируется на решение более глубоких и общезначимых проблем. Цикличная жанровая форма объемлет, кроме автобиографического материала, аналитические раздумья о возможностях личности. Памятая о том, что "интерес к личности в собственном смысле слова - это прерогатива именно романического типа произведений",¹ мы наблюдаем в произведении и формальные признаки романного жанра (циклизацию жанровой формы, взаимодействие плана внешней событийности и плана психологического, развитие образа героя в драматических коллизиях и др.). Эти обстоятельства побуждают определить жанровую природу произведения Жакова как романную, несмотря на то, что исследователи относят его к жанру повести.²

Сюжетная канва романа, имеющая форму воспоминаний, воспроизводит жизненный путь автора. Рядом с образом автобиографического героя - Феофилакта Панюкова в тетралогии дан четко очерченный образ авторского "я" - взрослого, умудренного опытом жизни человека, взволнованного воспоминаниями о прошлом, осмысливающим пережитое. Образ автора признает черты лирического героя. Образ Гараморта - так Жаков называет и себя, и лирического героя романа - по-своему объединяет художественную ткань произведения, организуя его композицию. Композиция произведения строится на воспоминаниях и размышлениях лирического героя и состоит из двух художественных структур: событийной и психологической.

Последовательность автобиографического повествовательного сюжета, изображающего картины жизни героя, нарушается произволом лирических, интеллектуально-философских раздумий. Углубленное самоисследование, напряженные размышления вызывают реалии воспоминаний; этот цельный процесс подчинен желанию разобраться в себе, и, на наш взгляд, не совсем правомерно делить роман на бытовую и лирическую части, указывая, что "за переизбытком лиризма бытовая сторона отражена слабо".³ Бытовое и лирико-психологическое в романе органично связаны, несмотря на стихийность организации: композиция замечательна естественное движение мысли с ее ассоциативными ходами и произвольными поворотами.

Роман Жакова не относится к тому типу литературы, которая ориентирована на воспроизведение лишь жизнеподобных форм. Писатель занят решением отвлеченных проблем, и именно этому подчинен автобиографический материал произведения. Ретроспективный сюжет воспоминаний иллюстрирует духовные поиски лирического героя: конкретные поступки и жизненные ситуации служат толчком для развития мысли. Размышления героя философичны, он склонен уходить от повседневной, обыденной конкретики. Сам писатель утверждает, что в автобиографическом произведении он "стал окончательно "реалистом", победив "сказочника". Здесь нет мест крыльям фантазии"⁴ (1, с.107). Да, в романе почти нет фантастически-романтических линий, явственно очерченных в жанрах малой прозы К.Ф.Жакова. Это своего рода лирический дневник, для которого характерна мозаичность мыслей, воспоминаний, соединенных неожиданными ассоциациями. Эмоционально окрашенные, возвышенные ощущения героя, а также явная произвольность формы придают лирико-психологическому течению романа импрессионистические черты. (Известно об увлечении Жакова творчеством писателей-импрессионистов, в частности, Кнута Гамсона). С культурой импрессионизма сближает Жакова и его установка на изображение не столько жизни как таковой, сколько чувств и переживаний героя. Автор не только выражает свои чувства, эмоции, ощущения - он анализирует их, сравнивая, сопоставляя, оценивая. Внимание к миру мыслей и чувств героя определяет жанровую специфику романа, тяготеющего к исповедальному монологу.

Роман К.Ф.Жакова "Сквозь строй жизни" - это исповедь человека, испытывающего драматическую несовместимость с обстоятельствами, это мысли и сомнения сильной личности, терзаемой противоречиями. "Я всю жизнь между молотом и наковальней...", - писал он (III, с.152-153). С одной стороны - тяга к культуре, что заставила пятнадцатилетнего Феофилакта пешком уйти из родной деревни и исколесить всю страну, с другой - ее неприятие, запечатленное в признании зрелого Жакова:

"... чтобы яды культуры не отравили моей души..." (I, с.9). Внутренний конфликт порождал и причудливый симбиоз в нем ученого и художника. 'Я художник и сказочник, и я мог бы писать да писать, но душа, но разум неотступно требуют неба, астрономических и математических открытий" (III, с.68). Но, видимо, основной причиной внутренней драмы Жакова была трагическая оторванность его от родины, своего народа и невозможность сделать что-либо на его благо. "Я хочу помочь зырянам, но не имею никаких средств на это", - с горечью признавал он (III, с.152-153).

Исповедальный пафос произведения связан с психологическим анализом, который осуществляется в форме прямых авторских размышлений, самоанализа героя. Интроспекция становится основным средством исповеди: лирический герой сосредоточен на внутренних переживаниях. Психологическая структура образа создана на основе подробного самоанализа героя. Борьба неразрешимых антиномий, драма раздвоенности героя определяет внутреннюю конфликтность романа.

Исповедь героя обнаруживает откровения человека глубоких чувств и мыслей, не находящего душевного комфорта, остающегося одиноким ("ни к какому обществу людей не могу я примкнуть, я совершенно не подходящий человек в этом городе и где бы то ни было..." (I, с.59), но не потерявшим своей внутренней силы, не изменившим себе. "Величие характера состоит не только в том, чтобы победить, но также и в том, чтобы не быть побежденным" (I, с.59), - пишет К.Ф.Жаков, и в этом - внутренний пафос романа, его ключевая мысль. Жаков утверждает трагическую правоту личности несмиряющейся, не желающей приспосабливаться к обстоятельствам и в то же время остро переживающей собственное одиночество.

Автор обнажает изменчивость психики героя, развитие его чувств и мыслей. Некоторая неопределенность, отсутствие логической мотивировки действий, ориентация на чувства создают романтический ореол образа. "Мы люди переходного времени и, как всякое переходное время, наше время представляет собой много хаотического, противоречивого, много крайних увлечений, безудержных порывов, ярко болезненных моментов и переживаний",⁵ — писал Жаков; это признание характеризует и автобиографического героя его романа.

Наряду с выражением напряженной, рефлектирующей внутренней жизни героя, романтический пафос передает и ощущение им самого себя личностью исключительной. Если в сказках, рассказах, поэме К.Ф.Жакова романтические тенденции больше связаны с внутренним пафосом и словесной структурой произведений, в романе они включены в сферу изображения характера, связаны с миро-созерцанием. Романтический вызов героя наполнен трагической патетикой.

Ретроспективный показ жизни героя, обнажение его рефлектирующего сознания открывают сферу внутреннего конфликта романа.

Героя мучает вопрос — прав ли он был, когда, в тяге к знаниям, культуре, образованию, бросил родную землю и изменил родовому ремеслу своих предков. "...Отошел я от берегов первобытной жизни и не дошел до ворот истинной культуры. Всю жизнь плыву посредине" (1, с.28), — размышляет он. И, воспроизводя в памяти детские, юношеские годы, К.Ф.Жаков пытается понять истоки, причины того поворота, осмыслить ценностные ориентиры, что руководили им. Крестьянский труд, связь с природой являются для него средоточием здоровой нравственности и противопоставляются лжи, цинизму, которые К.Ф.Жаков неизменно связывает с цивилизацией. Воспоминания об отце — резчике Фалалее, матери Устинье, дяде Нялае неизменно связаны с раздумьями о народной мудрости, с поисками простой и ясной истины, которая веками живет в народе, но которой пренебрег в свое время герой. "Человеку душно в городе" — эта метафора, постоянно звучащая на страницах романа, выражает не только антиурбанистские мотивы, она включает более широкий смысл. Под городом имеется в виду всякая искусственная система, деформирующая человеческую природу. Но неразреши-

мое противоречие заключается в том, что сама эта система первоначально привлекательна для человека. Так "яд культуры" и притягивает, и разочаровывает героя.

Пройдя немалые испытания в поисках истины, К.Ф.Жаков открывает ее в простоте первозданной жизни народа и природы. "Разочаровавшись в мудрецах и книжниках, я искал опоры в психологии народов", - пишет он (II, с.74).

Тяга к естественно-природному определяет мировосприятие К.Ф.Жакова. Его жизненная философия зиждется на признании основ жизни, развития естественных ее закономерностей и ощущения человека как части живой природы. "Жизнь будет упрощена, она приблизится к природе, а система наук превратится в мудрый обычай, в мудрую мифологию..." (III, с.55).

Размышления Жакова о драме собственной жизни неизменно связываются с мыслями о будущем так называемых "новых" народов, чья жизнь еще не подчинена жестким законам цивилизации. Именно в их нравственном опыте видится Жакову верность непреложным общечеловеческим канонам жизни. "Европейцы! ... одумайтесь, не истребляйте патриархальных, незлобных, "неисторических" народов! Иначе погибель сердцу земли!" - предостерегал он (II, с.213). Свой жизненный путь Жаков воспринимает как одну из попыток сближения "новых" народов с расчетливым и хищным миром. Противоречия духовной жизни героя - это форма протеста, неприятия безжалостных норм и правил железного мира. Внутренняя драма, которую переживает герой, выражает непростой, полный открытий и трагических разочарований процесс ломки крестьянского мировоззрения под воздействием цивилизации и культуры. "Слишком рано родился я для "новых" народов и слишком поздно для старых", - размышляет Жаков (II, с.77).

Роман К.Ф.Жакова, обнажающий драматичную внутреннюю жизнь лирического героя, поднимается выше обычной исповедально-лирической прозы. "Это - история человека, издревле шедшего из первобытной жизни к царству идей Платона", - пишет он о своем романе (I, с.108). Событийная и психологическая основа "истории" наполняется концептуальностью мысли о драматических коллизиях перехода личности от природного начала к духовному.

"Сквозь строй жизни" К.Ф.Жакова - роман своеобразной поэтики, где перемежаются сюжетная повествовательная линия и свободная стихия мысли. В творчестве Жакова как бы соединены два основных стилевых течения, которые выделяют исследователи в русской литературе рубежа веков. Одно из них "сохраняет чистоту реалистического стиля, неприкосновенность предметно-изобразительной основы, другое ... отличается повышенной экспрессией образной речи, стремится расшатать канон объективности стиля, вступает в контакт с поэтикой нереалистических художественных направлений (романтической, экспрессионистской)". Этот неповторимый художественный почерк определяет и поэтику романа. Эпическое в нем сосредоточено не в изображении среды, драматичности фабулы: оно как бы конструирует мир личностного сознания. Эпичность романной мысли создается не только широтой изображения действительности, но и разработкой внутренней концепции, которая решает социальные и философские проблемы отчуждения, одиночества человека, детерминации и свободы личности.

-
- ¹ Эсалнек А.Я. Внутрижанровая типология и пути ее изучения. - М.: Изд-во МГУ, 1985. - С.69.
 - ² История коми литературы. Т.2. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. - С.86.
 - ³ Поведская А. Рецензия // Известия Архангельского общества ..., 1914. - №18. - С.579-583.
 - ⁴ Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Ч.1. - СПб.: Изд. М.К.Костина, 1912; Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Ч.II. - СПб.: Тип. гов-ва "Грамотность", 1912; Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Ч.Ш. - СПб.: Изд. И.К.Борисова, 1914.
 - ⁵ Жаков К.Ф. Лимитизм. Единство наук, философий и религий. - Рига, 1929. - С.6.
 - ⁶ Келдыш В.А. Новое в критическом реализме и в его эстетике // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX - начала XX в. - М.: Наука, 1975. - С.113.

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ЭТИКИ И ЭТНОЛОГИИ
В ИАСЛЕДИИ К.Ф.ЖАКОВА

НАСЛЕДИЕ К.Ф.ЖАКОВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.К.Микушев

(Сыктывкарский госуниверситет)

Коми-зыряне второй половины XIX - начала XX в. вырастили целую плеяду выдающихся представителей национальной интеллигенции. Это Георгий Лыткин, Иван Куратов, Каллистрат Жаков, Питирим Сорокин. Ими гордятся Коми край и Россия. Их имена свидетельствуют о том, что в истории культур не только больших, но и малочисленных народов были деятели, сумевшие подняться над временем, над местными и узкими классовыми интересами, сумевшие слить воедино национальное и общечеловеческое. И если в 1920-е годы блестяще заявила о себе новая волна национальной интеллигенции во главе с Василием Лыткиным, Вениамином Чисталевым, Виктором Савиным, то в этом была немалая заслуга их славных предшественников.

Время всегда стремительно. Всего пять лет назад о таком мероприятии в Сыктывкаре невозможно было даже подумать. Волевым командно-административным методом еще в 1985 году из программы У1 Международного конгресса финно-угроведов был исключен (несмотря на решительный протест ученых) заявленный доклад о К.Жакове. Автору доклада было предложено перейти на "трудовое перевоспитание" из Коми филиала АН СССР в рабочий коллектив Сыктывкарского лесопромышленного комплекса с тем, чтобы уяснить себе, нужны ли современным рабочим такие якобы "мракобесы и реакционеры", как К.Жаков. Время дало ясный ответ: К.Жаков нужен не только рабочему классу, но и народу России, тем более при возрождении нашей распятой духовности.

Но именно сегодня же, в новое смутное время отречения "от старого мира", невольно приходят на ум слова Александра Герцена: "Нет ничего более ошибочного,

чем отказываться от своего прошлого, необходимого для понимания настоящего и будущего". Общество заплатило дорогую цену за это мудрое правило, вернее, за его забвение, когда на протяжении трех последних четвертей уходящего в историю столетия предавали анафеме Калистрата Жакова, преследовали даже его тень, вытравливали его имя из народной памяти. И дай бог, чтобы не повторилась страшная история, чтобы в пылу новой псевдореволюционной ломки и отказа от всего и вся общество не повторило бы прежней ошибки.

Прижизненную и даже посмертную судьбу К.Жакова называют трагической. Недалеких современников Калистрата Жакова шокировали его далеко не ординарные философские постулаты и литературные произведения. Об этом свидетельствуют литературно-критические опусы видного марксиста-теоретика предоктябрьской поры П.Юшкевича о "странный книжке" Жакова "Гипотеза", "невразумительной и изложенной варварским языком" (газета "День", 1916, 7 июля). Даже Максим Горький, до этого восторгавшийся, по его собственным словам, "до жути интересным зырянином", не устоял под напором юшкевичей. Только последователь К.Жакова, впоследствии всемирно известный ученый Питирим Сорокин встал на защиту учителя, дал глубокую оценку творчеству своего земляка. А неблагодарные потомки видели в К.Жакове то народника, то символиста, то фидеиста, то националиста, то белоэмигранта.

Свой лучший автобиографический роман К.Жаков называл "Сквозь строй жизни", имея в виду драматизм собственной судьбы. Сегодня, наверно, можно дополнить это название так: "Сквозь строй жизни и смерти". В самом деле, даже обычное для любого смертного право на захоронение потомки растянули на две эксгумации. Сегодня его прах покончся на Сыктывкарском кладбище, перенесенный с Рижского кладбища, и мне в голову пришла еретическая мысль - а не доживем ли мы до третьей эксгумации: место-то перезахоронения выбрано не лучшее. Во всяком случае, не такое, какое заслужил он - гордость коми народа.

Мощный жаковский творческий потенциал начал активно вторгаться в наше культурное пространство совсем недавно. Очень многое из его наследия еще предстоит ос-

мыслить или переосмыслить. Поэтому хотя бы пунктирно наметим канву насыщенной событиями жизни К.Жакова, отсылая интересующихся к его замечательному четырехтомному автобиографическому роману "Сквозь строй жизни".

К.Ф.Жаков родился в 1866 г. в присыктывкарском селе Давпон в семье замечательного коми художника-иконописца Фалалея Жакова. Блестяще закончил Выльгортское двухклассное училище, поступил в Тотемскую учительскую семинарию. По причине "неблагонадежности" был вынужден покинуть семинарию, стать уральским рабочим, отходником, монахом-послушником Заозерской пустыни. На тридцатом году жизни поступил сначала в Киевский, потом в Петербургский университет. Последний закончил в 1901 году, получил диплом первой степени университета и Большую серебряную медаль Императорского Русского географического общества, как было сказано: "За работы о зырянах", в первую очередь, за диссертацию "Зырянская народная словесность". К.Ф.Жаков много ездил по родному краю, собирая фольклорный, лингвистический, историко-статистический материал о коми-зырянах. С 1908 г. профессор Петербургского психоневрологического института. Здесь создает свои основные научные труды по теории познания, лимитизму.

Научные интересы К.Жакова не ограничивались философией. Они поразительны по своему многообразию и глубине. С захватывающим интересом читаешь его исследования по астрономии, математике. По-своему неповторимы его филологические статьи о методе изучения былин, о скандинавских сагах, духовной культуре финно-угров, об учении Достоевского, Льва Толстого, о творчестве Кнута Гамсона и Леонида Андреева, о женских типах в прозе Чехова, санскрите, буддизме, о сходных чертах коми и японского языков... И это не поверхностные пассажи дилетанта, но самобытные аргументированные обобщения, лишенные привычных стереотипов.

Заслуги ученого еще при его жизни высоко ценили в России и за рубежом. Его избрали почетным членом Парижского астрономического общества, Петербургского философского общества, Московского психологического общества, Русского географического общества, Архангельского общества изучения Русского Севера, Иркутского археологического общества. Наш земляк оставил о себе

бную память в Латвии - последнем своем пристанище земле.

В 1966 г. по заданию только что созданной правительственный комиссии по Жаковскому наследию мне первым из коми-зырян удалось навестить жаковские места в Риге: побывать в больнице, где скончался писатель, положить цветы на его могилу, съездить к его ученикам-соратникам, жившим в маленьком латышском городке Цессисе, к его последователям-лимитистам. После долгих лет запрета на самое имя К.Жакова на родине, после сплошной дезинформации о нем в коми печати я был ошеломлен почти мистическим культом Жакова в далеком Цессисе. Мне с почтением говорили, что мой земляк заслужил величайшего поклонения или хотя бы мавзолея на Родине, перезахоронения в Сыктывкаре на самом почетном месте. Я написал об этом в 1966 г. в газете "Югыд туй". Именно с того времени началось мое прозрение по отношению к наследию К.Жакова. Спустя четверть века после нас журналист Л.Лыткин и литературовед В.Демин повторили наш маршрут. Судя по их недавней публикации в газете "Коми му", это почтение к нашему земляку латыши сберегли в своем сердце по сию пору.

Жаков был одновременно .. ученым и художником. Как истинного россиянина его можно назвать и коми, и русским писателем. Хотя все его художественные произведения были созданы на русском языке, хотя он был воспитан на традициях русской классической литературы, восхищался Пушкиным, Толстым, Достоевским и Чеховым, как писатель он все же неотделим от коми национальной почвы, от коми национального самосознания. Его очерки, рассказы, повести и романы явились образцом интернационализма, убедительным доказательством вздорности обвинений писателя в коми буржуазном национализме. В произведениях К.Жакова отразилась жизнь коми народа в разные моменты истории. К.Жаков впервые привнес в русскоязычную российскую литературу коми-зырянский национальный колорит. В то же время в жаковском художественном методе причудливо слились русское и коми поэтические начала.

Среди любимых героев К.Жакова выделяются три основных жизненных типа. Первый из них представлен Памом Бурмортом, Майбыром, Венулитто, Мили-Кили. В этих пер-

сонажах есть нечто и от христианства, и от буддизма, слышны пантеистические мотивы, видны философские поиски смысла жизни. Есть в них и нечто от самого автора. Подобно Венулитто, он "познает тайны бытия и доказывает никчемность псевдоученых.

Иным характером наделены сказочные герои. Шыпича, Туннрыяк и др. - типы скорее демонические, нежели реальные. Внешне они близки к простонародно-фольклорным колдунам-разбойникам, но скрытые "великие страсти" обнажают их с ницшеанским "сверхчеловеком", с его всечеловеческим и вселенским величием и поисками бури. Однако именно в этой вселенской величии, по Жакову, и кроется мера вины перед людьми, а вместе с тем и причины идейного и жизненного краха сверхчеловеков-демонов.

Есть и третья группа особенно милых сердцу писателя персонажей, истинно коми, до боли знакомых крестьян Пиль Вания, силача Максима, сказочника Марко, иконописца Фалалея. В книгах о них картины обыденной коми жизни - охоты, свадьбы, драки, бани сменяют одна другую, создают яркое впечатление о коми действительности или, как справедливо заметил П. Сорокин, живописуют "жизнь примитивную, но не лишенную мелких радостей и горестей".

Кажется, черты всех трех типов литературных персонажей слились воедино в новом качестве в автобиографическом романе "Сквозь строй жизни". В главном герое, от имени которого ведется повествование, угадываются черты и сказочного Пама Бур-Морта, и легендарного Шыпичи, и вполне реального коми крестьянина Пиль Вания.

Лучшую свою книгу автор назвал "Из жизни и фантазии". В самом деле, одни персонажи подмечены в самой действительности, другие созданы силой писательской фантазии. Следуя тезису "жизнь - сказка", К. Жаков открыл коми самобытный поэтический мир, овеянный дымкой пантеизма, отличный от привычного мира трех измерений.

Наследие К. Ф. Жакова, возвращенное в строй жизни, выдержавшее мучительные испытания временем и жесткой идеологией, обретает вторую молодость, свидетельствует о неувядающей силе и прелести жаковского творчества. Культура коми народа уже немыслима без этого достойного наследия.

ПОЭМА К.Ф.ЖАКОВА "БИАРМИЯ"
И СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БИАРМИИ

К.С.Королев

(Ин-т языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН)

В "Древней Российской истории" (1766 г.) М.В.Ломоносов утверждал: "Пермия, кою Биармией называют, далече простиралась от Белого моря вверх, около Двины реки, и был народ чудской сильный, купечествовал дорогими зверицами кожами с датчанами и с другими нормандцами..."¹ И.М.Карамзин в "Истории государства Российского" писал: "Биармию называли Скандинавы всю обширную страну от Северной Двины и Белого моря до реки Печоры... Имя нашей Перми есть одно с именем древней Биармии, которую составляли Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская губернии".²

К.Ф.Жаков, будучи крупным коми ученым и писателем, не мог оставить без внимания проблему загадочной финно-угорской Биармии. В 1916 г. он пишет поэму "Биармия (поэма Севера)". В этом произведении отразились мечты коми крестьянства о справедливом государственном устройстве, его духовно-философские, национальные и нравственные проблемы. Большое внимание в поэме уделено северной природе, гармонии взаимоотношений человека и природы.³ В целом поэма представляет собой опоэтизированную реконструкцию жизни средневековых северных племен. Несмотря на то, что в ее основе лежат мифологические и сказочные мотивы, они не противоречат известным в то время историческим и географическим реальностям средневекового севера России. К.Ф.Жаков как исследователь северных народов даже в поэтическом произведении сохранил принцип историзма. Анализ содержания поэмы позволяет нам говорить об этом.⁴

Судя по тексту поэмы, К.Ф.Жаков являлся сторонником северодвинской Биармии и располагал ее в низовьях

Северной Двины. Он исходил из традиционных русских летописных данных, касающихся мест обитания средневековых племен севера России. Известно, что письменные источники помещали на Северной Двине "чудь завоцкую", относившуюся, по всей вероятности, к финно-угорским племенам, близкую предкам карел, вепсов, коми. По мнению ученых, "чудь завоцкая" была ассимилирована в процессе русской колонизации Европейского Северо-Востока и исчезла с этнической карты. Интересно отметить, что из эпохи легендарной Биармин (первые сведения в сагах IX века - К.К.) К.Ф.Жаков перекидывает мостик в реальную историческую эпоху, во времена Стефана Пермского (конец XIУ в.). Судя по тексту поэмы, у сына пермского князя Яура-Юыдморта был "правнук Явгым, кудесник чудный", а у Явгыма, в свою очередь, будет правнук - "Мудрый волхв Пан - сотник грозный". Судя по "Житию Стефана Пермского" и "Коми-Вымской летописи", Пан - сотник был одним из жрецов предков коми, который пытался бороться с христианизацией язычников-коми, понимавший, что этот процесс приведет к переходу власти из рук местной родоплеменной знати в руки наместников московских князей.

К.Ф.Жаков в живой поэтической форме описывает промысловые и хозяйствственные занятия предков коми: охоту, земледелие, обработку металлов. В частности, мастерски написаны строки, посвященные кузнецу Ошпи Лыадорса: "Держит молот он тяжелый в поднятой руке могучей. Там над горнилом огненным меди звон и стук железа раздаются в синих пармах...".⁵ Являясь знатоком коми фольклора, автор описывает языческих богов предков коми - Енмара, Войпеля, Воршуда и других. Хозяином "нижнего мира" является "дикий и злоковарный" Темный ящер (Пежгаг), олицетворявший темные, потусторонние силы, антагонист солнца и жизни.⁶ В целом описание жизни древнекоми общества не противоречит современным археологическим и историческим данным. Называя пермских и биармийских племенных владык князьями (Яур, Оксор, Юсьморт), автор поэмы не отрывается от исторических данных. В русских летописях упоминаются вымские князья, а древнее коми слово "öксы" означает князь. Современные археологические данные подтверждают рас-

слоение древнекоми общества, выделение социальной верхушки в лице племенных и родовых вождей, жрецов, возможно, ремесленников и торговцев.⁷

В связи с изложенным будет интересно в порядке сопоставления попытаться дать обобщенную краткую сводку современных представлений о Биармии. Откуда же произошел термин "Биармия" ("Beortmar", "Biarmaland")? В настоящее время наиболее приемлемой считается гипотеза, впервые высказанная еще в XIX в. финским академиком Шегреном и поддержанная видным советским историком Д.В.Бубрихом, согласно которой это слово произошло от карело-финского "Perämaa" - "северная, задняя земля, земля за рубежом", т.е. Заволочье. Так карелы и вепсы называли территории к северу и востоку от своих земель. Финские начальные глухие согласные скандинавы передавали обычно через звонкие, в результате чего этот термин в их произношении перешел в "biarmar" и обозначал обширные земли Русского Севера, включая Подвилье и Заволочье, населенные родственными финноязычными племенами ("чудь заволоцкая", "пермь вычегодская" русских летописей). С другой стороны, термин "Perämaa" отразился в русском "Перемь, Пермь", означая сначала Новгородское Заволочье, а затем были перенесен русскими колонистами на предков коми в целом, т.е. на вычегодских и верхнекамских коми ("пермь великая").

В исторической науке сейчас преобладает мнение, что Биармия древних скандинавов - это сравнительно обширный регион, включавший побережье Белого моря и низовья Северной Двины.⁸ Викинги попадали туда почти всегда морским путем, огибая Кольский полуостров.⁹ Попытки исследователей соотнести "биармов" ("бъярмов") с каким-либо конкретным племенем или народом Европейского Севера (с карелами, вепсами, чудью заволоцкой и др.) пока не увенчались успехом. Скорее всего, этноним "бъярмы" включал в себя ряд родственных финноязычных племен, проживавших на севере Восточной Европы.¹⁰

К.Ф.Жаков в поэме "Биармия" попытался дать поэтизированную и идеализированную историческую реконструкцию жизни древних племен Европейского Севера, их взаимоотношений с соседними народами. С помощью поэтичес-

кого слова он обращался к истории так называемых "малых" народов.

- 1 Ломоносов М.В. Полн.собр.соч. -М.-Л., 1952. - Т.6
- С.195-196.
- 2 Карамзин Н.М. История государства Российского.
Т.1. - М., 1989. - С.51.
- 3 Творчество К.Ф.Жакова. - Сыктывкар, 1991. - С.36-
37. (Сер. препринтов "Научн. докл." / Коми научный
центр УрО АН СССР; Вып.269).
- 4 К.Ф.Жаков. Биармия (поэма севера). 1916. Рукопись
(Коми респ. краев. музей, науч. фонд. Инв. № 182
15/2, с.12).
- 5 Там же. - С.89-90.
- 6 Там же. - С.15. Любопытно, что бронзовое изображе-
ние ящера было найдено археологом Г.М.Буровым в на-
чале 60-х гг. при раскопках близ Синдорского озера
(Буров Г.М. Вычегодский край. - М., 1965, рис.26).
- 7 Э.А.Савельева. Вымские могильники XI-XIV вв. -Л.,
1987. - С.199.
- 8 Т.Н.Джаксон. Исландские королевские саги как ис-
точник по истории Древней Руси и ее соседей. X-
XIII вв. // Древнейшие государства на территории
СССР. - М., 1991. - С.133-135.
- 9 К.Ф.Тиандер. Поездки скандинавов в Белое море. -
Сиб., 1906. - С.53-57.
- 10 Е.А.Мельников. Древнескандинавские географические
сочинения. - М., 1986. - С.197-200.

ИДЕЯ БОГА
В ФИЛОСОФИИ ЛИМИТИЗМА К.Ф.ЖАКОВА

Е.Д.Ковалева
(Коми педагогический институт)

Изучение философского наследия К.Ф.Жакова крайне важно для восстановления объективной истории русской философии.

К.Ф.Жаков, изучая античную философию Платона и Демокрита, позитивизм О.Конта и Г.Спенсера, не находил ответа на мучившие его вопросы о бытие, человеке, познании, сущности жизни. К этому времени относится и его увлечение марксизмом, в котором он искал ответа на вопрос о судьбах России, будущего своей страны. Идеи славянофилов, народничества расходились с реальностью страны, что разочаровывало его. Тогда же в религии он нашел единственное средство успокоения в непрерывных поисках смысла бытия, познаваемости мира. "Нет более возвышенной философии, чем православие...".¹

Переход ученого на позиции религиозной философии относится к началу XX века. Он не разделял ни идеалистической, ни материалистической философии, пытаясь встать на некий "третий путь" - путь богостроительства. А "познание - переменная величина, идущая к своему пределу, к бытию, в основе всего - "Первопотенциал" (Бог - Е.К.).²

Философия Жакова - лимитизм, соединение наук, философий и религий; в ней он подверг критике все существующие философские концепции. "Знание идет к сущности вещей, как своему пределу. Сущность вещей - Первопотенциал - Первовозможное. Мир движется от Первовозможного - Первопотенциальному - Потенциальному - Первопотенциальному - Первовозможному".³ Так лимитизм представлял непрерывной философской системой.

Жаков считал, что бытие имеет семь потенциалов,

которые переходят соответственно в реальности: пространство, время, материя, душа, разум, прекрасное, добroe. Эти семь категорий мира возникают от тенденций, источник которых – Бог.⁴

Следуя Соловьеву, он утверждал, что природа и разум бедны сами по себе, что на определенной стадии развития человек начинает осознавать свою связь с Богом и соединяет природу, мир как объективно существующий с Первопотенциалом, Богом.

В работе "Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и в морали" (1907) он писал, что человек связан с Богом, надо отвергнуть наивный реализм древних, скептицизм и критицизм, признавая только религиозное, богословское. Философия лимитизма должна охватывать философию и науку, природу и Бога.

В книге "Основы эволюционной теории познания" (1912) Жаков, выделяя семь категорий бытия (а именно – пространство, время, материя, душа, разум, прекрасное, добroe), писал, что они соответствуют семи основным наукам: геометрии, хронологии, физике, психологии, логике, эстетике, этике. Человек как семигранное существо переживает семь фактов бытия. "Из Первопотенциала как всеобщего начала все происходит, к нему же все и возвращается. Первопотенциал есть то, что в религиях... называют Богом... лимитизм при помощи понятия Бога... соединяет науки, философию и религии".⁵

Лимитизм утверждал, что назначением человека и смыслом его земной жизни является богопознание, которое откроет человеку причину его мучительных поисков, страданий и радостей земной жизни. Богопознание не утверждает ни начала, ни конца земной жизни человека, оно объясняет цель и сущность жизни на земле, а это дает возможность человеку лучше устроить свою земную жизнь. Жакова привлекала активная личность, опирающаяся на развитие в себе богоощущения, вызывающего потребность служить России.

Соглашаясь с О.Коитом, выделившим в развитии человечества периоды мифологический, метафизический и научный, ученый считал два первых уже прожитыми обществом, кончается и научный, на смену последнему появится богочеловеческий период, основанный на лимитивном мировоззрении, когда человек будет ощущать

Бога: "В каждом человеке есть Бог, но не проявляется он ни для него, ни для других; чтобы он проявился, необходимы труд и любовь к творцу".⁶

В лекции "О воспитании" философ выделил три вида знания: научное, философское, богословское, каждое из которых выполняет свою функцию, без одного из них нет познания. Научное знание анализирует факты, реальное; философское не может до конца раскрыть сущность вещей, мира; богословское ведет человека к самопознанию. Только соединение, цельность научного, философского и божественного дает возможность человеку определить свое назначение на земле. Его истинна - Доброе, без чего всякие достижения человека в обществе обречены на забвение.

По Жакову, все три вида знания отдельно, сами по себе бессильны, ограничены, но философия лимитизма есть средство постижения мира во всем его разнообразии. Соединение наук, философий, религий дает познание. Лимитизм не признавал научное познание, основанное на опыте, философское как теоретическое и умозрительное; только богословское познание, основанное на вере, убеждает человека в том, что есть нечто, что предстоит познать. "Без религии гибель всем. Бог - Первопричина. В религиях люди искали первопотенциальное, в философии - потенциальное, в науках - реальное, соединение которых убеждает нас в том, что Бог - основа убеждения человека в сущности мира"; - писал он в книге "Основы эволюционной теории познания".

В том, что для него важным являлось личностное начало, нравственные отношения, сказалось влияние Вл. Соловьева. В статье "Как идти к культуре богочеловечества?" он писал, что нет познания, не затрагивающего человека. Нет науки, философии без морального начала, забвение религии породило отход от нравственного долга. Пассивность, уход в эмпирию ограничивает возможность человека познать сущность мира, утверждал он. Лимитизм должен направлять человеческий дух на преобразование окружающего мира.

В лекции "О душе" Жаков подчеркивал, что христианское учение предполагает действие Бога и требует действия человека. В земной жизни много зла, неустроенности, с которыми трудно смириться. Выход - в опоре

на религию, развивающую нравственное чувство и зовущую человека к деятельности поступку.

Лимитизм большое значение придавал нравственному опыту, без нравственной оценки человеческая жизнь не состоятельна. Чтобы человек считал себя нравственной личностью, он должен чаще задавать себе вопрос: Зачем ты на земле? Это порождает ответственность личности за свои действия в реальной жизни. Жаков задумывается над тем, как объединить духовный ("невидимый") мир и реальный ("видимый"). Он считал, что духовный мир богат, прекрасен и огромен, и хотя не осязаем и не видим, но необходим человеку, чтобы вскрыть сущность человеческого бытия, человеческого назначения на земле. Только на первый взгляд душевный мир абстрактен по характеру и не познаем. Стремясь его познать, звал он человека, овладевай философией "лимитизма", и ты узнаешь самое высшее — Бога, который соединяет названные миры воедино. "Лимитизм указывает человеку путь к нравственному поступку путем опоры на богопознание и соединения таким образом в нем реального и душевного".

Все произведения Жакова пронизывает чувство веры в божественную мудрость, а значит, человеку суждено познать то, что лежит за пределами человеческого существования. Мудрость божества обязательно предполагает нравственную оценку. По его мнению, богоощущение, воспитанное в человеке в процессе приобщения к религии как составной части философии лимитизма, позволит преодолеть в земной жизни и насилие, и зло. "Есть три пути к Богу: знание, вера и добродетель, — писал он. — Всякий вступающий в церковь христовую становится членом церкви в силу своей веры, а не знания... для церкви вера и знание несовместимы. Официальная церковь идет к церкви как своему пределу. К этому же идет и лимитизм. ... они сольются в будущем... человек, изучив все религии, ... все философию, ... все науки ... достигнет гармонии".

Для ученого характерна и попытка определить религию из внутренней ("невидимой"), душевной природы человека. Он резко заявлял, что религия не вымысел, как пытается представить возникновение религии материализм, а условие существования человека. Человека беспокоит идея загробной жизни, он мучается уходом из реальной жизни

и тут спасительной является мысль о бессмертии. По его словам, обладать бессмертием - значит вести поиски бога в себе, в душе своей, очищать себя, контролируя свои действия в жизни нравственностью, степенью добрых дел, участия в преобразовании жизни.

Успокаивая человека, он писал в лекциях о лимитизме, что человек двойственен. Есть загробный и есть земной человек, а между ними материя. Смерть - только физическое, материальное; загробная жизнь, жизнь души необходима, она объясняет тайну перевоплощения. Тут проявилось увлечение Жакова восточной философией.

По его мнению, "Бог есть первопричина и правосудие в его руках; а человек, побеждающий в себе инстинкты и привязанности земные, проявляет начало божественное, он становится бого-человеком".

Разделив Вселенную на мир видимый - реальный, невидимый - потенциальный, божественный - первопотенциальный, философ определил цель человека - идти из мира реального в мир потенциальный, а из последнего - в мир божественный. Следовательно, Жаков призывал идти к Богу умом, имея его в сердце.

Анализируя представления античных и средневековых философов о душе, видный представитель русской философии пришел к выводу, что мыслящая субстанция не имеет ничего общего с внешней, протяженной материей, обе эти субстанции покоятся в божественной субстанции. А значит, материальные процессы параллельны мыслительным (духовным) и исходят от Бога. А раз сознание - двойник природы, а природа была в потенциальном состоянии, так и душа может быть в бессознательном состоянии. Душа состоит из Первопотенциала - Бога. Таким образом, внутрь души могут проникнуть только философия и религия. Без веры нет ответа на вопрос: для чего мы живем? Вера в душу дает обоснование смысла и сущности человеческой жизни.¹⁰

Божественная деятельность есть сущность вещей и выше понятия личности, которое является только психологическим понятием. "Бог же - то, чего мы не знаем, и то, к чему мы стремимся. Природа не феномен разума, не последняя основа бытия, но следствие еще большего реального, в себе самом совершенного, замкнутого бытия"¹¹ (Бога - Е.К.).

Жаков воспринял лучшие традиции западной и русской философии, открыв своим лимитизмом, что земная жизнь человека должна оцениваться с нравственной позиции. Не культ силы, не насилие должно отличать одну эпоху от другой, малые народы от великих, а степень их добродетели, их доля полезного в обществе. Но он был сыном своего времени, а значит, в его судьбе и творчестве сказались глубокие противоречия времени.

- 1 Жаков К.Ф. Лимитизм. Единство наук, философий и религий. - Рига, 1929. - С.27.
- 2 Жаков К.Ф. Учение о душе. - СПб., 1918. - С.5.
- 3 См. Там же. - С.31.
- 4 См.: Жаков К.Ф. Лимитизм. - С.37, 38.
- 5 Жаков К.Ф. Основы эволюционной теории познания. - СПб., 1912. - С.60, 61.
- 6 Там же. - С.68, 72.
- 7 Жаков К.Ф. Гипотеза, ее природа и роль в науке и философии. - Пг., 1915. - С.70-73.
- 8 Там же. - С.74.
- 9 Там же. - С.187.
- 10 См.: Жаков К.Ф. Учение о душе. - С.7.
- 11 Жаков К.Ф. Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали. - СПб., 1907. - С.74.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ К.Ф.ЖАКОВА

В.В.Муравьев
(Сыктывкарский госуниверситет)

"Доброе имя лучше большого богатства и добрая слава лучше серебра и золота" (Притчи 22:1), - эти слова из Библии вспоминаются, когда знакомишься с биографией К.Ф.Жакова, его учением, научными и этическими взглядами и радуешься, что доброе имя возвращено этому человеку и растет его добрая слава на родной земле.

Думается, нынешней задачей изучения религиозно-философского наследия Жакова является его аутентичное истолкование и эта задача не так уж проста, если иметь в виду, что сго лимитизм - это философская, религиозная и даже в чем-то математическая теория, а также то, что мышление многих из нас формировалось под влиянием лишь одной философской школы. Одна из ключевых идей Каллистрата Жакова - идея гармонии, взаимного дополнения философии и религии - в рамках этой школы мышления издавна считалась подлежащим беспощадной критике заблуждением. Но сегодня, когда мы видим многих и многих людей, ищущих бога, нельзя оставить без внимания такие рассуждения: "лимитизм является почвой, на которой атеист способен объединиться с человеком верующим... Атеист не признает Бога, потому что не может Его логически создать; религиозный же человек, не создавая Бога, ощущает Его. И вот в Лимитизме атеист логически может найти Бога, человек же верующий - Его ощутить. Следовательно, точка для соглашения найдена".¹

Каким же образом осуществляется, по мысли Жакова, это логическое отыскание бога? Здесь коми философ развивает идеи, сходные с космологическим доказательством

ством бытия Бога, что было предложено еще Платоном и Аристотелем. Об этом свидетельствует следующее рассуждение: "И вот получается странная картина. Если взять только реальные грани бытия, то нет объединяющего начала их возникновения. То же самое получается, если к реальным граням прибавить потенциальные. Также не получается объединяющего начала... Система всех наук, система всех философий и система всех религий, т.е. опыт всечеловеческий во всех трех направлениях с наибольшей вероятностью утверждает, что существует семь реальных фактов и семь возможностей, которые происходят из Единого Первовозможного, из Первопотенциала. Каковы свойства Первопотенциала? Из него проистекает все потенциальное и все реальное".²

Известно, что с формально-логической стороны данное доказательство построено по неполной индукции. Как мне представляется, использование приемов вероятностного умозаключения в выдвижении принципиальных утверждений - одна из особенностей творчества К.Ф.Жакова. Мы знаем, что Жаков занимался и преподаванием, и научными исследованиями в области логики и, по-видимому, понимал, что открытие нового чаще всего происходит таким образом. Наиболее часто применяемый Жаковым метод недедуктивного умозаключения - аналогия и возможно, в этом ключ к пониманию ряда сложных моментов лимитизма. Например, коми мыслитель дает символическую формулу прекрасного $\infty = 1$, и это потому, что одно прекрасное качество или событие воплощено или может быть воплощено во многих произведениях искусства, а формула добра $1 = \infty$, так как один моральный поступок вызывает бесконечные последствия.³ Жаков также считает: "Надо ликвидировать классовую борьбу, ибо общество - организм, а классы - члены этого организма: борьба безумна между ними".⁴ Такие примеры можно умножить.

Что касается собственно Единого Первовозможного или Первопотенциала, складывается впечатление, что настойчивое возвращение к этой идее в религиях народов мира свидетельствует о наличии в душе человека некоего архетипа первого начала, начального звена цепи мировых событий, символами которого, как пишет Жаков, и являются индийский Брахман, египетский Амон-Ра

и христианский Бог-Отец.⁵ Думается, Каллистрат Жаков подошел к выявлению природы этого архетипа, и это позволило ему пойти по пути синтеза религий. Как говорил об этом Жаков: "Культ Бога - Первопричины будет уменьшать религиозную рознь народов и содействовать их сближению".⁶ Такая связь символа и архетипа выявляется Жаковым и применительно к загробной жизни: "Загробная жизнь, - писал он, - есть потенциальная жизнь духовного остатка человека... Сон - тоже потенциал души. И сон есть символ загробной жизни. Состояния сна, лептаргии, гипноза суть аналогии, символы для познания загробной жизни. Как во сне на нас нападают разные звери, символы наших инстинктов, так и в загробной жизни наши дурные чувства и дела предстанут в виде зверей, жаждущих нас".⁷

Вследствие такой позиции религиозные воззрения К.Ф.Жакова не могут быть оценены как всецело или ортодоксально православные и даже христианские. Это можно подтвердить также тем, что коми мыслитель допускал возможность реинкарнации: "После телесной смерти человека могут раздробиться не только его реальные духовные силы, но и силы потенциальные. Останется зато Первопотенциальное ядро бытия, останется и Первовозможный, а на зерне Первопотенциальном остаются следы наших дел и помышлений и жажда жизни. Поэтому Первопотенциальное зерно снова перевоплотится в виде другого организма".⁸

Обратившись к представлениям К.Ф.Жакова о Боге, мы обнаруживаем их близость к масонскому пониманию Бога как Великого Архитектора Вселенной, видим, что они имеют деистический характер. Совпадает с позицией масонства и его отношение к конкретным религиям⁹: "Уважай законы и религии той страны, где живешь". Однако мы не располагаем сведениями о принадлежности Жакова к какой-либо масонской организации.

К.Ф.Жаков отмечал, что религия в любой культуре выполняет функцию создания и распространения ценностей и норм, что является условием стабильного функционирования социальных организмов. Он размышлял: "Спасение мира заключается в восстановлении религии, потому что без религии нет нравственности, нет любви к человеку, нет никаких устоев, нет принципов. Следстви-

ем этого продажность и безнравственность, и шатание умов и отсутствие принципиальности".¹⁰ Рассуждения философа о месте религии в жизни общества, а также его суждения по другим социологическим проблемам позволяют сделать заключение о принадлежности Жакова к функционалистской традиции в социологии. Об этом свидетельствует и его нравственный принцип: "Поведение твое должно быть основано на любви к человеку, а не на борьбе классовой и уничтожении народов".¹¹ Этому принципу соответствует призыв Жакова: "Все добрые, соединяйтесь для спасения земли!"¹² Думается, если мы увидим со временем памятник великому коми философу на его родной земле, эти слова вполне могут быть помещены на его пьедестале.

-
- 1 К.Ф.Жаков. Нимитиэм. Единство наук, философий и религий.-Рига, 1929. - С.61.
 - 2 Жаков К.Ф. Указ.соч. - С.60-61.
 - 3 Там же. - С.52.
 - 4 Там же. - С.195.
 - 5 Там же. - С.119.
 - 6 Там же. - С.195.
 - 7 Там же. - С.155.
 - 8 Там же. - С.197.
 - 9 Там же. - С.193.
 - 10 Там же. - С.197.
 - 11 Там же. - С.195.
 - 12 Там же. - С.169.

ФИЛОСОФИЯ ЛИМИТИЗМА К.Ф.ЖАКОВА
И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА
В РАБОТЕ В.И.ЛЕНИНА
"МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ"

А.В.Жеребцов
(Коми педагогический институт)

Многие работы К.Ф.Жакова в области философии посвящены проблемам гносеологии.¹ Поэтому представляет интерес попытка сравнить в этой области философии положения лимитизма К.Ф.Жакова и положения, выдвинутые в работе В.И.Ленина "Материализм и эмпириокритицизм". Конечно, в новых условиях необходимо преодолевать гиперкритический подход в анализе буржуазной философии, который господствовал раньше в нашей философской, литературе.

На то, что философия лимитизма есть гносеология, неоднозначно указывает сам К.Ф.Жаков: "Познание есть переменная величина, идущая к своему пределу, к бытию. Эта идея возникла у меня в 1901 году (т.е. задолго до написания работы В.И.Ленина - прим. мое). Она была началом лимитизма. Самое слово "лимитизм" было составлено мною спустя, когда уже читал лекции в Психоневрологическом институте (1908 год). Оно происходит от латинского слова "Литис" (предел) - родительный падеж "лимитис". Лимитизм рассматривает бытие как предел знаниям (К.Ф.Жаков. "Отрывки из моей философской биографии". Госархив Респ. Коми, фонд 945, с.6). Жаков прямо пишет, что он посвящает одну из своих работ исследованию "...соотношений субъективных форм познания к объективным основам бытия".²

Несмотря на колебания к агностицизму при решении второй стороны основного вопроса философии, К.Ф.Жаков в конечном счете все же больше склонен положительно ответить на этот вопрос: "Итак, сущность вещей все же

остается непознаваемой? Да, если иметь в виду предельное, совершенное знание. Однако мы не можем сказать, что окончательно не знаем сущности вещей, мы ее знаем, хотя и в грубом приближении и в символах (в религии в образах поэзий)".³ Из этого высказывания можно заключить, что К.Ф.Жаков был сторонником теории символов, иероглифов, критика которой широко известна из работы "Материализм и эмпириокритицизм". Она действительно ведет к агностицизму, но прямо агностицизмом не может быть названа.

Теперь посмотрим, как выглядят основы теории познания диалектического материализма в изложении В.И.Ленина и в лимитизме К.Ф.Жакова. Жаков пишет: "... можно сформулировать основные аксиомы гносеологии.

1. Существует "Я" (мое сознание) и вещи около меня.
2. Вещи, окружающие меня, не составляют части моего "Я". Следовательно, сознание мое может ослабеть, даже угаснуть, а тела, вещи останутся, как независимые от моей нервной системы и от моего сознания".⁴

Ленин же выдвигает уже три известных и называемых им важных гносеологических вывода, составляющих основу гносеологии диалектического материализма, но через три года после К.Ф.Жакова. Неизвестно, был ли он знаком с работой Жакова, но оба автора стремятся с материалистических позиций построить основы гносеологии научной философии. Что касается третьего положения, вывода В.И.Ленина, отсутствующего у К.Ф.Жакова (о диалектике объекта и субъекта познания), то философия лимитизма и есть это недостающее звено.

При решении первой стороны основного вопроса философии К.Ф.Жаков тоже не избежал колебаний и эволюции своих взглядов. Если в первых своих философских работах он выступает в основном как дуалист, то в более поздних работах он стремится построить монистическую философию на основе понятия Первопотенциала. Так, в работе "Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали" он пишет, что "...гносеологии пора оставить попытки вывести мир физический из сознания, или сознание из мира физического".⁵ Первая попытка - это идеализм, вторая - материализм, хотя материалистов К.Ф.Жаков чаще называет наивными реалистами. Давая критику тех и других по поводу монистических решений

новного вопроса философии, автор неизбежно склоняется к дуализму. По мнению К.Ф.Жакова, "связь души и тела (психофизический параллелизм) доказывает существование ноуменального мира, независимого от сознания всех конечных существ").⁶ Однако в более поздней работе автор выдвигает требование подняться к монистическому мировоззрению и считает, что "лимитизм уничтожает всякий дуализм и вообще плюрализм в мировоззрении". С точки зрения лимитизма, пространство, время, материя, сила, психическое, логическое и т.д. - различные разновременные проявления Первопотенциала. Потенциал один и нет другого".⁷ Стремление автора перейти к монистическому мировоззрению прогрессивно и интуитивно ясно, т.к. он понимает все большую уязвимость дуалистической позиции перед лицом развивающейся науки, особенно физиологии высшей нервной деятельности. Однако включение в понятие Первопотенциала противоположных по природе явлений (материя, логическое) показывает эклектический характер средств при построении К.Ф.Жаковым монистического мировоззрения.

Из книги В.И.Ленина "Материализм и эмпириокритицизм" мы знаем, что трудной проблемой для стихийного материализма до появления диалектического материализма являлась проблема происхождения сознания. Махисты считали, что эта проблема неразрешима для материализма, так как приводит или к механицизму, или к идеализму и религии. Механицизм, стремясь сблизить материю и сознание, теснее связать их друг с другом, ведет к отрицанию специфики сознания, отрицает его идеальную сущность. Это понимал и К.Ф.Жаков, который верно отмечал, что активность живого организма "... необъяснима из движения атомов, из механических принципов". Но механистический материализм прошлого имел рациональное зерно в стремлении связать материю и сознание, дух. Это сумел понять и отразить в своей работе К.Ф.Жаков, выступая тем самым в качестве представителя естественнонаучного материализма: "Как же, однако, связать материальную первичную субстанцию (электричество хотя бы) с духовной активной субстанцией?.. Можно сказать, что придет время, когда будет переброшен мост от материи к духу".⁸ Проблема четко и ясно поставлена перед естествоиспытателями и фило-

софами, причем с позиций материализма, а не идеализма и религии. В этой постановке проблемы уже заключена не преходящая ценность философии К.Ф.Жакова. Гораздо позднее в работе "Материализм и эмпириокритицизм" Ленин писал примерно то же самое: "... на деле остается еще исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения".¹⁰

Структура процесса познания с позиций диалектического материализма описана В.И.Лениным в его знаменитой формуле: познание идет от живого созерцания к абстрактному познанию, а от него к практике. К.Ф.Жаков также постепенно подходит к такому пониманию структуры познавательного процесса. Он пишет, что "знание идет в сущности вещей (хотя бы к одной ее стороне)".¹¹ Философ называет первой ступенью познания, приближения к истине внешнее восприятие объекта.¹² Второй ступенью приближения к истине, по мнению автора, является вскрытие сущности объективной реальности, которая скрыта в сущности внешнего восприятия. По его мнению, этой сущностью объективной реальности является энергия. Тем самым К.Ф.Жаков поддерживает энергетизм, критика которого с материалистических позиций дана В.И.Лениным в работе "Материализм и эмпириокритицизм" и, следовательно, целиком относится к энергетизму Жакова. Третью ступень приближения к истине К.Ф.Жаков называет гносеологометанавучной.¹³ Это раскрыто явно недостаточно, но при том автор четко указывает, на что направлено в конечном счете познание - на окружающий мир: "Познание всегда приспособление личностей (и воль) к великой среде".¹⁴ По мнению К.Ф.Жакова, гносеология лимитизма - это приближение мышления к Бытию, аналогичное приближение переменной величины к своему пределу.¹⁵ В сущности, эта гносеология есть не что иное как диалектика относительной и абсолютной истин, так подробно проанализированная в работе "Материализм и эмпириокритицизм".

¹ Жаков К.Ф. Теория переменного и предела в гносео-

- логии и в истории познания. - СПб, 1904; его же рабо-
та: "Принципы эволюции в гносеологии, метафизике
и морали". - СПб, 1906; К.Ф.Жаков. Основы эволю-
ционной теории познания (лимитизм). - СПб, 1912.
- 4 Жаков К.Ф. Основы эволюционной теории познания.
- С.5.
- 3 Жаков К.Ф. Принципы эволюции... - С.18.
- 4 Там же. - С.7.
- 5 Там же. - С.7.
- 6 Там же. - С.23.
- 7 Жаков К.Ф. Основы эволюционной теории... - С.108.
- 8 Жаков К.Ф. Принципы эволюции... - С.59-60.
- 9 Там же. - С.68-69.
- 10 Ленин В.И. Поли.собр.соч., т.18. - С.40.
- 11 Жаков К.Ф. Основы эволюционной теории... - С.40.
- 12 Жаков К.Ф. Там же. - С.29.
- 13 Там же. - С.29.
- 14 Там же. - С.29.
- 15 Там же. - С.36.
- 16 Жаков К.Ф. Принципы эволюции... - С.3.

ФИЛОСОФИЯ ЛИМИТИЗМА К.Ф.ЖАКОВА

В.А.Федорович
(Сыктывкарский госуниверситет)

Судьбе было угодно распорядиться так, что полтора десятка лет назад (в 1977 году) мне пришлось заняться философскими работами К.Ф.Жакова (1866-1926 гг.) под влиянием внешних сил: меня, тогда заведующего кафедрой философии и научного коммунизма Сыктывкарского университета, включили в состав "комиссии Коми обкома КПСС по наследию К.Ф.Жакова". К каким выводам пришла эта комиссия, как она работала и кто входил в ее состав, мне неведомо. У меня остались только материалы добросовестной проработки основных философских трудов К.Ф.Жакова с позиции принципа партийности философских учений (альтернатива материализма и идеализма) да убеждение в необходимости переиздания этих работ хотя бы с целью иллюстрации "негативного влияния немарксистской методологии" на развитие оригинальных постановок философских проблем.

Когда в 1991 г. мне предложили принять участие в региональной научной конференции "Наследие К.Ф.Жакова и развитие культуры финно-угорских народов", я согласился без колебаний, поскольку в течение предшествующего десятилетия мне пришлось руководить подготовкой нескольких аспирантских рефератов по наследию К.Ф.Жакова. Согласие выступить с докладом стимулировалось еще и созвучием некоторых основополагающих постулатов "лимитизма" и общей теории развития, разработкой категориального аппарата которой я занимаюсь последние двадцать лет. К числу таких постулатов относятся принципы развития (эволюции) и единства мира, принцип логической строгости категориального аппарата философской теории и акцентирование проблемы психо-физического дуализма как центральной проблемы философской теории.

По моему глубочайшему убеждению, сегодня едва ли можно констатировать наличие всех необходимых и достаточных условий для адекватного критического анализа философских трудов К.Жакова. В наше время более всего следует опасаться идеологического скачка от ортодоксального неприятия постановки и решения философских задач в его работах к восторженно-квасной гиперболизации их смысла и значения. В силу этого мне хотелось бы привлечь внимание научной общественности только к двум аспектам собственно философских работ К.Жакова: к его аксиоматике и к историческим условиям, в которых складывалась оценка его философских идей.

Рассматривая собственно философскую аксиоматику К.Жакова, прежде всего следует учесть его тезис о том, что разрабатываемая им теория - лимитизм - выступает как "синтетически-эволюционная философия". Для раскрытия содержания этой формулы очень важно знать, как К.Жаков отвечает на вопрос - что такое философия? Исследование его философских работ показывает, что в замках лимитизма философия безусловно относится к сфере науки, а конкретнее - лимитизм "...определяет философию, как систему наук своего времени, связанных общим методом" [3, с.45].

Синтетический характер лимитизма, по задумке его автора, обусловлен уже тем, что эта философия призвана дать "...наконец истинную методологию всех наук без смешения категорий" [2, с.70]. Кроме того, синтетический характер лимитизма, опять-таки по задумке его автора, призван не только синтезировать все философские направления своего времени, но и стать связующим звеном между науками и религией, завершая тем самым единую картину мира: "... если науки излагают семь граней (реальности - В.Ф.), философия семь потенциалов, то религии ищут Первопричину-Первопотенциал. ... Первопотенциал или Бог беспределен во всех направлениях и во всех смыслах и познать Его нельзя. Действует он бесконечно разнообразно, но отношение Его к космосу познаваемо..." [3, с.73].

Практическая сторона синтетического характера лимитизма усматривается К.Жаковым в том, что это учение будет развивать в людях склонность к религии, а эта последняя приведет к образованию "религиозных союзов

добрых". На основе таких союзов будут возникать национальные государства, которые, окрепнув, будут вступать в союз с другими государствами, "где тоже будет проповедано учение лимитизма. Кооперативный союз национальных государств создаст на земле великую силу белой магии и тогда земля спасется" [3, с.76].

Такая постановка вопроса при учете тезиса о научном характере философии требовала соответствующего онтологического обоснования, которое автор лимитизма находит в эволюционной идее. "В 1916 году, — писал К.Жаков, — 6-го января пришли мне на ум первые теоремы исчисления т 'действий'.

Первая теорема. Все развивается из ПЕРВОВОЗМОЖНОГО. Сначала идут потенциальные состояния, а из них потом возникают состояния реальные. Это — инволюция. Реальности переходят в потенциальное, а потенциальности в ПЕРВОПОТЕНЦИАЛЬНОЕ и ПЕРЕОВОЗМОЖНОЕ. Это — эволюция" [3, с.32]. "Это закон миротворчества и мироразрушения, начало соединяется с концом. Круг замкнут" [там же, с.62].

Точкой замыкания этого "мирового круга" выступает Бог. Следует особо подчеркнуть, что Бог в философской конструкции К.Жакова играет, главным образом, онтологическую (космологическую) роль. "Для единства же мира необходим ПЕРВОПОТЕНЦИАЛ. Это Бог-Первопричина" [3, с.71].

На эту онтологическую картину хорошо накладывалась логико-гносеологическая конструкция автора лимитизма: "И оказалось: в религиях люди искали первопотенциальное, в философиях — потенциальное, в науках — реальное" [там же]. В пределах этого наложения становится понятным и стремление автора лимитизма использовать в качестве научного языка его "мировой схематики" предельно абстрактные математические символы в духе дифференциального и интегрального исчисления. По этому аспекту проблемы остается только искренне сожалеть, что К.Жаков "застрял" на И.Канте и, по всей видимости, не был хорошо знаком ни с критикой И.Канта Гегелем, ни с гегелевской оценкой применимости математического знания в сфере философии.

Если попытаться дать общую оценку аксиоматики лимитизма, то следует признать, что это учение представ-

ляет собой конструкцию дуализма, дрейфующего к объективному (религиозному) идеализму и базирующегося на антидиалектическом методе (метод "оконечивания" развития бытия). Эта абстрактно-теоретическая характеристика лимитизма не перечеркивает однако индивидуального героизма К.Жакова как мыслителя. На мой взгляд, творческая биография Жакова-философа - это наглядная модель развития исследовательского ума от осознания противоречивости научного поиска (период знакомства с работами И.Канта) через глубокое постижение конкретной научной проблемы (проблема возникновения сознания) к отчаянно попытке одному, самобытно, вопреки насмешкам и издевательствам, дать людям объяснение мировых процессов развития.

Второй аспект моего выступления можно обозначить вопросом: почему нельзя было даже надеяться на, скажем мягко, нейтральное отношение властей Советской республики и "красной профессуры" к наследию К.Жакова? Поскольку такая постановка вопроса автоматически выводит в сферу более тяжелой проблемы - оценки исторической роли Великой Октябрьской социалистической революции в масштабе общечеловеческих ценностей, хочу сразу же зафиксировать свою собственно философскую позицию по этой проблеме. Будем ли мы исходить из библейских заповедей (не судите и судимы не будете) или из философских принципов (все действительное разумно и все разумное действительно), или из гражданского уважения к своим историческим предшественникам, - при любой от правной точке вывод будет один - историю нельзя судить, ее можно только понять. В моем понятии логика периода 1917-1922 годов, в котором творчество К.Жакова приобретало несвойственные ему политические краски, - логика этого периода есть логика борьбы в прямом смысле этого слова. По целому ряду причин - личные лишения, разгул безбожия и насилия, разруха, гибель Российской империи и т.д. - К.Жаков был захвачен этой логикой борьбы. Никакими другими причинами нельзя объяснить ни признаки "юдофобии" в его работах (М.Горький - "... пролетарий, окруженный евреями" [3, с.39]; "Мардохей - Маркс" [там же, с.71], ни резкое отрицание идей социализма и интернационализма, существующее с идеями мирового единения и счастливой жизни трудово-

го люда. Философски подходя к этому моменту, трудно предположить даже возможность нейтрального подхода к решению вопроса о философском наследии К.Жакова в СССР.

К сожалению, логика революционной схватки была перенесена в Стране Советов и на академический "философский фронт". Профессионалы хорошо знают отношение сталиничины даже к классическому философскому наследию идеалистических и дуалистических школ. А здесь речь шла о современнике, занявшем позицию "классового врага" [подробнее см.: 4, с.5-28]. Хрущевская оттепель первой половины шестидесятых годов была столь кратковременной, что ни в коей мере не коснулась ортодоксально-односторонней интерпретации принципа партийности в философии. В СССР стали издавать И.Канта, Д.Беркли и других классиков, но как были, так и остались под запретом классики отечественной философской мысли конца XIX – начала XX веков. А здесь речь шла далеко не о классике...

В заключение хочу остановиться на вопросе о необходимости серьезного поиска, исследования и публикации философских работ К.Жакова. По моему разумению, можно назвать по крайней мере три причины, по которым это следует сделать. Во-первых, мы переживаем период возрождения культуры народов, населяющих территорию России. Необходимый момент этого возрождения – ликвидация историко-культурных "провалов", образовавшихся в результате ортодоксального отрицания всего "не-советского". Научная общественность республики может внести свой вклад в это дело и должна это сделать. Во-вторых, если мы не на словах, а на деле провозгласили переход от классовых ценностей к ценностям общечеловеческим, то философам следует соответствующим образом относиться к реалиям процесса оживления религиозного движения в Республике Коми. Мне представляется, исследование философских работ К.Жакова на хорошем теоретическом уровне – с последующим опубликованием работ самого автора лимитизма и результатов исследований – будет способствовать утверждению более цивилизованных форм религиозного движения, чем те, которые начинают развиваться стихийно. И, наконец, последнее: в лимитизме есть пафос предельно широкого взгляда на реальность,

пафос теоретичности ума и предостережение от узколобого профессионализма и мировоззренческой зашоренности. Мне представляется, что в процессе формирования национальной интелигенции этим пафосом пренебрегать нельзя. Слишком многие обстоятельства побуждают сегодня людей заниматься только и исключительно "грызунами района Коччаяг", исключительно "икемскими говорами", исключительно "извлечением прибыли". Наследие К.Жакова способно оказать воздействие на процесс формирования Граждан и Мыслителей.

"Меня, - писал К.Жаков, - пугали со всех сторон и говорили: "Гараморт - чудак! Захотел познать сущность бытия. Гараморт - дилетант, он не знает последних математиков Испании. Он не знает всех гимнов Вед, составленных в Пенджабе, Гараморт не знает всех царей Пергамских. Гараморт не знает всех быков Китая. Гараморт не бывал у английских пэров, а хочет познать Бога. Гараморт не знает всех в стихах Теренция. Гараморт не знает всех пятен на Луне.

О мужи почтенные, благодетели шара земного! Всех частностей знать нельзя, всех имен помнить невозможно, все холмы нельзя перечислить, но надо знать общие законы мировые. Типичные отношения в бытии. Основные свойства человека и общества. Знание есть знание общего. Знание не есть знание всех пятен на всех книгах!"

ЛИТЕРАТУРА

1. К.Ф.Жаков. Теория переменного и предела в гносеологии и в истории познания. - СПб., 1904.
2. К.Жаков. Гипотеза, ее природа и роль в науке и в философии. - Петроград, 1915.
3. К.Жаков. Лимитизм. Единство наук, философий и религий. - Рига, 1929.
4. На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. - М., 1990.

КОНЦЕПЦИЯ ЛИМИТИЗМА В СКАЗКАХ К.Ф.ЖАКОВА

С.А.Югов

(Ин-т языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН)

"Лимитизм", - определяет К.Жаков, - это философия общечеловеческого опыта: обобщение наук, философий и религий",¹ всеобщее, всеохватывающее учение о Мире и о душе, которое приближается к истине, ко всезнанию.

Каллистрат Жаков призывал людей подниматься на новые и новые ступени в понимании добра, красоты, истины, потому что добро и красота должны спасти мир. А войны и революции побуждают в людях злобу, ненависть, разрушают культуру народов и отбрасывают развитие человечества назад к невежеству, они являются извечным человеческим злом. Эти принципы своего учения К.Жаков заложил также и в художественные произведения.

Если говорить о сказках К.Жакова, то в основном это легенды коми народа, художественно обработанные писателем. В трехтомной "Истории коми литературы" о них говорится, что К.Жаков своим мистическим мировоззрением разрушал реалистическую народную эстетику.² На наш взгляд, в сказках К.Жакова, наоборот, усиливается фольклорное представление добра, красоты, трудолюбия, стремления к познанию. И это достигается философским осмыслением народных произведений.

Философия сказок в высшей степени действенна, потому что она связана с живой реальностью. Так, в сказках "Майбыр", "Уриила" и др. описывается нетронутая северная природа, которая несет определенную функцию в произведении - воспитание человека, очищение его и возвеличение до космических размеров.

В "Золотой сказке" К.Жаков раскрывает главную идею философии лимитизма. Человек всю свою сознательную жизнь стремится больше узнать о мире и жизни. Это уз-

навание писатель сравнивает с дорогой, которая поднимается между острых камней на крутую гору. Не всякому дорога под силу. Тому же, кто сумеет подняться на самые высокие ступени знания жизни, откроется истина, он станет духовно свободным и счастливым. Этот человек становится пророком, указывающим другим единственно правильный путь в достижении истины, счастья.

В "Серебряной сказке" писатель поднимает этические проблемы в воспитании человека. В народном понимании такие категории, как власть, слава, богатство не относятся к зазряду высокоморальных, они связывают человека, лишают его свободы. Так же и в этой сказке герой прославляет жизнь в семье, среди людей, свободный труд на благо себе и другим, а власть, славу, богатство зарывает в землю и никогда не вспоминает об этих тяжестях.

Связующим звеном в достижении истины, знаний, благополучия в сказках Жакова является труд. Так, в сказке "Гулень на небе" говорится о том, как ленивец, попав на небо, видит: всем, что есть на земле и на небе, движет труд. Ен говорит ему: "Работа дана всему миру на утешение. И ты работай, не ленись и будешь счастлив". К.Жаков рисует, как вся природа трудится, а человек все это видит, изумляется, благодарит, и подражает Богу-природе. В сказках свободный труд - это всегда прекрасный праздник.

К.Жаков не только изучал религии мира, он также пытался восстановить забытую народом коми его древнюю религию, дохристианские представления о строении мира, языческих богов коми-зырян.

Так, на примере сказки "Бегство северных богов" можно представить, что в давние-давние времена небо было близко к земле, а земля была щедрой и давала злаки, состоящие из одного огромного колоса без соломы. Но с тех пор небо рассердилось на людей и поднялось высоко от земли, и иссякла щедрость матери-земли. Тогда же главный бог коми-зырян - Ен вместе с небом удалился от людей. Теперь с неба он спускается на самую высокую гору Урала Тёв-поз-из для того, чтобы подготовить огненные стрелы, а также на совет с малыми и великими богами, живущими в лесах и водах Коми земли.

В этой сказке К.Жаков ставит проблему выживания малых народов Севера при наступлении цивилизации. Сна-

чала народ забывает своих старых богов и принимает Новую веру, подчиняется новым порядкам, смиряется с судьбой. Забывает народ и своих богатырей: Перя-богатырь давно уже спит в земле, в реке утонул Йиркап, великан Яг-морт был убит чародейками. На северян с юга стали нападать неизвестные народы, с востока вогулы с их князем Асыкой. Тогда северяне с Вычегды, с Выми потянулись на север - на Печору, на Ижму, населили тундру: Но и сюда, пишет К.Жаков, пришли с чужих стран иноземцы-купцы и наняли северян рубить леса. Вековые пармы оголели. Затем понастроили заводы с дымными трубами. Приползли железные драконы с огненной пастью и задымили, испоганили все. И умолкли тогда девичьи песни в избах мужиков, и прекратились длинные сказки северян.

Каллистрат Жаков предупреждает, что народ, поменявший веру отцов и дедов и покорившийся судьбе, сам исчезает вместе со старыми богами, богатырями, вместе с древней культурой.

Писатель был против насильственной ассимиляции народов, против уничтожения религий, культур, быта малых народов. Но он был также противником искусственного отчуждения отдельных народов от цивилизации, консерватизма отдельных культур и ограничения исторического опыта народов. Он говорил, что все народы на земле в своем историческом развитии сами без принуждения будут обогащаться культурой и жизненным опытом друг друга и приближаться к вселенской культуре. В сказке "Жизнь Пама Бур-Морта" Бур-Морт говорит отцу: "Взгляни, отец, на гладь мировой реки, ее имя - Дед. Она течет с далеких южных гор, тысячи рек других слились с ней, не удержав своих имен и не сохранив вида своего. Так малые народы соединяются с большими, забывая свои имена, оставляя старые нравы и обычай.

Много заливов у бурного моря, но всех оно в себя включает. Так всемирная религия торжествует над религиями малых народов. От несовершенного человек переходит к совершенному, по ступеням жизни стремится к небесам, туда, туда..."⁴

Сказка "Жизнь Пама Бур-Морта" является еще одной трактовкой концепции лимитизма. Главный герой сказки Бур-Морт отправляется путешествовать по свету, чтобы познать мир, увидеть картину неба и земли. Во многих

странах он знакомится с учеными мудрецами, их учениями о строении мира, вселенной. Бывая у малых и великих народов и знакомясь с различными учениями, он приходит к выводу, что все знания - переменные величины одного всеобщего предельного знания. Переменным величинам нет конца и края, а всеобщее знание одно. Оно вечно, беспределно и вбирает в себя все переменные. Это всеобщее знание и есть предел, есть истина, Бог, - говорит К.Жаков. Человек же является частью этой истины. Если человек поймет, что он часть прекрасного целого, что он живет в лоне этой истины, если он не будет противиться законам природы, а жить по ним, то он станет счастливым и свободным. Понять законы природы и жить по ним - вот высшая этическая категория.

"Спокоен тот, кто слушает мир. Мир слушает того, кого мысли согласны с течением вещей и событий мира"⁵, - восклицает в сказке Бур-Морт.

По учению лимитизма К.Жакова, люди должны вбирать в себя высшие космические этические и эстетические качества. Человек, победивший свои инстинкты и привязанности земные через разум, душевность, стремящийся к добруму и прекрасному, - он и есть носитель лимитизма, предельного знания, истины.

В стремлении к поискам истины через культуру, этику, эстетику К.Жаков не был одинок. Его современник, известный художник, философ, гуманист XX века Н.К.Рерих выдвинул лозунг "Мир через культуру": И его поддержали миллионы людей на земле. Он утверждал, что Любовь, Красота, Действие - формула международного языка, и там, где однажды появилась культура, ее уже нельзя будет уничтожить, не уничтожив всей цивилизации.⁶

Н.К.Рерих и К.Ф.Жаков к познанию истины шли одинаковыми путями. Н.Рериха во всем мире знают как философа-гуманиста, благодаря его философским работам. К.Ф.Жаков тоже является философом-гуманистом, несущим космическую веру.

¹ Жаков К.Ф. Лимитизм. Единство наук, философий и религий. - Рига, 1929. - С.45.

² История коми литературы. Т.2. - Сыктывкар, 1980.- С.86.

- 3 Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания. - Сыктывкар, 1990. - С.384.
- 4 Там же. - С.437-438.
- 5 Там же. - С.434.
- 6 Рерих Н.К. Врата в будущее // Врата в будущее: Сборник. - М., 1990. - С.186.

ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
К.Ф.ЖАКОВА

ЖАКОВ КАК ПЕДАГОГ

Л. В. Жакова
(Ярославль)

Педагогическая деятельность К.Ф.Жакова неотъемлема от его научного и литературного творчества и проходит через всю его жизнь. Начинал педагогическую работу он в ранней юности с репетиторства. Будучи учеником реального училища в Вологде, он уже славился как человек, способный подтянуть любого отстающего ученика. "Самым тупым ученикам втолковывал я основы алгебры. На спичках, на песке, на палках объяснял я принципы геометрии, начертательной геометрии и механики". В течение 1892 г. Жаков преподавал в монастырской школе в Заонежской пустыни Вологодской губернии. В свидетельстве, выданном студенту университета Каллистрату Жакову Киевской городской полицией в октябре 1897 года, сказано: "... Состояния бедного, имущества движимого и недвижимого в Киеве не имеет, и средства к жизни добывает частными уроками". По окончании С.-Пб. университета был оставлен при кафедре и два года читал лекции по зырянской грамматике.

К.Ф.Жаков был не только лектором высшей школы. С 1901 г. в течение 8 лет вел русский язык и историю в младших классах училища при Петербургской Римско-католической церкви. В 1906 г. преподавал русский язык и литературу в Петербургской окружной гимназии. В 1907 г. - русский язык и философию в 1-й Петербургской гимназии, а также вел уроки русского языка в 10-й гимназии и женском пансионе.

С 1907 г. К.Ф.Жаков состоял преподавателем по кафедре логики на трехгодичных Высших педагогических курсах Фр.Белевского общества, готовящих домашних учительниц и "детских садовниц" (дошкольных педагогов), читал логику, историю, философию. С 1905 г. К.Ф.Жаков - постоянный

лектор Курсов по энциклопедии высшего знания и Петербургских курсов ораторского искусства. Читает в разные годы этику, педагогику, психологию, грамматику русского языка, эстетику, философию. Но основная работа К.Ф.Жакова была связана с С.-Пб. Психоневрологическим институтом, где он читал логику, историю, гносеологию, древнюю философию, а также вел научные студенческие кружки: историко-философский, теории познания, кружок Всемирной сказки (его духовное детище), кружки шахматной игры и астрономический. В 1917-1919 годах К.Ф.Жаков преподавал педагогику и философию в Псковском учительском институте, читал лекции по зырянскому языку в Юрьевском университете. В 1925 году он был приглашен в Пермский университет организовать кафедру уральских языков.

В круг интересов К.Ф.Жакова входила вся педагогика — от дошкольного воспитания до высшего образования включительно. Главным в воспитании маленького ребенка К.Ф.Жаков считал уважение к будущей личности, осторожное, бережное отношение к самому развитию. "Дивно самотворчество природы! — восклицает он. — Самое величайшее открытие, которое делает человек, это констатирование своего "я"!" Всю программу воспитания ювенальства К.Ф.Жаков очень поэтично выразил в поэме "Биармия" (глава 21). Индивидуальное развитие повторяет развитие рода. В каждом ребенке заново рождается язык его народа. Все нравственные понятия, психология народа и мораль заключены в самом окружающем языке. Сначала ювеналь воспринимает весь строй языка, затем создает и свой звуковой язык. Развитие лежит между привычкой и творчеством. Как согнутый лист бумаги легче складывается в следующий раз по этому же месту, так повторение одного и того же делается привычкой. Как можно больше надо думать о всяком первом шаге! В то же время каждое следующее повторение действия — и всякая ситуация — будут отличаться от предыдущих и требуют творчества в разрешении их. Педагог не должен мешать проявлению, формированию наклонностей. Нужно только, чтобы они подчиняли его, ребенка, разуму. А разум нужно просвещать и образовать. Как можно раньше К.Ф.Жаков рекомендует развивать в детях наблюдательность и впоследствии любознательность. "Где нет любознательности, не может быть и культивированности!" — пишет он.

Дело школы, по Жакову, - раскрыть, проявить потенциальные возможности человека. Педагогика должна быть основана на философии как науке о ценностях. Философию детям следует излагать в мифах, сказках, былинах, легендах. Законы этики раскрываются при изучении художественной классики - Гомера, Лесажа, Свифта. Величие добра - из биографий справедливых, сильных людей от Будды и Пифагора до современных подвижников. Молодому человеку нужно дать идеалы, образцы прекрасного как перспективу развития. За кругом наук, дающих миропонимание, начнется изучение техники. Здесь главным фактором будет богатство края, где находится школа. Все естественные науки следует давать на базе краеведения. В высшей школе все предметы должны изучаться главным образом в просеминариях, библиотеках, лабораториях, в клиниках.

Помимо школ, для детей необходима сеть различных курсов по селам и городам, чтобы дать общее просвещение широким народным массам. "На дне эволюционной волны, когда старое разрушается, нужно созидать новое во всех областях воспитания и преподавания", - писал он. Причины многих недостатков школы учений видел в том, что некогда школа была пересажена на русскую почву с Запада, а не выработалась своя. "У нас школа одна и та же на севере и на юге, в городе и в деревне, калмыки ли учатся или мордва, - с горечью писал он, - отсюда раскол между теорией, вынесенной из школы, и практикой жизни: отсюда интеллигенция, не знающая своей родины, и недоверие народа к интеллигенции", - пишет он. "Знание своей местности, родной почвы, ее богатств, родного языка - необходимое условие развития полезных членов общества!" говорит он в докладе земскому собранию Усть-Сысольска. Школа должна развивать самостоятельность учеников и самосознание народа!"

Чрезвычайно важное значение профессор Жаков придавал наглядности обучения. Принцип наглядности не только воспитывает внимание, но и дает ясность мышления. "В процессе познания действуют не только ум, но и органы внешних чувств, - утверждает он. - Все обучение должно быть основано на логических законах мышления, чтобы знания становились не балластом, а орудием личности. ... На память полагаться не надо! Она плохой товарищ. Нужно развивать разумение жизни".

К.Ф.Жаков говорил и об индивидуализации преподавания. "Современная школа изгоняет таланты, гениев так же, как и не справляющихся с программой", - писал он с тревогой. Ученый поддержал идею педагога А.С.Черняева и работал в его реальном училище для детей, отсеванных магистральной школой, - переростков, неуспевающих, слабого здоровья и т.п. А на страницах "Вестника знания" выступал за поддержку одаренных детей, детей с опережающим развитием, которые, по его мнению, страдают в общей школе, как и неуспевающие. Параллельно с образованием главной заботой школы, по мысли Жакова, должно быть воспитание характера. "Наш опыт только тогда ценен, когда он привел нас к пониманию добра, раскрывающегося в природе и в человеке. Изобретательность ума, не руководимая истиной и добром, может стать пружиной великих преступлений, и ими отличается наш век. На протяжении всей жизни ученого занимает проблема гармоничной науки и гармоничной личности. "Искусства, опытные науки, философия - разные средства познания. Создать человека, совмещающего в себе все три рода постижения мира, - цель культуры".

Главнейшим в педагогической практике Жакова были принципы самодеятельности. Главное дело учителя - организация самодеятельности учеников. "Элемент активности составляет постоянную и непременную принадлежность акта вицма - ния", - подчеркивал он. Таковы педагогические взгляды К.Ф.Жакова, которые он развивал и осуществлял в своей многолетней практике.

К.Ф.Жакову была глубоко созвучна идея общеобразовательных курсов для взрослых. Он отозвался на предложение их организатора А.С.Черняева и с 1902 г. работал на курсах все время их существования. Педагогика самодеятельности учащихся нашла здесь широкое развитие. На курсах Черняева было полное самоуправление. Выходил журнал "Единение" и рукописная газета "Огоньки". За четыре года уплотненных занятий курсы давали своим слушателям полную программу гимназий и реальных училищ и открывали дорогу в университет для тех, кто прежде попасть туда не мог. Здесь учились П.И.Баранов (организатор ВВС СССР), Герой Советского Союза генерал-майор Н.Р.Андреев, эстонский врач профессор Арнольд Сепп, поэт Янка Купала, писатели Альвил Цеплис, Арнольд Янсон... Черняевские курсы выпустили целую плеяду учителей, работавших по всей России (автором собрано 26 имен учителей - "черняевцев"). На кур-

сах Черняева учились и многие коми: Ф.П.Чукичев, впоследствии преподаватель Психоневрологического института, известный социолог Питирим Сорокин, краевед В.А.Худоев, видные деятели просвещения Василий и Мария Молодцовых, поэт Андрей Чеусов... Ф.П.Чукичев пишет в воспоминаниях: "Я встретил в Жакове человека, который научил меня самостоятельной работе, и исключительно ему я обязан тем, что из мужика сделался профессором... Большинство слушателей считало Калистрата Фалалеевича не столько официальным преподавателем, сколько душой курсов, учителем жизни..."

Почти двадцатилетний опыт первых в России общеобразовательных курсов для взрослых К.Ф.Жаков обобщил в большой статье "Педагогическая идея А.С.Черняева".

В апреле 1904 г. Жаков выступил на заседании Психологического общества в поддержку предложения В.М.Бехтерева об учреждении в Петербурге Психоневрологического института: "... я думаю, что проектируемый институт надо приветствовать и открыть его на самых широких началах... В университете нет кафедры антропологии. Этнографу негде учиться. Необходима широкая постановка дела..." К.Ф.Жаков был одним из основателей института, участвовал в выработке его программ. В московском журнале "Искры" на обложке помещена фотография: открытие 3 февраля 1908 г. в С.-Петербурге Психоневрологического института. Среди сидящих за столом - К.Ф.Жаков. В 1911 г. те же "Искры" помещают портрет К.Ф.Жакова среди инициаторов и организаторов открытого при Психоневрологическом институте Экспериментального института изучения алкоголизма.

В 1913 г. вместе с академиком В.М.Бехтеревым и профессором М.М.Ковалевским К.Ф.Жаков выбран в Совет общества Славянского научного единения. Кomi ученый входил в Совет, стоящий во главе института. Он был единодушно избран заведующим студенческим отделом. При непосредственном участии К.Ф.Жакова было наложено издание институтской газеты "Листок студентов-психоневрологов". В научных кружках, которыми руководил Жаков, росли будущие исследователи.

Нельзя не сказать и о домашнем литературном кружке Жакова. Сюда приходили В.Шкловский, А.Грин, Я.Гордин, Я.Назаренко, А.Чапыгин, П.Розит, поэты И.Садоффев, М.Семенко, В.Беляев, И.Луцевич (Я.Купала). На собрания

в доме Жакова обратила внимание полиция, и 10 декабря 1912 г. они были запрещены. В объяснительной записке Бехтереву Жаков сообщает, что собрания в его квартире устраивались на протяжении 10 лет по последним субботам каждого месяца (на 1912 год). "... Я им излагал обычно теорию познания, метафизику, или же давал отчет о своих поездках с этнографической и лингвистической целями. Иногда предлагал писать рефераты на философские темы... В жизни моей никогда не занимался я разбором социальных и политических проблем. Наоборот, всегда полагал я, как и теперь думаю, что религиозное, нравственное и философское воспитание юношества важнее и ценнее всякой политической деятельности". И позднее, в течение всей своей жизни Калинстрат Фалалеевич Жаков выходил из всех тупиков истории видел исключительно в просвещении.

К педагогической работе К.Ф.Жакова безусловно относится и его просветительская деятельность как народного лектора. Начиная со студенческих лет, каждое лето ученый проводил в путешествии, собирая фольклор, изучая языки народов Севера и читая лекции по городам и селам. Содержание лекций, а также художественные произведения К.Ф.Жакова публиковались в местных газетах. Даже из названий газет видна география этих лекций - от Уссурийского края, Сибири, Северного Урала до Котласа, Архангельска, Мезени, Пинеги, Вологды. Темы лекций затрагивали горячие точки злободневности и всегда находили живой отклик в сердцах слушателей, что отмечалось в многочисленных отзывах прессы.

Жаков-педагог не менее значим, чем Жаков-ученый и философ. Он был достойным сподвижником Бехтерева и Черняева и относится к плеяде выдающихся деятелей российской культуры начала нашего века.

К.Ф.ЖАКОВ В ЭСТОНИИ

А.И.Туркин
(Эстонская академия наук, Таллинн)

У К.Ф.Жакова были давние связи с Эстонией и ее жителями. Еще в годы учебы в Петербургском университете он заводит знакомства с эстонцами. Один из них - Николай Канн (1873-1948), вместе с К.Ф.Жаковым окончивший университет по специальности "новые языки и история". В 1902 г. Н.Канн составил и издал в Петербурге "Необходимый немецко-эстонский словарь".¹ В 1901-15 гг. Н.Канн работал учителем в школах Петербурга, Риги и Таллинна, был известен как политический и педагогический деятель Эстонской Республики. Позднее К.Ф.Жаков писал о нем в своей автобиографической повести: "Отчего потихоньку да помаленьку не занимался бы зырянским языком, составил бы словарь, как скромный эстонец Кан, твой приятель, издавший новый словарь, пересмотрел бы рукописи зырянские в Петербурге, стряхнул бы пыль с них и извлек бы кое-что полезное".²

К.Ф.Жаков был знаком и с другим, более известным эстонцем Оскаром Калласом (1868-1946) и его супругой Айно Каллас (1878-1956). С 1895 г. О.Каллас жил в Петербурге, в 1901-1903 гг. занимая должность приват-доцента по сравнительному языкознанию в университете. С 1902 г. преподавал в университете финский язык. В это же время К.Ф.Жаков читал там лекции по грамматике коми языка. Позже О.Каллас изучал эстонский фольклор, долго находился на дипломатической работе в Финляндии и в Англии. Его супруга Айно Каллас была известной финско-эстонской писательницей.

В Психоневрологическом институте среди профессорско-преподавательского состава числился и известный нейрохирург, эстонец по происхождению, Людвиг Пуусепп (1875-

-1942), который в 1908 г. вместе с В.М.Бехтеревым организовал первую в мире нейрохирургическую больницу при институте. Сохранилась фотография, снятая во время открытия Института по изучению алкоголизма. В первом ряду сидят академик В.М.Бехтерев, профессора Л.Пуусепп, Н.П.Симановский, К.Ф.Жаков и другие.³ В 1920 г. Л.Пуусепп уехал в Эстонию, стал академиком АН Эстонии и членом зарубежных академий и научных обществ.

В Психоневрологическом институте наравне с русскими учились представители многих народов, в том числе и эстонцы.

За три дня до Февральской буржуазной революции по личному указу царя Психоневрологический институт, где К.Ф.Жаков работал ровно девять лет, был закрыт. Еще раньше были закрыты Общеобразовательные Черняевские курсы, где К.Ф.Жаков также работал, а в последние годы даже руководил ими. К.Ф.Жаков фактически остался без работы. К этому времени он создал новую семью со своей ученицей, латышкой по происхождению, Алидой Прееде.

Весной 1917 г. К.Ф.Жаков вместе с женой уехал отдохнуть на хутор ее родителей возле г.Валк на границе Эстонии и Латвии. Осенью они собирались вернуться в Петербург. Бурные политические события: Февральская буржуазная революция, Временное правительство, затем Октябрьская социалистическая революция, установление советской власти - изменили планы К.Ф.Жакова. Временный отъезд из Петербурга стал окончательным. Не найдя взаимопонимания с тестем, семья К.Ф.Жакова обосновалась в г.Валк; в его эстонской части. К.Ф.Жаков бродил по здешним лесам, которые отдаленно напоминали ему коми парму, читал лекции в воинских гарнизонах, в которых, к счастью, оказалось много интересующихся его философией - лимитизмом.

Из Валка в октябре 1917 г. К.Ф.Жаков приезжал в университетский город Тарту, где в зале Эстонского студенческого общества прочитал три лекции об истории, жизни и культуре пермских народов (коми и удмуртов), рассказал о древних контактах коми, о Биармии, о родстве коми с другими финно-угорскими и самодийскими народами, тунгусами и даже японцами. Вторая лекция была посвящена со временем культурно-политическому развитию народа коми, его интеллигенции, состоянию изучения финно-угорских языков в России, в частности, языков пермских и волжских финнов. В третьей лекции К.Ф.Жаков рассказал о коми шко-

лах и новой коми литературе. Он выразил желание перевести на коми язык эстонский народный эпос "Калевипоэг".⁴ В Тарту К.Ф.Жаков издал отдельной брошюрой две свои лекции: "О воспитании". (1917) и "Учение о душе" (1917).

В середине декабря 1917 г. семья К.Ф.Жакова переезжает в Псков, где ученый вел курс высшей математики в Мариинской женской гимназии. В августе 1918 г. он был приглашен в качестве преподавателя педагогики и психологии в Псковский учительский институт и коммерческое училище.

Из Пскова К.Ф.Жаков часто ездил в Тарту, где в университетских аудиториях читал лекции на самые разнообразные темы.

* Одна из газет в эти дни писала: "Недавно в университете зале широко известный в России профессор бывшег Петербургского психоневрологического института и Петербургского университета Калистрат Жаков прочитал лекцию на тему "О судьбе финских народов". Лектор интересен тем, что по происхождению является зырянином. Среди финских народов он никогда не скрывал свою национальность..."

Как он сам сообщил, у него имеется твердое желание в Тартуском университете стать преподавателем финского и уральского языков или же профессором философии и психологии. Такое прошение в университет он уже подал. Было бы интересным событием, как бы символическим, в первом Эстонском университете профессором является зырянин".⁵

После получения Эстонией государственной самостоятельности старинный Юрьевский университет преобразовался в Эстонский национальный университет. Действительно, К.Ф.Жаков надеялся в нем получить работу, о чем он писал в докладной записке от 18 июля 1919 г. в Ученую комиссию по устройству Эстонского университета. 24 августа 1919 г. К.Ф.Жаков покинул Псков, а с 7 сентября 1919 г приказом Министерства просвещения Эстонской Республики был назначен лектором коми языка при профессуре уральских языков и до прибытия штатного профессора по философии - исполняющим обязанности профессора философии.⁶ Все, казалось бы, складывалось наилучшим образом. В условиях растущей дороговизны, чтобы как-то поддержать семью, которая постоянно жила в г. Валке, К.Ф.Жаков по воскресеньям продолжал чтение платных лекций в университетском зале.

Однако некоторые члены Совета университета начали выражать недовольство по поводу того, что К.Ф.Жаков в здании университета по воскресеньям читает платные лекции. Приказом ректора они были запрещены. Вообще в здании университета, в свободном храме науки, в дальнейшем запрещалось чтение платных лекций. К.Ф.Жаков решил продолжить чтение лекций за пределами университета, арендая для этого помещения Русской гимназии, гимназии Х.Треффнера, городской высшей народной школы. С 15 мая 1920 г. он организует также летние платные специальные курсы, предполагая читать высшую математику, политическую экономию, двойную бухгалтерию, философию и историю религий. Давалась возможность прослушивания указанных дисциплин и по отдельности.

9 июня Совет университета решил передать лекции по философии другому преподавателю. Официально мотивировалось это тем, что К.Ф.Жаков читал студентам не столько философскую дисциплину, сколько пропагандировал свое учение — лимитизм. Подчеркивалось также, что его культура мышления была ниже уровня преподавателя университета.⁷ Что касается первого утверждения, то, по воспоминаниям современников, в нем была доля истины.⁸ В отношении другого обвинения вся научно-педагогическая деятельность К.Ф.Жакова говорит об обратном. В частности, одна из студенток вспоминала: "Настоящей достопримечательностью были из Коми родом профессор Жаков. По его лекциям нельзя было слать экзамен, но они были, кроме оригинальности, очень интересные".⁹

Свои лекции по философии К.Ф.Жаков решил продолжить при поддержке Тартуского философского общества. В ноябре 1920 г. Общество планирует платные курсы на протяжении всего зимнего периода. Программа была следующая: в понедельник — астрономия, во вторник — эстетика, в среду — этика, в четверг — философия, в пятницу — история, психология, в субботу — логика.¹⁰

В университете у К.Ф.Жакова остались только лекции по коми языку. Напряженный труд, постоянные лишения, нервозная обстановка в университете окончательно подорвали его и без того слабое здоровье. Врачи нашли у него расширение сердца, сильно выраженный склероз сосудов, язву желудка и общее ослабление нервной системы. Он постоянно жил в городе Валке и занятия по коми языку со своим единственным студентом А.Тийсманом вел письменно, посы

ная ему "Коми сказки" и главы из "Грамматики коми языка", над которой работал по заданию университета. Вследствие слабого здоровья К.Ф.Жаков не мог посещать лекции по финскому и эстонскому языкам для преподавателей. Поскольку письменное (заочное) обучение студентов не было предусмотрено университетским уставом, то его недоброжелатели решили использовать данный факт в своих интересах. Университет решил, что два семестра 1921 учебного года К.Ф.Жаков не читал лекции по коми языку и 1 июля 1921 г. освободил его от должности лектора коми языка.¹¹

Таким образом, К.Ф.Жаков и его семья (жена и двое малолетних детей) остались без средств к существованию.

Друзья и ученики К.Ф.Жакова обратились с письмом на имя министра просвещения Эстонской Республики в надежде оказать какую-нибудь помощь ученому. Письмо было переслано в университет, откуда сразу же были посланы ответы, на каком основании К.Ф.Жаков был уволен из университета.¹²

Ученый обращался в правительство Эстонской Республики с просьбой о назначении ему небольшой пенсии как бывшему профессору Тартуского университета, но правительство не нашло возможным удовлетворить его просьбу.¹³ В "Исповеди Гараморта" Жаков по этому поводу пишет: "... Почему профессора прогнали меня и выписали немчурку... (имеется в виду профессор философии В.Шмидт-Коварзик - А.Т.), почему не поняли меня эстонцы-профессора? Это вопрос, который будет разузнан потомками эстов и зырян. Как я живу? Умирая и видя, как семья моя умирает от отчаяния и равнодушия людского".¹⁴

1 октября 1921 г., в день 55-летия, К.Ф.Жаков получил многочисленные поздравления от друзей и учеников из Пскова, Риги, Таллинна, Тарту, из Финляндии. Философское общество в Валке устроило юбилею чествование. В газете появилось сообщение: "Ученому-отшельнику. Сегодня исполняется 55 лет от роду проживающему в городе Валке русскому ученому Калистрату Фалалеевичу Жакову... Вот его письмо в редакцию: "Я считаю жизнь свою уже ликвидированную. Мне пятьдесят пять лет. Я стар и болен. Неизъяснимая тоска сжимает душу мою, ибо погибло все вместе с Родиной... Вся моя жизнь - скорбь, но ничто не сравнится с печалью последних лет".¹⁵

Большое письмо отправил К.Ф.Жакову и его единственный

студент, изучавший коми язык, А.Тийсман: "Дорогой друг, зырянин Каллистрат Фалалеевич! Поздравляю Вас с днем рождения. Вы из пастуха поднялись до профессора, пошли в Россию, нашли приют у русских людей, но Вы остались зырянином душой... Колумб открыл Америку, Вы открыли Комию..."¹⁶

По случаю юбилея его ученики выпустили отдельным изданием "Научную полемику" - некоторые высказывания Жакова с биографическими сведениями о нем¹⁷. Юбилейные статьи были опубликованы также в эстонских газетах.

В период пребывания в Эстонии в отличие от других эмигрантов К.Ф.Жаков не участвовал в активной политической борьбе. Но, находясь в кругу эмигрантов, К.Ф.Жаков в какой-то мере выражал и их взгляды. Как философ он не верил в созидающую силу марксизма. Об этом можно судить хотя бы по его письму в 1920 г. в Тартуский университет с просьбой разрешить чтение лекций на религиозные и научные темы. К.Ф.Жаков намеревался "развить в людях нравственное сознание и уничтожить легко-верное отношение к "вредоносным", "ненаучным" доктринаам (вроде марксизма)...". В этой же докладной записке он писал: "Одни идеи (марксизм, большевизм) для того придуманы, чтобы уничтожить интеллигенцию земного шара при помощи "пролетариата" и водворить власть "одной нации".¹⁸

К.Ф.Жаков знал о кровавом терроре в России, об уничтожении большевиками тысяч безвинных представителей дворянства, духовенства, офицерства, интеллигенции и крестьянства. Это побудило его обратиться 28 октября 1920 г. из Тарту с открытым письмом к Ленину. Вот отрывок из письма: "Вы сидите на троне, а я странствую по просторам этого света и, не связанный ни с чем, пишу Вам правду.

Вы материалист и всю жизнь изучаете только Маркса. Мир для Вас - большой механизм и человек маленькая машина. Материя меняется только через насилие. Вы убили миллионы и готовите убийство еще миллионов, однако жизнь не изменит себя по Вашим желаниям. Вы попали в безвыходное положение, Вы или сами должны убивать, или сами будете убиты.

Мы, лимитисты, считаем, что мир и люди - не только механизм, но и нечто разнообразное - пространственное, временное, материальное, духовное, разумное, красивое и хорошее. Основой всего является всезнающая первоначаль-

ная потенциальность - Бог.

Мы призываем к добровольному объединению, к большому знанию. Значит, мы работали не односторонне. А Вы - односторонний мыслитель. Вы построили политику на материализме и Вы должны исчезнуть, так как политика - это искусство, которое должно основываться на разностороннем знании природы и человека. На плохой философии основы вается и плохая политика и Вы, Ленин, должны все снова и снова убивать людей или быть самим убитым. И мы, ленинисты, предлагаем Вам один путь спасения на основе разностороннего разума мира. Вы должны признать перед народом, что не философия - материализм, который допускает насилие, - погубила Вас. Признайте перед народом, это единственный путь спасения, тогда все поймут, что путь прогресса - не насилие, а обосновывание своих мнений, воспитание, терпение, самопожертвование. Это путь настоящего прогресса.

Если Вы это не признаете и не покаетесь, Вас уничтожат сразу, как только у Вас пропадет возможность уничтожить других тысячами и миллионами. Так неверен Ваш однобразный характер мышления, как будто мир - только механизм и человек в нем - только машина".

В конце письма редакция дает краткие биографические сведения о К.Ф.Жакове и его творчестве.²⁰

Ровно через год К.Ф.Жаков писал: "Россия умерла, остается пустое место или яма глубокая, воронкообразная (как ад в поэме Данте), и в глубинах сиует Зицифер..."²¹

Несмотря на то, что пребывание К.Ф.Жакова в Эстонии закончилось не лучшим образом, его деятельность там все же сыграла положительную роль. Многочисленные публичные лекции К.Ф.Жакова носили ярко выраженный просветительский и воспитательный характер. В них он много рассказывал об истории и современном положении восточных финно-угорских народов, об их культуре и литературе. Среди этих народов К.Ф.Жаков сам неоднократно бывал, и это придавало достоверность его лекциям. Как поэт и писатель он знакомил эстонцев со своим творчеством. Многие его рассказы и сказки были переведены на эстонский язык. Философская сказка К.Ф.Жакова "Мудрый Пам" на эстонский язык была переведена еще в 1914 г. и опубликована в одном из журналов с небольшой биографической справкой об авторе.²² Последнее произведение К.Ф.Жакова, рассказ "Придаш", было опубликовано в эстонской печати уже после

его смерти.²³ Особенno часто и охотно К.Ф.Жаков рассказывал о своей эпической поэме "Биармия", читал ее отдельные главы. Главы из поэмы также были опубликованы в эстонской печати.

В ноябре 1921 г. К.Ф.Жаков окончательно перебирается в Ригу. С этого времени начинается новый, последний период его жизни и деятельности.

-
- ¹N. Kann. Tarvilik Saksa-Eesti sõnaraamat. - Peterburg, 1902.
- ²К.Ф.Жаков. Сквозь строй жизни. Ч. 3. - СПб., 1914. - С. 7-8.
- ³Весь мир. - 1912. - № 20. - С. 3.
- ⁴Postimees. - 1917. - 2, 3, 5, 6, 10 октября.
- ⁵Päevalah. - 1919, 8 авг.
- ⁶Исторический архив Эстонской Республики. Ф. 2100, оп. 2, № 1061 (далее ИА ЭР).
- ⁷Tartu Ülikooli Ajalugu, III. 1918-1982. - Tallinn, 1982. - С. 88.
- ⁸Рукопись воспоминаний В.Эрнитса от 7.IX.1966 г. (собств. автора).
- ⁹E.Niinivaara. Yhä paistaa sama aurinko // Elämää nuoruutenti Eestissä ja Suomessa. - Helsinki, 1988.-С.96.
- ¹⁰Postimees.-1920, 20 ноября.
- ¹¹ИА ЭР. Ф. 2100, оп. 2, № 1061, л. 47.
- ¹²ИА ЭР. Ф. 2100, оп. 2, № 1061, л. 51.
- ¹³ЦГА Респ. Коми. Ф. 945, оп. 1, ед. хр. 12, л. 3.
- ¹⁴ИА ЭР. Ф. 1433., оп. 1, ед. хр. 2, л. 6-7.
- ¹⁵Последние известия. - 1921, 1 октября.
- ¹⁶ИА ЭР. Ф. 1433, оп. 1, ед. хр. 4.
- ¹⁷K.Shakov. Teaduslik waidlis. Autori 55. aasta sünipäeva puul. - Tartu, 1921.
- ¹⁸ИА ЭР. Ф. 2100, оп. 2, № 1061, л. 14 об., 15 об.
- ¹⁹К.Ф.Жаков. Лимитизм. Единство наук, философий и религий. - Рига, 1929. - С. 80.
- ²⁰Professor Shakovi avalik kiri Leninile// Rajalene, 4.XI.1920.
- ²¹Последние известия. - 1921, 28 окт.
- ²²K.Shakov. Tark Pam. Põhjamaa wagajutt // Sädmed, 1914. - N 3. - С. 42-44.
- ²³Pridasch. Katked prof. K.F.Shakovi "Elust ja kurjunelmist // Päevalah. - 1926, 28 июня.

К.Ф.ЖАКОВ И ФИННО-УГОРСКОЕ ОБЩЕСТВО В ХЕЛЬСИНКИ

А.С.Измайлова-Зуева
(Удмуртский госуниверситет, Ижевск)

В 1883 году было создано финно-угорское общество в Хельсинки, сыгравшее огромную роль в сборе материала и изучении языка, фольклора, этнографии и древней истории почти всех уральских народов. Изучение духовной и материальной культуры родственных народов финны считали своим интернациональным долгом, святой обязанностью. Возросший уровень национального самосознания позволили им обратиться к своим братьям по крови, запечатлеть и исследовать древние пласти языка, обрядов, верований в целях восстановления собственных утраченных реалий. Финны выработали отношение к истории как к безусловной ценности, стимулирующей непреходящий интерес к истокам, к поискам прародины, проблеме происхождения своей этнической общности. Им импонировал патриархальный быт и уклад жизни российских финно-угров, наличие в их сознании древних языческих пластов, богатая архаическая обрядовая и календарная поэзия, народная лирика.

В годичном отчете Общества за 1884 г. читаем: "Духовная деятельность – это единственная область, в которой наш народ может иметь некоторое значение в ряду остальных народов, однако для изучения нет другой отрасли, в которой скромные материальные средства сулили бы столько успехов, помимо прошлой и современной жизни финно-угорских народов".¹

Эти мысли полностью разделял Юрьё Вихмани, молодой магистр философии, впервые отправившийся по заданию Общества в 1891 г. к удмуртам, продолжив начатое Аминоффым дело (1878). Почти год пробыл он у удмуртов Вятской и Уфимской губерний, изучил удмуртский язык, собрал богатый лингвистический и фольклорный материал и вернулся

домой, обогащенный открытием целого этноса. В 1894 г. он совершил вторую успешную поездку к удмуртам, а затем сферу научных интересов Вихманна занимает коми этнос. В 1902 г. он побывал в Коми крае, собрал древние образцы коми письменности и диалекты, чрезвычайно увлекся этим и уже до конца своей жизни не оставлял своей любимой пермистики. В своем отчете в 1903 г. Вихманн писал: "Собранные мною среди зырян материалы следующие: пять больших и три малых словаря, из которых первые относятся к диалектам Удоры, средней Вычегды (Усть-Сысольск), Сысолы, Лузы и пермяцкому, а последние к диалектам Печоры, Летки и нижней Вычегды, и заметки - грамматика шести диалектов (Удоры, средней Вычегды, Печоры, Сысолы, Лузы и пермяцкого)".²

Моя статья постоена на эпистолярном материале - письмах коми ученого, просветителя, писателя К.Ф.Жакова, написанных и отосланных им Ю.Вихманну во время экспедиции финского исследователя в Коми край. Письма найдены мною в 1989 г. в Хельсинки, в архивах Финно-угорского общества и печатаются впервые. Они перерастают рамки непосредственного практического целевого назначения и становятся общественным документом, имеющим историческое значение. В письмах К.Жакова дана оценка эпохе, времени, историческим лицам. В них запечатлен также автопортрет К.Жакова, его живая мысль, благородное сердце и оригинальное миропонимание. Поэт по увлечению, ученый по профессии, К.Жаков осознает единство финно-угорских народов и прилагает немало усилий для изучения их языка, истории, самобытной культуры, ориентируясь при этом на достижения европейской науки ("финицологии", по его определению).

Это была потребность образованного человека, пытающегося осмыслить свое родное, коми, наряду и наравне с европейской наукой и культурой.

Первое письмо-записка, адресованная К.Жаковым "его Высокородию Господину Юрию Вихману, приезжему ученому из Гельсингфорса", отослана 3 марта 1902 г. из Петербурга в г.Усть-Сысольск Вологодской губернии:

"Многоуважаемый Господин Вихман, Вы сейчас в той местности, которую я люблю всем сердцем своим, всей душой моей. Желаю Вам, чтобы Вы нашли в ней то, что Вы ищете - чудес старой минувшей жизни

древних финнов и дивных нижекультурных влияний иных народов и стран на жизнь наших предков. Славный и многоуважаемый ученый, пусть дремучие леса и реки родины моей и племя Коми дадут пищу уму и сердцу Вашему.

Я об Вас писал известной своими заслугами учительнице из села Вильгорт Феоктисте Ивановне За-боевой - она окажет Вам свое содействие. О себе могу сказать я, многоуважаемый коллега, что день и ночь думаю о Гельсингфорсе: этот город - мой Иерусалим, в нем найду я свое спасение.

Очень бы мне хотелось знать Ваше имя и отчество и если Вы почтите меня своим ответом, то не соблаговолите ли сообщить об этом.

Искренне уважающий Вас и преданный К.Жаков. Если Вам понадобятся какие-либо услуги со стороны местных жителей, то обратитесь, пожалуйста, к моим родственникам, живущим в деревне Давпон села Вильгорт.

Мой адрес: Петербург, Петербургская сторона, Покровская ул., д.8, кв.13".

Второе письмо К.Жакова написано несколько позже, после долгожданной и вожделенной поездки его в край Суоми и навеяно теплыми воспоминаниями о финских ученых в частности и Финляндии в целом. К.Жаков полон энергии, оптимизма и желания углубить свои знания в области финно-угристики; постигшая его с детства идея самоусовершенствования продолжает двигать его помыслы. При этом неизбывна и безгранична его любовь к родному краю и котми народу.

"1 мая 1902 г., Петербург

Многоуважаемый Георгий Емельянович, сердечно благодарю Вас за Ваше добре письмо, на которое давно собираюсь я откликнуться. Полтора месяца тому назад был я, наконец, в обетованной земле своей - в Гельсингфорсе и вернулся оттуда полный самых разнообразных чувств и мыслей. Ознакомившися хотя бы в кратких чертых с высоким состоянием финской лингвистики, я особенно живо и ясно сознаю свою неподготовленность и, что всего грустнее, пол-

ную невозможность серьезно изучить данный вопрос в теперешних условиях моей жизни. Все время думаю о том, как попасть в Гельсингфорс на более продолжительное время, чтобы серьезно поучиться у ваших лингвистов. За свое коротенькое пребывание там, благодаря доброте и вниманию профессора Осипа Андреевича Микколя, я успел познакомиться с знаменитым профессором Сияту и получил от него несколько весьма для меня ценных указаний; познакомился также с господином К.Кроном и с большою пользой для себя с ним беседовал.

Благодаря любезности и сочувственному отношению ваших ученых, в особенности многоуважаемого профессора Микколя, я имею теперь довольно много финских книг и с большим оживлением и продуктивностью работаю в финнологии.

На лето поеду в Пермскую губернию для этнографических и лингвистических изысканий и вот очень просил бы Вас, добрейший Георгий Емельянович, не напишете ли мне, где Вы намерены там изучать, ибо из письма вашего я вижу, что Вы тоже к тем краям приближаетесь, и очень важно было бы для меня, чтобы мои скромные работы в данном случае могли быть дополнением к вашим трудам. Я наметил ехать в Чердынский уезд и намереваюсь заняться там собиранием лингвистического, этнографического и антропологического материала.

Не откажитесь, Георгий Емельянович, сделать мне ваши указания относительно более полной и продуктивной эксплоатации моих намерений. Сердечно жму вашу руку и остаюсь всегда преданный и глубокоуважающий ваш К.Жаков".

Судя по тому, что письма К.Жакова не затерялись, а занимают достойное место в архиве Ю.Вихманна, следует олагать, что финский ученый высоко оценил ум, талант самобытность коми писателя и ученого, поддерживал ружеские отношения и переписку и, по-видимому, не разним встречался. Не только в России (в Петербурге или в таежных тропах коми пармы, в кругу охотников и рыболовов), но и в Финляндии. Последняя их встреча состоялась в 1916 г., во время второй поездки К.Жакова в

Гельсингфорс. Эти важные и ответственные периоды жизни К.Жакова, к сожалению, пока никем не описаны и ждут своих исследователей. Сегодня же несомненно одно: К.Жаков встал в один ряд не только с крупнейшими российскими учеными, но и со своими современниками – членами Финно-угорского общества в Гельсингфорсе: Каарле Кроном, Осипом Никколи, Эмилем Сетяля, Юрьё Вихманием.

¹Цит. по: Кельмаков В. Юрьё Вихмани и вопросы удмуртского языкоznания // Пермистика. Вып. 2. – Ижевск, 1991. – С. 12.

²Цит. по: Туркин А. Юрьё Вихмани – исследователь коми диалектов // Там же. – С. 50.

К.Ф.ЖАКОВ О ПЕРМСКОЙ ГРУППЕ ФИНСКИХ НАРОДОВ

В.М.Ванюшев

(Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН)

Еще в 1902 г. в журнале "Научное обозрение" К.Ф.Жаков опубликовал очерк "Вотяки"¹ об историческом пути формирования традиционной психологии удмуртов. В 1903 г. вышла другая работа Жакова об удмуртах – историко-этнографический очерк "Некоторые черты из исторической и психической жизни вотяков"², а также этнографический очерк "По Ильве и Косе" с подзаголовком "у пермяков".³

Видимо, по материалам тех же поездок к коми-пермякам создан и очерк "у иньвенских пермяков" с подзаголовком "Бирюк Соликамского уезда", опубликованный чуть позднее, в 1910 г. в "Архангельских губернских ведомостях",⁴ а может быть, и рассказ "Из иньвенских бытей", насыщенный психологическими деталями мироощущения провинциального мудреца, головастого "инородца", как тогда называли людей нерусской национальности, и опубликованный впервые в 1912 г. в газете "Северное утро".⁵ Тому свидетельством факт, что в обоих из названных очерков присутствует образ лесника графов Строгановых, который гнет в дугу местных крестьян-пермяков, живущих в лесу, но не имеющих права не только рубить его для строительства жилья, но и ломать веники, собирать грибы и ягоды. В первом из них он представлен без имени, а во втором назван Василем Ивановичем и прекрасно выписан психологически.

Исследователь быта и языков народа Севера, участник экспедиций Академии наук и Русского географического общества, К.Ф.Жаков первый привлек внимание широкого круга читающей публики и к фольклору коми народа, связав его духовное наследие с общемировой культурой.

В 1901 г., в самом начале творческого пути, К.Ф.Жаков опубликовал две работы, целиком посвященные народу коми. Это "Этнологический очерк зырян" и статья "Языческое миросозерцание зырян". Большую известность получил также очерк "Из летней поездки к зырянам", опубликованный в 1908 г. вологодской газетой "Север". В нем речь шла о том, как Жаков встретился с рукописями своего предшественника Куратова. Именно с этой статьи, можно сказать, началось возрождение творчества И.Куратова.

Конечно, этими работами отнюдь не исчерпывается список трудов К.Ф.Жакова, поднимающих вопросы этнографии пермских народов. Они присутствуют, по сути, во всех его художественных произведениях, тогда как, с другой стороны, элементы художественного творчества насквозь пронизывают все его этнографические очерки.

Как многие пионеры национальных культур, К.Ф.Жаков проявлял устойчивый интерес к языку своего народа, рассматривая его в генетической связи с родственными языками. К 1913 г. относятся, например, найденные исследователями тезисы "Образование надежей в финских языках пермской группы".⁸ Из докладной записки от 19 июля 1919 г. в Ученую комиссию по устройству Эстонского университета узнаем, что ученый готов быть лектором финских, приуральских языков – коми-зырянского и удмуртского.⁹

В ряде работ К.Ф.Жаков рассматривает вопросы языка, истории и культуры финно-угорских народов, иногда со – поставляя национальные и международные материалы финно-угорской семьи между собой, иногда включая их в более широкий контекст. Однако в центре его научных интересов – в первую очередь народ коми и его культура, их место в человеческой цивилизации. В этом плане К.Жаков является прямым преемником И.Куратова. Среди бумаг его 1900 г. найдена рукопись, в которой Жаков сопоставляет сказки восточных финнов и народов Сибири.¹⁰ К 1901 г. относится рукопись "Методы изучения психологии народа на основании данных из жизни восточно-финских народов".¹¹

К.Ф.Жаков пытался понять и далекую, и очень далекую историю коми и родственных им народов. "Судьбы угро-финских племен в доисторическое и историческое время", – так называется статья, опубликованная им в ряде номеров газеты "Архангельск" летом 1910 г.¹² В рукописи библиотеки

графического списка, составленного Л.Жаковой и А.Шабушиным, указано, что в этих номерах изложено содержание лекции К.Ф.Жакова. Более краткое содержание такой же лекции, прочитанной 10 июля 1910 г. в Вятском техническом училище, изложено 13 июля того же года в газете "Вятская речь".¹³

Интересно отметить и то, что некоторые работы К.Ф.Жакова печатались и на территории нынешней Удмуртии. По свидетельству Л.Жаковой и А.Шабунина, очерк К.Ф.Жакова "По Иньве и Косе" был опубликован также в его сборнике этнографических очерков и рассказов, выпущенном в 1906г. в Сарапуле под названием "Около Камы".¹⁴ Кстати сказать, любопытно и то, что этноним "коми" К.Ф.Жаков склонен связывать с названием реки Кама, а слово "Биармия", которым называли обширные северные земли, выводит из слова "пермия", указывая при этом, что Пермь - это древняя коми земля.

Особый интерес для нас представляют три работы К.Ф.Жакова, которые уже упоминались выше. Это - "Этнографический очерк зырян", очерки "По Иньве и Косе (у пермяков)" и "Вотяки". Все они написаны, очевидно, друг за другом и составляют как бы единое целое в стремлении постичь общее и особенное в национальной психологии коми, коми-пермяков и удмуртов. Он сравнивает их между собой, с финнами, эстонцами, хантами, манси, ненцами, русскими и другими народами, стараясь вывести устойчивые, характерные черты, как он говорит, финской расы. Такими чертами, по его мнению, являются настойчивость, упорство, подозрительность, угрюмость, добродушие в кругу близких, нелюбовь к торговым оборотам и промышленности, лаконичность в выражении чувств и мыслей, бедность фантазии, миролюбие, любовь к природе. "Общее и есть самое глубокое, - продолжает ученый. - Правда, эти свойства изменились различно у различных племен: вотяк стал упорным земледельцем, зырянин - охотник и любитель дальних странствий, самоед мрачен во взгляде на жизнь, финн мозгалив и угрюм. Эти свойства - вариации основных свойств пра-финского племени".¹⁵

Сужая круг своего исследования, ученый пишет о предках пермских народов, что они создали довольно богатую мифологию и технологию, молясь своим богам в дремучих лесах, занимались охотой, любя независимость и отсутствие войн. "Настойчивые в предпринятом, - продолжает

ученый, - они не отличались, однако, предприимчивостью в изменении характера своей жизни. Гадая, чародействуя, эти рыжебородые коренастые пермяки с луками в руках, в белых кафтанах, любили приносить обильные жертвы лесным и другим богам. Они жили в сосновых лачужках, или в земляных ямах, имея сообщение между собою через лесные тропинки и по рекам в лодках".¹⁶

В каждом из коми, коми-пермяцком и удмуртском народов начала ХХ века К.Ф.Жаков видит глубинные свойства финской расы по-своему трансформированными, порою деформированными в силу разных причин.

В "Этнографическом очерке зырян" К.Ф.Жаков вполне в духе материализма (а долгие годы запрещалось о нем писать и говорить, потому что он "идеалист") выдвигает ряд факторов. Среди них - "Природа местности", как он называет первую главу очерка. "Мне кажется, - пишет он, в частности, - обзор местностей, где они живут, в некоторой степени объясняет нам эту разницу в их характерах. Вотяки живут на маленьких речках и в верховьях рек (на Чепце, на Иже и т.п.). Они, не имея больших лесов для охоты, главным образом земледельцы и, стесненные судьбой, утратили прежнюю отвагу ... Зыряне живут на Печоре, на Ижме, Вычегде, на реках довольно больших, окруженные беспредельными лесами, где полный простор для охотников, на лыжах пересекающих эти дремучие чащи. Большие реки развивают отважность и предприимчивость; далекая охота, в сотнях верст от родного угла, делает человека чуждым домашнему очагу, охота благоприятна для здоровья и развивает сметливость, "удальство".¹⁷

В качестве второго фактора психического развития народа К.Ф.Жаков анализирует воздействие на него его занятий - земледелие, охоту, отмечая при этом отрицательную роль первого из-за его малоэффективности в условиях Севера и, наоборот, подчеркивая благодатное влияние второго на развитие мистицизма и поэзии.

Таким же образом ученый анализирует роль древней культуры народа, таких соматических свойств его, как физический тип зырян (подвижность при сравнительно малом росте), а также культурного влияния соседей.

Приступая к ретроспективному рассмотрению формирования психологии удмуртского народа, ученый пытается восстановить в своем воображении культуру древних предков пермских народов. Четыре источника должны вести, по его

пониманию, к познанию этой культуры: филологический анализ слов в этих языках; сравнительная этнография удмуртов, хантов и ненцев; жилища и вообще быт зырян удмуртов и финнов; языческие пережитки в сказках, в суевериях, рассказах, молениях народов. Указывая на богатейшую поэзию земледелия удмуртов, на их почти сказочное богатство и разнообразие жилья и вообще по-дворья, ученый отмечает ущербность в их национальной психике, самосознании, рожденную тем, что они в течение многих веков были гонимы то мордами, то татарами, то русскими и шаг за шагом уступали им.

Характеризуя коми-пермяков как наиболее отсталых и забитых, К.Ф.Жаков в качестве главной причины выдвигает их пребывание в крепостничестве в прошлом и отсутствие элементарных прав пользования лесами, среди которых они живут.

Думается, этнографические очерки К.Ф.Жакова о коми, коми-пермяках и удмуртах представляют большой интерес для современных этнографов, социологов, этнологов. Любопытно провести изучение нынешнего состояния этих этносов по тем же параметрам, что и К.Ф.Жаков почти век назад, и выявить, что же изменилось с тех пор, в какую сторону и почему.

Исходя из всего сказанного, можно сделать следующие выводы. Мир героев художественных произведений К.Ф.Жакова поражает многообразием красок, мыслей и настроений, имеет глубокие жизненные основы. Они почерпнуты из жизненных наблюдений автора, отраженных, в частности, в его этнографических очерках.

Обладая энциклопедическими знаниями, особенно в области философии, К.Ф.Жаков закономерно рассматривал свой народ как частицу семьи финно-угорских народов, а через них - и всего человечества. Отсюда проистекает его естественный интерес к духовному миру, окружающему его родной коми народ, в частности, к истории, языку и культуре финно-угорских народов вообще и пермских - в особенности.

В этнографических очерках К.Ф.Жаков много элементов художественной литературы, тогда как, с другой стороны, в его художественных произведениях много добротной, выверенной этнографии. Между этими произведениями трудно провести четкий водораздел.

Этнографические очерки и наблюдения автора, выраженные в них, становились основой художественной достоверности его литературных произведений. В этом отношении этнографические очерки Жакова приобретают значение за - кономерной модели становления реализма в национальных художественных литературах через опыт этнографических и публицистических очерков.

Наконец, хочется подчеркнуть, что все художественные рассказы, очерки, сказки и произведения других жанров, как и научные труды К.Ф.Жакова, написаны на русском языке, однако они, отображая и содержанием, и поэтикой психический склад народа, несомненно входят в сокровищницу коми и русской литературы.

-
- 1Научное обозрение.-СПб., 1902. - № 11. - С. 93-102.
 - 2Живая старина. - СПб., 1903. - Вып. 1-И. - С. 172-177
 - 3Живая старина. - СПб., - Вып. 1У. - С. 409-421.
 - 4Архангельские губернские ведомости. - 1910. - № 223. - 17 окт.
 - 5Северное утро. - Архангельск, 1912. - 28, 29 февр.
 - 6Живая старина. - СПб., 1991. - Вып. 1. - С. 3-36.
 - 7Научное обозрение. - СПб., 1901. - № 3. - С. 68-84.
 - 8Архив АН СССР. Ф. 1У, оп. 25, ед. хр. 5, л. 148. Данные взяты из рукописи библиографического списка К.Ф.Жакова, составленного Л.Жаковой и А.Шабуниной.
 - 9Туркин А.И. К.Ф.Жаков // Жаков К.Ф. Под шум северного ветра: Рассказы, очерки, сказки и предания. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. - С. 35.
 - 10 Там же. - С. 35.
 - 11Параллель между сказками восточных финнов и сибирских инородцев. - Архив АН СССР, ф. 112, оп. 2, ед. хр. 113, л.4. Данные взяты из рукописи библиографического списка, составленного Л.Жаковой и А.Шабуниной.
 - 12,13Данные взяты из того же списка.
 - 14 Культурные связи русских и коми на Европейском Севере в XIX-начале XX вв.: Методические указания и библиографический список трудов К.Ф.Жакова / Сост. Л.В.Жакова, А.В.Шабунин. - Сыктывкар: СГУ, 1990.. - С. 7
 - 15Жаков К. Вотяки //Научное обозрение. - СПб., 1902. № 11. - С. 98.
 - 16Там же.
 - 17Жаков К.Ф. Под шум северного ветра... - С. 317.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ К.Ф.ЖАКОВА

Л.П.Рощевская
(Сыктывкарский госуниверситет)

К.Ф.Жаков, по его словам, начал писать с 1901 г. До 1917 г., по подсчетам его внучки Л.В.Жаковой, он опубликовал более 140 работ, что составляет немалую часть историко-культурного наследия страны и коми народа.¹ Чтобы уяснить конкретные проявления культурных контактов коми и русских в начале XX в., уместно задуматься над некоторыми условиями и результатами публикации Жаковым своих трудов, выяснить его роль в производстве и распространении собственных произведений.

Источниками для статьи являются сочинения и переписка Жакова, библиотечные каталоги, делопроизводственная документация разных учреждений и при книжная книготорговая реклама. Из многих работ К.Ф.Жакова, изданных до революции, было выбрано 28. В некоторых при книжная реклама не обнаружена (оттиски из газеты "Архангельские губернские ведомости"), но в изданиях 1915-1917 гг. на обложках перечислено до 30 работ Жакова, которые еще можно было приобрести. Богатая при книжная реклама дана в изданиях "Сквозь строй жизни" (т. 1, 2), "Гипотеза и ее природа в науке и философии", "Гараморт на севере", "Учение о душе" и в некоторых других. Иногда в одной и той же книге реклама повторена с незначительными изменениями.

Анализ политической ориентации журналов и газет, в которых сотрудничал К.Ф.Жаков, приводит к выводу, что его симпатии были очень близки кадетам. Его ориентация на журнальное творчество определяется относительно небольшими размерами жанра, возможностью оперативной информации, необходимостью, особенно на первых порах, опираться на помощь старших коллег, имевших деловые

связи в мире журналистики.

Жаков не мог ориентироваться на крупные издательства, поэтому размещал свои заказы в более дешевых фирмах. Он пользовался услугами издательства П.П.Осипова (сына), М.В.Пирожкова, "Шелканово", М.К.Костина и др.

В издательстве М.В.Пирожкова в 1905-1906 гг. Жаков издал две книги - "Теория переменного и предела..." и "Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере". Издательство Пирожкова было многоотраслевым предприятием. На одной из книг Жакова есть информация: "М.В.Пирожков. Литературная книжная лавка, издательство и книжный склад. Издательская литература, история, критика и публицистика". Пирожков издавал книги по математике, учебники, детские книги, а в 1905 г. внимание издателя было обращено преимущественно на историческую литературу. С ним согласились сотрудничать такие крупные историки, как В.О.Ключевский, А.А.Кизеветтер, А.А.Корнилов, П.Н.Милюков, А.С.Лаппо-Данилевский, который, видимо, и познакомил Жакова с Пирожковым. В этом издательстве были опубликованы сочинения В.С.Соловьева, В.В.Розанова, З.Н.Гиппиус и др. ученых и писателей. Всего Пирожков издал до ста книг. Его книжный склад имел постоянный адрес (Петербург, Большой пр., 6). Здесь же располагался столичный учебный магазин, что облегчало продажу книг. Альянс с этим издателем был наиболее успешным, что доказывается и книжной рекламой: в 1915 г. все книги Жакова, выпущенные Пирожковым, были реализованы.²

Новый период издательской деятельности Жакова приходится на конец первой русской революции. В 1906 г. после путешествия к коми-пермякам Жаков написал очерк "По Иньве и Косе", который выпустил в Сарапуле в книгоиздательстве "Кама". Текст книги был напечатан в Москве, а обложка - в типографии И.М.Колчина в Сарапуле. Посредником выступил уральский публицист Я.В.Шестаков, который под псевдонимом Яков Камасинский выпустил не сколько брошюр, составивших единую серию.

Думается, этот эпизод и побудил Жакова организовать собственное книгоиздательство, которому он дал название "Парма". Цель "Пармы" - сохранить исчезающую "народную поэзию "Севера", - писал Жаков. Однако эта задача выполнялась не строго. Ныне известно шесть книг, выпущенных издательством "Парма", в том числе философский труд Жакова "Принцип эволюции в гносеологии...", педагоги

ческий - "О преподавании этики", а также стихи уроженца Чинской губернии Е.И.Чернобаева, умершего в 1905 г.

Издательство существовало немногим более двух лет. На первых порах в издательстве не было своего корректора. Поэтому на обложке книги "Принцип эволюции..." одна дата выхода, на титульном листе - другая (1906 и 1907), часть разделов не пронумерована, встречаются и другие корректорские погрешности.

Жаков сразу озабочился прикнижной рекламой, причем ее количество увеличивалось с каждой новой книгой. Если в книге "Принцип эволюции..." названо только пять более ранних работ, то в книге "О преподавании этики" - уже восемь.

Несмотря на все усилия, издательство "Парма" терпело убытки. На квартире у Жакова скопился почти весь тираж книги "Из жизни и фантазии...". Он даже печатали в прикнижной рекламе: склад издания у автора. Гатчинская ул. 13, кв. 19. Здесь же хранились еще две книги Жакова

"На север в поисках за Памом..." и "Понятие предела в математике...". Крах издательской деятельности Жакова были настолько ощутим, что в 1909 г. он не рискнул вы - пустить ни одной отдельной книги.

Удачная распродажа книг зависела от многих причин, в том числе от уровня типографского исполнения. Свои за - казы Жаков делал в типографии училища глухонемых (Городская, 18). Еще в 1905 г. П.П.Осипов напечатал там очерки Жакова "На север в поисках...". Книги, изготовленные в этой типографии, отличались большим изяществом, были украшены рисованной двухцветной обложкой и виньетками. Заставками служили хорошие гравюры на темы северной природы. Прикнижная реклама в этой типографии подана гактично и полно, почти везде указана стоимость книги, адреса издательства и книжных складов. Примером может служить книга Жакова "В хвойных лесах", изданная в 1908 г.

В 1910 г. К.Ф.Жаков издал две свои работы "Атаман Шыпича" и "Мудрый Пам" в издательстве "Библиотечка-Копейка" при крупной фирме "Общественная польза", основанной И.Д.Сытиным. "Общественная польза" преследовала цель "проводить в широкие читающие массы лучшие произведения родных и иностранных писателей". Каждая серия насчитывала полмиллиона экземпляров, была украшена ху -ожественной обложкой с портретом автора. Брошюры

издавались по очень низким ценам. Эти произведения Жакова были тщательно отработаны и хорошо воспринимались простыми читателями, поэтому книжки разошлись очень быстро. Реклама "Атамана Шыпича" встретилась нам только четыре, а "Мудрого Пама" - всего два раза.

В 1912-1913 гг. книги Жакова были изданы учителем математики М.К.Костиным, сотрудником Психоневрологического института. Жаков предложил Костины пять своих работ, в том числе основной труд "Сквозь строй жизни" (ч. 1, 2). Разные обстоятельства сильно затруднили реализацию этих книг. Даже в 1917 г. кружок латышских офицеров - слушателей лекций Жакова в г.Юрьеве - старался продать оставшую часть тиража, в том числе все книги, изданные Костиным.

В Петербурге книги Жакова продавались через книжные магазины М.В.Попова (Невский пр., 66), "Труд" (Невский пр., 60); в Москве - в магазинах И.Д.Сытина, в Перми - в магазине О.Петровской, в г.Тара Тобольской губернии - в магазине К.И.Борисова. На обороте первой части мемуаров "Сквозь строй жизни" помещена реклама о продаже во всех крупнейших книжных магазинах Вольфа, Карбасникова, Стасюлевича, Суворина и др. новой книги Жакова "Основы эволюционной теории познания (Лимитизм)", а также о том, что книги Жакова имеются в издательско-комиссионном отделе Психоневрологического института.

Книги издательства "Парма" распространяли петербургские книжные склады при названных выше магазинах. Опубликованные каталоги и отчеты книжных складов показывают, что книги Жакова были в книжном складе Вологодского губернского земства ("Очерки из жизни рабочих...").³ В Усть-Сысольский уезд Жаков посыпал свои сочинения через уездный земский склад.⁴ Зимой 1912-1913 гг. от него поступили книги на сумму 9 руб.⁵

О распространенности книг К.Ф.Жакова говорят библиотечные каталоги, каталоги книжных магазинов, автографы автора, штампы на книгах. В ЦГА Республики Коми имеется оттиск выступления Жакова в Академии наук в 1907 г. Наряду с дарственной надписью А.Я.Колесникову Жаков написал: "Очень просил бы я Вас содействовать тому, чтобы книжка "В хвойных лесах" была распространена по школам через земство". В письме некоему Николаю Павловичу (1910 г.) Жаков спрашивал: "Получили ли мои книги, а если нет, то напишите названия тех из моих сочинений, каких у Вас не достает".⁶

В декабре 1906 г. Жаков предложил Яренскому уездному земству свою книгу "На север в поисках за Памом Бур-Мортом", так объяснив побудительные мотивы: "Многие описания быта и характеров зырян основаны на моих личных наблюдениях и воспоминаниях именно в Яренском уезде (например "Ипатьдор", "Эжол", "Коквицы", "Серегово" и др.). Думается мне, что данная книжка, вследствие своей близости к Яренскому краю, могла бы представить некоторый интерес для местных крестьян". Жаков, по его словам, "почел бы себя оч [ен] счастливым", если бы книгу выписали для библиотек народных училищ и согласился на скидку 20% ее стоимости. Управа заказала по 24 экземпляра книги "На север..." и "Очерки из жизни...", а для городской библиотеки - по одному экземпляру научных сочинений Жакова "Теория переменного...", "Понятие предела...". В 1910 г. две книги Жакова "Очерки из жизни рабочих..." и "На север в поисках..." получили все библиотеки Яренского уезда и семь вновь открываемых - всего 36 библиотек. ⁷

Судя по каталогу, изданному в 1909 г., в Усть-Сы - сольской земской библиотеке было 10 сочинений Жакова, в том числе "К вопросу о составе населения в восточной части Вологодской губернии", "Теория переменного и предела...", "Принцип эволюции в гносеологии", "О духе", "На север в поисках за Памом Бур-Мортом", "Бур морт", "Из жизни и фантазии", "В хвойных лесах", "Шиеганелла", "О преподавании этики". По крайней мере, семь отдельных изданий К.Ф.Жакова имелось в одной из лучших частных библиотек дореволюционной России - у известного библиофилы Н.А.Рубакина. В библиотеке Л.Н.Толстого также было несколько сочинений Жакова. Свои книги он дарил известному философу Лосскому.

В архивных документах обнаружено несколько указаний на изъятие книг Жакова из библиотек. С февраля 1890 г. он находился под негласным надзором полиции.⁸ В 1908 г. по распоряжению вологодского губернатора усть-сысольский исправник разослал приставам, полицейским надзирателям и урядникам инструкцию о том, что в уезд прибыла "масса разных чиновников и других лиц по исследованию края". Среди них назван К.Ф.Жаков "и другие крайне сомнительные люди в политическом отношении".⁹

В 1909 г. земские библиотеки подверглись всеобщим обыскам. Изымались книги преимущественно социалистиче-

ского и анархического содержания. Но среди них оказалась и работа Жакова "В хвойных лесах". Обнаружены и неясные указания на то, что в 1910, 1911 и в 1912 гг. книги Жакова изымались из земских библиотек. Достоверно известно, что обысками 1910-1912 гг. сочинения Жакова были уничтожены в с.Лена Яренского уезда.¹⁰ В целом издательский опыт Жакова представляется типичным для пишущего интеллигента начала XX века, вышедшего из провинции.

¹ Культурные связи русских и коми на Европейском Севере в ХУН-начале ХХ в. Методические указания к спецкурсу Л.П.Рощевской и библиографический список трудов К.Ф.Жакова. - Сыктывкарский ун-т, 1990. - 37 с.

² Реклама на кн.: "Гипотеза, ее природа и роль в науке и в философии".

³ Каталог книг книжного склада Вологодск. губернск. земства. 1913 год. - Вологда, 1913. - С. 31.

⁴ Журналы усть-сысольского уездного земского собрания на 1903 г. - Вологда, 1903. - С. 528.

⁵ ЦГА Респ. Коми. Ф. 116, оп. 1, д. 158, л. 37 об.

⁶ Там же. Ф. 945, оп. 1, д. 2; д. 10, л. 2 об.

⁷ Гос. архив Арх. области (ГАО). Ф. 560, оп. 2, д. 25а, л. 30, 31; д. 45, л. 139, об. 144.

⁸ Гос. архив Вологодск. области. Ф. 129, оп.3, д. 92, л. 6.

⁹ ЦГА Респ. Коми. Ф. 14, оп. 1, д. 1, л. 76; д. 124, л. 11.

¹⁰ ГАО. Ф. 660, оп. 1, д. 45, л. 337; д. 75, л. 5.

К.Ф.ЖАКОВ О КОМИ ЛИТЕРАТОРАХ

В.И.Мартынов

(Ин-т языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН)

Автор книг "Психология творчества" (1929) и "Гений и творчество" (1924) профессор С.О.Грузенберг в статье "Зырянский подвижник науки", посвященной памяти профессора Жакова, назвал его "едва ли не лучшим в России знатоком зырянской литературы".¹ Основания для такого утверждения давали Грузенбергу не только многочисленные исследования К.Ф.Жакова по коми культуре и фольклору, но и беседы с ним, разговоры по душам.

Об основоположнике коми литературы И.А.Куратове К.Ф.Жаков узнал из публикации финского профессора Ирье Вихмана "Краткий отчет о поездке к зырянам", появившейся в печати в 1903 г. Этот отчет, как пишет куратовед Е.С.Гуляев, взвудоражил Жакова.² Но сам он попал в Визингу и ознакомился с рукописями И.А.Куратова только через пять лет после публикации Вихмана. В статье "Из летней поездки к зырянам" (1908) он дал характеристику произведениям Куратова, близкую к той, что дал пять лет назад И.Вихман: "Эти стихи, частью переводные из Шиллера, Гете, Байрона и др. итальянских и западных писателей, частью оригинальные, поразили меня своей изящностью, красотой и правильностью ритма".³

Пройдет еще несколько лет и из-под его пера вырвется хорошо известное ныне специалистам горестное признание: "Я часто думаю о четырех зырянских поэтах, которых никто не знает ни на севере, ни на юге. Ив. Вас. Куратов (в 60-х годах XIX века) переводил Байрона, Шиллера и др. звучными стихами. И что же, рукопись его валяется в шкалу визингского священника: никто ее не знает, никто не читает. В таком же положении другие три поэта -

Клочков, Лыткин и Гугов. Ни зыряне, ни русские не знают их".⁴

Не будем останавливаться на некоторых неточностях этого высказывания, кроме, может быть, одного: того, что Гугов, как теперь известно, - псевдоним И.А.Кура-това. Обратим внимание на то, что в этом ряду поэтов Петр Фостириевич Клочков поставлен на первое место. В нескольких лирических и шуточных произведениях, которые успел написать этот рано умерший поэт, виден своеобразный литературный талант. Сильной стороной его творческого дарования было то, что его позиция строилась на демократической, близкой к народной эстетике основе. Его песни охотно поют и в наше время.

Что же касается Георгия Степановича Лыткина, то еще в 1909 г. по дневнику усть-сысольского учителя и краеведа Андрея Цембера можно узнать, что, когда у Цембера родился сын, то Жаков, посетивший краеведа, выразил желание назвать новорожденного Юрием. Он говорил, "что первого ученого-зырянина звали Юрий (Георгий) Степанович Лыткин и что Юрий Андреевич пусть будет ученым-лингвистом".⁵ А в 1912 г. во втором томе "Сквозь строй жизни" он так отзывался о Георгии Лыткине: "Мой земляк Ю.С.Лыткин, учитель географии и истории шестой гимназии... был большой работник для Зырянского Трая, как переводчик и историк. Я долго наслаждался его книгой "Зырянский край...".⁶

В этом отзыве Жакова верно сформулирована основная заслуга Г.С.Лыткина перед национальной литературой как переводчика. Он перевел на коми язык произведения Епифания Премудрого, А.Пушкина, К.Ушинского, русские народные сказки и песни для детей. Его собственный переводческий опыт позволил ему высказать в литературно-критических статьях, посвященных переводу ряд интересных и полезных суждений.⁷

В работах К.Ф.Жакова встречаются упоминания и других коми литераторов. Еще в 1907 г. в исследовании "К вопросу о составе населения в восточной части Вологодской губернии" он сообщает о том, что в Деревянске, где он записал любопытное предание о разбойнике-чародее Туннырьяке, в его исследованиях помогал ему священник Дмитрий Яковлевич Попов.⁸ К тому времени Попов уже имел публикацию "Отзыв о книгах Юрия Степановича Лыткина",⁹

а в 1914 г. известный краевед и собиратель фольклора А.А.Цембер опубликовал в составленном им сборнике "Коми майдан и сыланкывъяс" (Коми сказки и песни) десять стихотворений Д.Я.Попова.

Будучи хорошо знакомым со своим односельчанином А.А.Чеусовым, автором сборника "Стихотворения зырянина" (Вологда, 1903), в письме от 15 июля 1907 г. К.Ф.Жаков писал о своей сердечной привязанности к Чеусову.¹⁰

Как ученый, литератор и педагог К.Ф.Жаков не расставался с желанием искать и находить таланты среди родного народа и не медлил сообщать читателю о своих поисках, делился размышлениями над судьбами талантов. Так, рассказывая об одной из поездок по Коми краю, он писал: "В Помоздине мы зашли к неизвестному поэту Кунчину, и он прочитал по тетрадям свои наивные повести из жизни севера... Торговец и путешественник по северу, он по-бывал в заповедных лесах священного севера и знал были и небылицы... Но повести его не принимались газетами и журналами. Раз как-то встретил я его на пароходе. Он ехал в Архангельск для продажи птичьих перьев и держал за пазухой несколько тетрадей с рассказами о жизни севера. Увы! Птичьи перья у него скучили, а заветные тетради остались при нем: никто не заинтересовался кистью неизвестного художника... Надо быть очень безумным, чтобы развивать в себе поэтический дар на севере великом.

Сам немало пострадавший от безумного дара творчества, я одобрил бескорыстные занятия Кунчина, его любовь к художественному созерцанию жизни".¹¹

Кто такой Кунчин? Это, я думаю, Василий Прокопьевич Куньгин, которого напутствовал на творческий труд сам Л.Н.Толстой.¹²

В Центральном государственном архиве Республики Коми хранятся рукописи создателя автобиографической повести "Эпизоды моей жизни", а также исторических очерков, повестей, пьес, поэм, рассказов и сказок жившего в Помоздине в те годы уроженца села Покча Чердынского уезда Пермской губернии Василия Прокопьевича Куньгина. Он также, как и жаковский герой, занимался мелкой торговлей, много путешествовал по европейскому Северу, изучая быт и культурные традиции коми и русского населения. Все говорит о том, что Жаков рассказал в своей повести именно об этом человеке.

Хорошо известен интерес Жакова к так называемой "крестьянской" литературе. Он заслушивался сказками своего ученика Ф.П.Чукичева, того самого, который после Октябрьской революции посыпал письмо В.И.Ленину.

К.Ф.Жаков написал предисловие к переводу на коми язык другим своим учеником, В.А.Худяевым, рассказа Альфонса Доде "Последний урок".¹³

Большую помощь оказал К.Ф.Жаков при первых шагах в науку и культуру будущему коми-русско-американскому социологу Питириму Александровичу Сорокину. Именно к нему - Жакову, явился из далекой северной провинции сын зырянина Питирим Сорокин.¹⁴ Потом Жаков и Сорокин вместе ездили в научные экспедиции, писали совместные научные труды. Сорокин стал одним из первых рецензентов художественных и научных произведений своего учителя.

Жаков стремился подготовить из своих земляков деятелей не только коми культуры, но и культуры российского масштаба. Ведь Россия, как он хорошо сознавал, это не только русские. И тот, кто не знает и не стремится узнать другие народы России, тот мало что знает об этой стране. Питирим Сорокин превзошел чаяния своего учителя: он стал всемирно известным ученым-социологом. Известность получили и его автобиографические произведения.

После Октябрьской революции возможности Жакова в поисках творчески одаренных молодых людей из среды родного народа фактически сошли на нет в связи с тем, что он оказался за пределами советского государства. Мало кто из земляков шел в это время на контакт с ним.

И все же один такой случай известен. Об этом живший в Финляндии в Гельсингфорсе уроженец Коми-Пермяцкого края Игнатий Мошегов (И.Мёшег) в 1926 г. писал: "Последний раз мне пришлось быть у Жакова 11 ноября 1925 года... Он с большой радостью и с почти по-детски улыбающимся лицом показывал мне письмо одного коми студента, адресованное ему из Петрограда... Он до тех пор знал о современной России только по информации русских эмигрантов и даже боялся ответить студенту, полагая, что тот пострадает от этого".¹⁵

Это было письмо от Александра Степановича Забоева, впоследствии ставшего известным литературным критиком, подписывавшим свои публикации именем Сан-Антус.¹⁶ Забоев обращался в своем письме к Жакову с просьбой вер-

нуться на родину. Но этому уже не суждено было сбыться: через два с половиной месяца Жаков умер.

Забоев всегда хранил добрую память о Жакове и, ссылаясь по его высказываниям, до конца дней своих работал над исследованием его жизни и творчества. В одном из своих писем внутика Жакова, Любовь Вадимовна, сообщила автору данной статьи 2 октября 1984 г. (письмо хранится в архиве автора), что составила родословную и предков, и потомков деда. В заключение она отметила: "В этом отношении многое дал мне покойный Александр Степанович Забоев, глубоко серьезный краевед".

Итак, факты неоспоримо свидетельствуют о том, что одной из главных забот К.Ф.Жакова было стремление исследовать и развивать коми национальную культуру и литературно-художественное творчество.

¹ Вестник знания. - СПб., 1926. - № 7. - С. 486.

² Гуляев Е.С. И.А.Куратовös тöдмалöмын вöль вöськовъяс // Куратовские чтения. - Сыктывкар, 1979. - Т. 3. - С. 106.

³ Север. - 1908, 14 августа.

⁴ Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Т. 2. - СПб., 1912. - С. 127.

⁵ Цембер А.А. Дневник 1909 г. (Литературно-мемориальный музей И.А.Куратова, Сыктывкар).

⁶ Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Т. 2. - С. 36.

⁷ Пыткин Г.С. Пятидесятилетие Зырянского края // Журнал Министерства народного просвещения. - 1983. - № 47; К вопросу о зырянском языке и зырянской грамоте. Ответ на замечания г. А.П. // Там же. - № 12. - Отд. 4. - С. 196-198; Архив Соловьевы Д.Н. // ГПБ. Отдел рукописей. Ф. 719, оп.1, ед. хр. 2, л. 1.

⁸ Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук за 1907 г. - СПб., 1907. - С. 37.

⁹ Вологодские епархиальные ведомости. - 1904. - № 5. - С. 129.

¹⁰ ЦГА Респ. Коми. Ф. 945, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1.

¹¹ Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Т. 2. - С. 87.

¹² Макеева Е. Напутствовал классик // Красное знамя. - 1990, 12 сентября.

- 13Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Т. 3. - С. 48; ИГА
Респ. Коми. Ф. 945, он. 1, ед. хр. 4, л. 1.
- 14Сорокин Шитирим. Кузь туй // Югыд туй. - 1990,
29 марта.
- 15ИГА Респ. Коми. Ф. 945, он. 1, ед. хр. 5, л. 48.
- 16Туркин А.И. Каилистрат Жаков Прибалтиканы // Югыд
туй. - 1989, 19 окт.

ВОСПРИЯТИЕ К.Ф.ЖАКОВА ЗА РУБЕЖОМ

К.Б.Хёпп

(Финно-угорский центр. Гамбург, Германия)

В своем докладе я хотела бы сообщить о рецензии произведений К.Ф.Жакова в некоторых выбранных мною странах. Особое внимание я обращаю на венгерские источники, которые содержат ссылки на Жакова и его творчество. Я сознательно отказываюсь от финских и прибалтийских источников, так как полагаю, что в данном случае нужны более тщательные исследования в этих странах.

В сожалению, мы должны исходить из того, что Жаков во всех исследуемых мною странах был мало известен специалистам.

В США о Жакове смогли узнать уже в 1963 году. Нити-рим Сорокин в своей автобиографии описывает свое первое посещение дома Жакова в Санкт-Петербурге в 1907 г. и сюю встречу тогда с госпожой Жаковой. Нитаты из биографии этого знаменитого социолога, относящиеся к Жакову, имеются в русском переводе в книге, указанной в ¹списке.

Уже несколько лет американский ученый Кеннет Норади работает над диссертацией, посвященной истории зырянского сознания (духа, души) XIX – начала XX в. Несомненно, в этой работе свое достойное место займет и К.Ф.Жаков.

В Италии имя Жакова упоминает Карла Корради в вводном исследовании языков и культуры коми и удмуртов "I Finno-Permianni" (Финно-пермские народы): "О Каллистрате Жакове (1866-1926), зырянском писателе, писавшем на русском языке, всестороннем ученом, знаем мы благодаря его исследованиям народного поэтического творчества и лингвистики".²

Другого рода упоминание о творчестве Жакова мы находим у Джона Гордона Коутса, который в диссертации "Аспекты современной коми-зырянской литературы" во многих местах касался творчества этого ученого. Коутс упоминает Жакова в числе тех ученых, которые не должны были быть исключенными из числа исследователей, занимавшихся культурой зырян до 1917 года. Он ставит Жакова в один ряд с А.И.Шёгреном, Х.С.Табеленцем, М.А.Кастреном, Ф.Видеманом, П.И.Саввантовым, Н.А.Роговым, Ф.А.Арсеньевым, Н.П.Поповым, А.Тенетцем, Ю.Вихманом, В.П.Калимовым, А.Л.Леелиусом, Д.Р.Фокош-Фуксом, Уно Харва-Холмбергом³.

Вен исследовании мирики В.И.Лыткина Коутс ссылается также на стихотворение "Большому коми сердцу", которое Жако Вилья написал по случаю смерти К.Ф.Жакова⁴. Всего в этой диссертации ("Аспекты современной коми-зырянской литературы") можно обнаружено 11 упоминаний имени Жакова. Вероятно, менее известна, чем эта диссертация, неопубликованная переписка между Джоном Гордоном Коутсом и Питиримом Сорокиным. Она началась с 3 ноября 1966 года и закончилась письмом Сорокина Коутсу от 14 апреля 1967.⁵ Темой этой переписки были философия "лимитизма" Жакова, а также его язык.

Одним из важнейших учебников по финно-угристике для иностранных учащихся (студентов), занимающихся коми языком, является "Зырянская хрестоматия" Карол Редеи. Книга издана на венгерском и немецком языках. Первая появилась в 1978 г. в Будапеште, последняя в том же самом году в Вене. В подробном библиографическом списке приведены следующие произведения Жакова:

- На север в поисках за Памом-Бур-Мортом. - СПб., 1905.
- По Иньве и Косе. - Сарапул, 1906.
- Из жизни и фантазии. - СПб., 1907.
- В хвойных лесах. - СПб., 1908.
- У иньвенских пермяков. - Архангельск, 1910.
- Улетин-Елена. - Архангельск, 1910.
- Джак и Качаморт. - Архангельск, 1910.
- Мудрый Пам. - СПб., 1910.
- Золотая сказка; Сказка серебряная; Гулень на небе; Бегство северных богов.
- Царь Кор. - Архангельск, 1911; Архангельск, 1910.
- Под шум северного ветра. СПб., 1913.

В предисловии Редеи объясняет: "Художественные и фольклорные публикации К.Ф.Жакова я включил, разумеется

из-за их недоступности". Редеи пишет также о том, что сам он изучал сочинения Жакова в 1973 г. в Москве, в библиотеке имени В.И.Ленина⁷.

Венгерские студенты имеют возможность познакомиться по крайней мере с именем и важнейшими вехами жизни и творчества К.Ф.Жакова. Это прежде всего заслуга единственного ученого в этой области Петера Домокоша. Но прежде чем говорить о его трудах, я хотела бы привести пример существования традиции в изучении восприятия Жакова в Венгрии.

В 1911 г. венгерский ученый Д.Р.Фукс предпринял научную командировку в Зырянский край (к зырянам). Подробный отчет о ней он опубликовал в журнале "Ost-Revue" ("Восточный журнал")⁸. Особый интерес Фукс проявлял к народным верованиям зырян. Во многих местах он использует цитаты из произведений Жакова.

В одной из сносок написано: "Жаков, как и ранее упомянутые Цембер, Чеусов, Надимов и Сорокин, зырянского происхождения"⁹.

Отчет свидетельствует о том, что Фукс был хорошо знаком с многочисленными произведениями Жакова. Так как работы Фукса многим известны, нет необходимости останавливаться на них подробно.

Петер Домокош - автор и соавтор многих учебников и справочников по финно-угорскому литературоведению. Для студентов венгерских университетов им написаны "Urali nyelvirokinaink" ("Наши уральские родственники по языку") и "Uralistisches Lesbuch" ("Хрестоматия по уралистике"). Жакову (его биографии), в первой книге посвящено полторы страницы, во второй - почти целая страница. Опубликованный Домокошем в "Уральской крестоматии" очерк "Современная (новая) зырянская литература" завоевал широкий читательский круг. Он был затем перепечатан в журнале "Grose Welt" (Великий мир)¹⁰.

Венгерские читатели не ограничены только литературой (сведениями) об авторе и его сочинениях, им доступны также и переводы его произведений. Так в 1975 г. в антологии "Medveenek" ("Медвежья песня") опубликован отрывок из автобиографического романа Жакова "Сквозь строй жизни" в переводе Энико Сии¹¹.

В 1984 г. в Будапеште под названием "Finnugor-sza - tojed (urali) regek mondak" ("Финно-угорские и самодийские (уральские) предания и сказки") опубликовано

собрание преданий уральских народов. В нем есть и отрывок из сказки "Атаман Шыпича" в обработке К.Ф.Жакова. Перевод принадлежит Эннико Сии¹². В примечаниях издателя есть ссылки на К.Ф.Жакова¹³.

Я хотела бы завершить свой доклад длинной цитатой. Наряду с публикациями на венгерском языке у Петера Домошса есть два введения в финно-угорское литературоведение, опубликованные на немецком языке. Первое появилось в 1982 г. в Сегеде, второе в 1987 г. в Будапеште и Гамбурге, так что заинтересованной читательской публике Германии они доступны¹⁴. Чтобы передать впечатление, которое фигура (личность) Жакова оказывает на иностранного читателя, привожу полностью. Прошу обратить внимание на то, что цитата — перевод появившегося на венгерском языке текста 1980 г. и потому отражает уровень знаний 70-х годов¹⁵. Цитирую из немецкого издания 1982 года. "Противоречивейшей личностью истории зырянской литературы и культуры является чрезвычайно (многосторонне) одаренный Калинстрат Жаков (1866-1926). Он вел такую же полную приключений жизнь, как и Горький, который после прочтения нескольких произведений Жакова сказал следующее: "Знаешь, в России есть интереснейший писатель, Жаков, зырянин. Любопытнейшая фигура." Он родился в многодетной семье известного резчика по дереву и иконописца. Свое детство, очарованный зырянской природой и литературой (зырянскими сказками, верованиями, песнями), он провел в необозримом лесном крае. Для того, чтобы учиться, он с одним из своих товарищей предпринимает многодневное путешествие на лодке и, прибыв в Вологду, пытается поступить в тамошнюю гимназию. Из-за плохих знаний по русскому языку его сначала высмеивают, но затем, обратив внимание на большие способности в математике, тотчас же принимают. Он оканчивает гимназию лучшим учеником класса, что открывает ему двести всех университетов. В Петербурге многообразие этих возможностей вначале вводит его в заблуждение, с трудом выбирает он свое научное направление: сначала он поступает на философский математический факультет Лесной академии, в течение года в Киеве изучает теологию, — наконец, решается обратиться к языкам и этнографии. Он учит финский и венгерский языки, заканчивает свою учебу с превосходными результатами, благодаря чему ему были

открыты большие возможности для будущего. Но и теперь еще Жаков не может полностью определиться. В своем автобиографическом произведении "Сквозь строй жизни" (появилось в 3-х томах в 1911-1913 гг.) с увлекательно описанными подробностями Жаков объясняет свою... нерешительность... "Почему я не остановился на астрономии, геологии, фармацевтике? Меня привлекали отсталые народы, остыки, вогулы и коми, чьи пономенные рубахи теперь собирают музеи. Но именно эти народы раздавлены цивилизованными народами. Так я начал интересоваться языком и историей этих народов. Но для наших языковедов это не важно. "Чем интересуются они?" - спросите вы. "Методикой изучения жизни прошлого, а не современности... Ах ты, бедняга! Познал ли ты всю трагичность, которая выпала на твою долю. Да... Я философ, но сегодня философия не в моде, это первая трагедия. Я хотел бы помочь зырянам, но не имею возможности этого сделать, это вторая трагедия. Я писатель, но больше сказочник, поэтому я никому не нужен."

Жаков был выдающимся явлением своего времени, великолепный оратор, среди профессоров Иенхоневрологического института он пользовался наибольшим авторитетом в студенческой среде. Часто он совершает научные командировки, читает лекции и все больше его тянет на свою Родину и к родственным народам. Между прочим, он собирается издавать журнал на зырянском языке. На коми (зырянском) он ничего не опубликовал, но зато очень много на русском. Он опубликовал целый ряд - еще и сейчас труднодоступных - сочинений различного содержания (для иллюстрации можно упомянуть несколько названий: "Логика с точки зрения ее развития", "Понятие предела в математике", "О преподавании этики в средней школе", "Об иньиенских пермяках" и т.д.), далее многочисленные художественные произведения, обработки сказок и преданий, историзированные и народные рассказы, реалистические рассказы о простых людях севера. Все, что он ни писал, - все было проникнуто присущей ему эмоциональностью, патетикой, пацифистской пессимистической философией, определяемой самим Жаковым как лимитизм. Некоторые из художественных произведений Жакова: "Мудрый Пам", "Бегство северных богов", "В хвойных лесах"...

После 1917 года Жаков оказался за границей, в Латвии, ему невозможно было вернуться на свою обновленную Родину...

Я надеюсь, что смогла донести до вас, какой громадный интерес уже в течение десятилетий вызывает у специалистов личность и творчество Жакова.

Перевод с немецкого В.Я.Чернышовой

- ¹The Autobiography of Pitirim A.Sorokin // A Long Journey.- New Haven, Connecticut, 1963.- P. 58-59;
Сорокин П. Успешный дебют в столице // Родники пармы. - Сыктывкар, 1990. - С. 49-50.
- ²Carla Corradi. I Finno-Permiani. - Parma, 1982.-P.188.
- ³John Gordon Coates. Aspects of Modern Komi-Zyryan. Literature: Diss. - Cambridge, 1968. - P. 19.
- ⁴Ibid., P. 120.
- ⁵J.G.Coates. Brief an Karin Höpp, 27. September 1991.
- ⁶K.Rédei. Chrestomathia Syrjäenica. - Budapest, 1978; Syrjänische Chrestomathie. Mit Grammatik und Glossar // Studia Uralica, 1. - Wien, 1978.
- ⁷Rédei. Syrjänische Chrestomathie. 1.
- ⁸D.R.Fuchs. Eine Studienreise zu den Syrjänen // Kelti Szemle - Revue Orientale, XII. - 1911-1912. - P. 229-260.
- ⁹Ibid., P. 234.
- ¹⁰Péter Hajdú - Péter Domokos. Uráli nyelvrókona - ink. - Budapest, 1980. - P. 197-198;
Péter Domokos. Uralisztikai Olvasókönyv. - Budapest, 1977. - P. 590;
A komi irodalomról // Nagyvilág, 16.-1971.-P.447-450.
- ¹¹Kallisztrát Zsakov: "részletek az 'Egy emberöltön át című önéletrajzi regényból // Medveének. A keleti finnugor népek irodalmának kistükre. - Budapest, 1975. - 323-337.
- ¹²Sipitsa atamán. K.Zsakov feldolgozása // Finnugor-szamojéd (uráli) regék és mondák. Hrsg. Péter Domokos. Band 1. - P. 473-476.
- ¹³Finnugor-szamojéd (uráli) regék és mondák. B.1.P.484.
- ¹⁴Péter Domokos. Handbuch der uralischen Literaturen Studia Uralo-Altaica, 18. - Szeged, 1982;
- Péter Hajdú - Péter Domokos. Die uralischen Sprachen und Literaturen. - Budapest-Hamburg, 1987.
- ¹⁵Vgl. Uráli nyelvrókonaink. P. 197-198.
- ¹⁶Domokos. Handbuch. P. 212-214.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы настоящего сборника, который является первым шагом в комплексном изучении творческого наследия К.Ф.Жакова, еще раз убеждают в том, что без глубокого и всестороннего исследования этого феномена финно-угорской культуры невозможно представить развитие философского, эстетического и художественного сознания финно-угорских народов XX века. Вместе с тем сегодня уже ясно, что феномен К.Ф.Жакова невозможно понять, выводя его только из особенностей финно-угорского мира. Большое воздействие на становление и формирование личности и таланта К.Ф.Жакова оказала европейская (прежде всего скандинавская и русская) культура, философия и эстетика Востока и древней Греции. Значение первой Жаковской конференции, материалы которой составили основу настоящего сборника, определяется именно тем, что она поставила на повестку дня проблемы комплексного изучения творческого наследия коми писателя и философа, ибо К.Ф.Жаков так же многогранен и неисчерпаем, как Ян Сибелиус, Степан Эрьзя, Элиас Ленирот, и изучение его наследия нельзя исчерпать одной, пусть даже очень представительной научной конференцией.

Представленные здесь публикации только намечают основные направления изучения творчества К.Ф.Жакова, только ставят вопросы, исследование которых необходимо продолжить, и в то же время они свидетельствуют о многогранности и уникальности творческого наследия К.Ф.Жакова, которое во многом и сегодня остается загадкой для самих исследователей. Поэтому участники первой научной конференции по изучению творчества К.Ф.Жакова приняли ряд рекомендаций и решений. Важнейшие из них сводятся к следующему: 1) Продолжить системное изучение творческого наследия коми писателя и философа К.Ф.Жакова, начатое первой Жаковской конференцией. 2) Создать координа-

ционную группу и проводить Жаковские конференции регулярно один раз в пять лет. 3) Поручить сектору литературоведения Ин-та языка, литературы и истории Коми научного центра начать подготовку к изданию собрания сочинений К.Ф.Жакова и фундаментального исследования его творчества. 4) Ходатайствовать перед исполнительными органами Республики Коми, г.Сыктывкара и Сыктывдинского района об увековечении памяти К.Ф.Жакова. 5) Следующую региональную конференцию по творчеству К.Ф.Жакова провести в 1996 г. в Сыктывкаре.

Проведением региональной научной конференции, посвященной творчеству К.Ф.Жакова, и выходом в свет настоящего сборника научных трудов учёные финно-угорских центров России, Эстонии, Германии и Финляндии положили начало новому этапу исследования духовной культуры финно-угорских народов России – введению в научный оборот наследия до сих пор отторгнутых из истории национальных культур выдающихся деятелей финно-угорского мира.

КРАТКАЯ ХРОНИКА ЖИЗНИ
И ТВОРЧЕСТВА К.Ф.ЖАКОВА

Г.К.Лисовская

- 1866-18 (30) сент. В селе Далпой близ Усть-Сысольска в большой крестьянской семье (11 детей) родился Каллистрат Фалалеевич Жаков.
- 1877-1879 - учеба в Усть-Сысольском уездном училище.
- 1881-1884 - годы учебы в Тотемской учительской семинарии, после окончания которой разрешения на работу учителем губернские власти К.Ф.Жакову не дают, обвинив в неблагонадежности и материализме.
- 1884-1886 - К.Ф.Жаков работает чернорабочим на Холуницком заводе, возвращается домой, затем служит воинским писарем в с.Корткерос.
- 1887 - поступает учиться в 5 класс реального училища в г.Вологде. За атеистические убеждения исключен из училища. Сдаст экзамены экстерном в 1891 г.
- 1891 - К.Ф.Жаков - студент Петербургского Лесного института.
- 1892 - оставляет институт с целью стать священником, принять пострижение и учительствовать в монастырской школе, уезжает на Вологодчину в Заозерскую пустынь послушником. Однако через пять месяцев его изгоняют из пустыни за материалистические убеждения и пропаганду идей Дарвина,
- 1892-1895 - жизнь в Вологде под надзором полиции.
- 1896 - Жаков сдает экстерном экзамены на аттестат зрелости. Поступает в Киевский университет, где учится поочередно на физико-математическом и историко-филологическом факультетах.
- 1899 - К.Ф.Жаков переводится из Киевского университета на третий курс историко-филологического факультета Петербургского университета.
- 1900 - научная командировка на Вычегду, результатом которой стала работа "Этнографический очерк зырян", с которой

- Жаков выступил 12 янв. 1901 г. на заседании Русского Географического общества. Работа получила высокую оценку академика В.И.Ламанского и серебряную медаль Русского Географического общества.
- 1901 - "Этнографический очерк зырян" опубликован в первом номере журн. "Живая старина".
- 1901 - К.Ф.Жаков заканчивает Петербургский университет и с дипломом первой степени оставлен на кафедре русского языка и литературы. В № 3 журн. "Научное обозрение" опубликована работа К.Ф.Жакова "Языческое миросозерцание зырян".
- 1902 - К.Ф.Жаков защищает диссертацию "Зырянские сказки и русская народная словесность" на степень магистра и становится приват-доцентом Петербургского университета.
- 1902-1917 - преподавательская работа на общеобразовательных Черняевских курсах.
- 1905 - вышел сборник рассказов "На Север в поисках за Памом Бур-Мортом" (СПб., издание П.П.Осипова).
- 1906 - опубликована книга "Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере" (СПб., издание М.В.Пирожкова).
- 1907 - К.Ф.Жаков знакомится с П.А.Сорокиным, будущим известным социологом, устраивает его на учебу и курирует в течение ряда лет. Пишет доклад в Усть-Сысольское уездное собрание о необходимости среди них учебных заведений для зырян. Опубликован сборник рассказов К.Ф.Жакова "Из жизни и фантазии" (СПб., изд-во "Парма").
- 1908 - академик В.М.Бехтерев приглашает Жакова на кафедру логики во вновь созданный Психоневрологический институт. Вместе с П.А.Сорокиным К.Ф.Жаков участвует в работе Нечорской экспедиции, где им записано более 30 коми народных песен. В вологодской газете "Север" за 14 авг. статья К.Ф.Жакова "Из летней поездки к зырянам. О рукописях И.Куратова".
- 1909 - К.Ф.Жаков обращается в земство с ходатайством с изданием в Коми крае газеты на коми языке.
- 1910 - в "Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера" (№ 17) рецензия П.А.Сорокина на произведение К.Ф.Жакова "Грезы Севера".
- 1910-1911 - К.Ф.Жаков выезжает в научные экспедиции в Коми край, бывает у коми-пермяков и удмуртов.

- 1911 - К.Ф.Жакову присвоено звание профессора. К.Ф.Жаков организует в' Психоневрологическом институте вечер памяти Т.Г.Шевченко. 11-19 июля: съезд авторов журнала "Вестник знания" в Киеве. Председатель съезда - К.Ф.Жаков. В журн. "Вестник знания" № 5 опубликована работа К.Ф.Жакова "Лимитизм": Теория переменного и предела в гносеологии".
- 1912 - К.Ф.Жаков ездит с лекциями по городам Транссибирской магистрали. Совершает путешествие в Китай и Японию.
- А.М.Горький знакомится с первым томом автобиографической книги К.Ф.Жакова "Сквозь строй жизни".
- 1912-1913 - на квартире К.Ф.Жакова в Петербурге проводятся философские беседы, в которых участвуют писатели, ученые, журналисты.
- 1913 - К.Ф.Жаков ездит по северным городам (Вологда, Котлас, Тотьма, Устюг, Усть-Сысольск) с лекциями. Доходы от лекций он отдает позитивным. Выходит сборник рассказов К.Ф.Жакова "Под шум северного ветра".
- 1914 - встреча К.Ф.Жакова с А.М.Горьким в Мустамяках. Опубликованы III и IV части книги "Сквозь строй жизни".
- 1915 - на вечере памяти Л.Н.Толстого, организованном К.Ф.Жаковым, выступают А.М.Горький, И.Е.Репин, адвокат О.О.Грузенберг. К.Ф.Жаков читает отрывки из романа "Сквозь строй жизни".
- В "Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера" № 3 опубликована статья К.Ф.Жакова "Пути возрождения Русского Севера вообще и в частности Зырянского края".
- 1916 - в Финляндии К.Ф.Жаковым закончена "псома севера" "Биармия".
- 1917 - за три дня до Февральской революции закрыт Психоневрологический институт.
- Весна. К.Ф.Жаков с женой А.И.Приеде приезжает на хутор ее родителей близ города Валк на границе Латвии и Эстонии.
- Осень. К.Ф.Жаков преподает в Юрьевском университете.
- 1917-1919 - в декабре К.Ф.Жаков переезжает в Исков, преподает высшую математику в женской Марининской гимназии, затем в Псковском учительском институте

и коммерческом училище - педагогику и психологию. Заканчивает работу "Древняя философия в сказках". К.Ф.Жакова избирают профессором философии Тамбовского университета, преподавателем Института народного образования в Усть-Сысольске, однако он не смог выехать из Пскова - шла гражданская война.

1919- 24 авг. К.Ф.Жаков возвращается в Эстонию.

1920 - 9 июля. Университетский совет отменил лекции К.Ф.Жакова по философии.

1921 - 1 июля. К.Ф.Жаков освобожден от должности лектора коми языка в Юрьевском университете.

1 окт. В день 55-летия К.Ф.Жакова философское общество г. Валк приветствует юбиляра. В газ. "Лос - ледние известия" публикуется поздравление.

7 дек. В Латвии официально зарегистрировано "Латвийское общество философии лимитизма" (председатель - ученик К.Ф.Жакова Э.Гросвальд). Одновременно с этим обществом в Латвии создана "Академия философии лимитизма" (председатель - ученик К.Ф.Жакова Э.Барон).

К.Ф.Жаков расстается с женой А.И.Приседе и переезжает в Ригу.

1922 - Весна-осень. К.Ф.Жаков переезжает на хутор отца своего ученика Э.Барона и пишет статьи, лекции, крупное исследование - "Методология наук".

Ноябрь. К.Ф.Жаков возвращается в Ригу. Ведет постоянный цикл публичных лекций в здании основной школы № 27. Среди слушателей К.Ф.Жакова поэт Ян Райнис, художник Н.Рерих, будущий общественный деятель Юстас Паленцкис.

Ян Райнис перевел 8 глав из поэмы К.Ф.Жакова "Бигармия" на латышский язык (опубликованы в журнале общества лимитистов).

1923 - в Усть-Сысольске на коми языке опубликована сказка К.Ф.Жакова "Майбыр". Пер. Н.Попов. В книге для чтения учащихся 4-5 классов "Выль туйёд" в переводах В.Лыткина, Н.Попова, В.Сивкэва опубликованы рассказы К.Ф.Жакова "В коми селе", "Охота", "На заводе". В изданной в Вологде книге А. и А.Веселовских "Вологжане-краеведы. Источники словаря" статья о К.Ф.Жакове со списком его трудов.

1925 - переписка К.Ф.Жакова с зам. наркома просвещения РСФСР М.Н.Покровским об открытии кафедры языков

народов Севера в Пермском университете, которую
должен был возглавить К.Ф.Жаков, и о возвращении
К.Ф.Жакова на родину.

1926 - 20 янв. в Риге в возрасте 59 лет скончался
К.Ф.Жаков.

24 янв. он похоронен на Никровском православном
кладбище г.Риги.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ТВОРЧЕСТВО К.Ф.ЖАКОВА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ И ФИННО-УГОРСКИХ КУЛЬТУР	
Демин В.Н. К.Ф.Жаков как явление финно-угор- ской культуры XX века	8
Жеребцов И.И. К.Ф.Жаков в оценках советских ис- следователей	21
Орлицкий Ю.Б. Стихи и проза К.Ф.Жакова в кон- тексте художественных поисков русской культуры начала XX века	28
Бассель Н.М. К.Ф.Жаков и эстонская литература начала XX века. К проблеме общего "культурного пространства"	35
Шкляев А.Г. К.Ф.Жаков и первые удмуртские писа- тели: типология творческих поисков	43
Рочев Ю.Г. К.Ф.Жаков и фольклор	50
Лисовская Г.К. Новеллистика К.Ф.Жакова	57
Лыткина Л.В. Малая проза К.Ф.Жакова (проблемы повествования)	65
Кузнецова Т.Л. Художественные особенности ро- мана К.Ф.Жакова "Сквозь строй жизни"	71
ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ЭТИКИ И ЭТНОЛОГИИ В НАСЛЕДИИ К.Ф.ЖАКОВА	
Микушев А.К. Наследие К.Ф.Жакова и современ- ность	78
Королев К.С. Поэма К.Ф.Жакова "Биармия" и совре- менные представления о Биармии	83
Ковалева Е.Д. Идея Бога в философии лимитизма К.Ф.Жакова	87
Муравьев В.В. Религиозные взгляды К.Ф.Жакова .	93
Жеребцов А.В. Философия лимитизма К.Ф.Жакова и теория познания диалектического материализма в работе В.И.Ленина "Материализм и эмпириокритицизм'97	
Федорович В.А. Философия лимитизма К.Ф.Жакова	102
Югов С.А. Концепция лимитизма в сказках К.Ф.Жа- кова	108

ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

К.Ф.ЖАКОВА

кова Л.В. Жаков как педагог	114
ркин А.И. К.Ф.Жаков в Эстонии	120
майлова-Зуева А.С. К.Ф.Жаков и финно-угор- ре общество в Хельсинки	128
нююшев В.М. К.Ф.Жаков о пермской группе фин- их народов	133
щевская Л.П. Издательская деятельность Ф.Жакова	139
ртынов В.И. К.Ф.Жаков о коми литераторах .	145
пп К.Б. Восприятие К.Ф.Жакова за рубежом (пе- вод с немецкого В.Я.Чернышовой)	151
ключение	157
совская Г.К. Краткая хроника жизни и творче- ства К.Ф.Жакова	159

К.Ф.ЖАКОВ. ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

Редактор Л.П.Мосунова

Техн.редактор М.А.Сазанская.

Оператор С.Ю.Петрова

дано в набор 05.04.93. Подписано в печать 11.05.93.
Формат 60x90 1/16. Бум.оффсетная № 2. Печать офф-
сетная. Уч.-изд.л. 8,2. Усл.печ.л. 10,25. Тираж 300.
Заказ № 65

Участок оперативной полиграфии

Коми научного центра УрО РАН
г.Сыктывкар, ул.Первомайская, 48.